2/II-3187

О СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ.

РАЗБОРЪ ЭНЦИКЛИКИ

ПАПЫ ЛЬВА XIII ОТЪ 20 ІЮНЯ 1894 ГОДА.

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Александра Бѣляева.

Сергіевъ Посадъ
Моск. губ.

2-я ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
1897.

BX
4710

(361)

049
37

Печатать дозволяется. 25 октября 1896 года.
Ректоръ Академіи *Архимандритъ Лаврентій.*

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ТОМЪ,

принесла-ли кому либо пользу Брестская унія.

Лучше война похвальная, нежели миръ, отдѣляющій отъ Бога.

Григорій Богословъ.

Протекло ровно триста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на соборѣ въ городѣ Брестѣ [1]), въ октябрѣ 1596 г., съ 6-го по 9-е число, была провозглашена унія Западно-русской Церкви съ Римскою церковію, постепенно подготовлявшаяся латинянами и ихъ сторонниками въ теченіе почти полутораста лѣтъ. Окидывая мысленнымъ взоромъ исторію Западной и Юго-западной Россіи [2]) за этотъ многовѣковой періодъ времени, невольно задаешься вопросомъ, принесла-ли Западно-русская унія хотя малую пользу кому бы то ни было? Отвѣтъ одинъ: никому никакой пользы

---

[1]) Это теперешній Брестъ-Литовскъ, большой уѣздный городъ Гродненской губерніи, имѣющій до 50 т. жителей, преимущественно евреевъ. Два года тому назадъ онъ почти весь выгорѣлъ. Близъ него сильнѣйшая крѣпость того же названія. Брестъ составляетъ пограничный пунктъ между собственною Россіею и такъ называемымъ теперь Царствомъ Польскимъ. Но должно сказать, что въ этнографическомъ отношеніи Брестъ и въ старину находился и теперь находится не на границѣ съ собственно польскими областями, а внутри Россіи, потому что пограничная съ нимъ съ запада губернія Сѣдлецкая и лежащая на югъ отъ него губернія Люблинская искони были населены Русскими. Это—Забужная Русь. Занимая выгодное положеніе при рѣкѣ Западномъ Бугѣ, Брестъ и въ старину былъ значительнымъ городомъ. О Брестѣ и его древнихъ храмахъ написалъ историческій очеркъ священникъ Л. С. Паевскій подъ заглавіемъ: *Городъ Брестъ-Литовскъ и его древніе храмы.* Гродно. 1894 г.

[2]) Въ настоящемъ случаѣ Западной Россіею мы называемъ Бѣлоруссію и Литву, а Юго-западною—заднѣпровскія губерніи Россіи и Галицію, или Червонную Русь.

она не принесла, а погубила она многихъ, бѣдствія принесла неисчислимыя.

Не принесла она большой выгоды даже тѣмъ, въ чьихъ интересахъ она была предпринята и учреждена: ни Латинской церкви и папѣ, ни польскимъ королямъ и ихъ королевству, ни православнымъ епископамъ, отступившимъ отъ вѣры отцовъ своихъ и передавшимся на сторону Латинской церкви изъ за личныхъ разсчетовъ. Унія не возвысила ни духовной жизни, ни матеріальнаго благосостоянія всѣхъ вообще Русскихъ и Литовцевъ, принявшихъ ее и пребывавшихъ въ ней, а, напротивъ, повредила имъ во многомъ. А тѣмъ православнымъ, которые пребыли тверды въ вѣрѣ отеческой, унія причинила величайшія бѣдствія.

Правда, Брестская унія расширила Латинскую церковь, число подданныхъ папы умножилось, но на долго-ли? Нѣтъ, отторгнутые отъ Православной Церкви обманомъ, коварствомъ, обѣщаніемъ земныхъ благъ и даже насиліемъ, Бѣлоруссы и Литовцы спустя два съ половиною вѣка, въ 1839 г., опять возсоединились съ Православною Церковію. Мало этого: насилія, которыя допускали латиняне и уніаты въ отношеніи православныхъ при введеніи и дальнѣйшемъ распространеніи уніи, совершенно уронили латинянъ и ихъ вѣру въ глазахъ Русскихъ людей. Конечно, Русскіе и прежде знали, что латинская вѣра—неправая вѣра; но унія наглядно и опытно показала имъ, что латиняне не только вѣруютъ неправо, но и поступаютъ не по-христіански и даже безчеловѣчно. Унія внушила обитателямъ Западной и Юго-западной Россіи не расположеніе, не любовь и уваженіе къ папамъ и къ латинской или уніатской вѣрѣ, а недовѣріе, чувства страха, непріязни, ненависти. А разъ значительная часть населенія прониклась такими чувствами къ латинянамъ и уніатамъ, дѣло уніи и латинизаціи Россіи было подорвано въ корнѣ. Окончательное уничтоженіе уніи было уже неизбѣжно, и оно, дѣйствительно, совершилось. Унія въ Россіи не только погибла, но погибла навсегда,

она никогда не возродится. Изъ за Брестской уніи было столько пролито русской крови, пролито безжалостно, безплодно! и можетъ ли Россія забыть это? Можетъ-ли она согласиться на унію съ Римомъ въ другой разъ? Такимъ образомъ, Брестская унія въ концѣ концовъ и сама пала и привела къ послѣдствіямъ, невыгоднымъ для папъ, для Латинской церкви и для латинской вѣры [1]).

Принесла-ли какую нибудь пользу унія Польшѣ и королямъ ея? Увеличила-ли она церковную и политическую силу этого королевства? Усилила-ли она власть польскихъ королей?

Само собою понятно, что польскіе короли ожидали отъ уніи великихъ благъ для своего королевства и для самихъ себя. Сами они и народъ въ главной части ихъ владѣній—въ Польшѣ исповѣдывали латинскую вѣру, а въ принадлежавшихъ имъ Западной и Юго-западной Россіи народъ былъ вѣры православной. И польскимъ королямъ и всѣмъ вообще Полякамъ было естественно желать, чтобы принадлежавшіе къ Польшѣ православные стали латинянами по вѣрѣ. Притомъ, такъ какъ Великороссія и Малороссія, съ которыми Польша соперничала и боролась, исповѣдывали православную вѣру, то было даже опасно имѣть на границахъ съ ними области, населенныя православнымъ Русскимъ народомъ. Чрезъ унію своихъ православныхъ подданныхъ съ Римомъ польскіе короли надѣялись достигнуть двухъ весьма важныхъ результатовъ: съ одной стороны, ослабить тяготѣніе православныхъ областей своего королевства къ Великой и Малой Россіи, съ другой, устранить разновѣріе и связанную съ нимъ рознь въ своемъ

---

[1]) Въ настоящее время уніаты есть только въ Галиціи. Въ газетахъ сообщалось, что они собираются торжественно отпраздновать трехсотлѣтній юбилей уніи съ Римомъ. Мы можемъ только молить Бога, чтобы и для Галицкихъ Русскихъ насталъ когда-нибудь часъ возсоединенія съ Православною Церковію, къ которой принадлежали ихъ предки. Тяжелъ для нихъ неестественный политическій союзъ подъ одною короною съ Поляками, Мадьярами и Нѣмцами; и эта тяжесть, къ несчастью, увеличивается еще неестественнымъ церковнымъ союзомъ съ Римомъ.

королевствѣ, распространить господствующую вѣру во всемъ королевствѣ и чрезъ это сдѣлать его цѣльнымъ, сплоченнымъ и сильнымъ. Эта мысль объ уніи, какъ средствѣ политическаго возвышенія Польши, явственно звучитъ въ слѣдующихъ словахъ универсала, изданнаго королемъ Сигизмундомъ III ко всѣмъ своимъ подданнымъ греческаго закона о созваніи собора для рѣшенія вопроса объ уніи: „Имѣя въ виду древнее соединеніе церквей, Восточной и Западной, всегда способствовавшее возвышенію и процвѣтанію царства, и подражая примѣру великихъ государей, старавшихся о соединеніи этихъ церквей, раздѣлившихся между собою, пламенно желаемъ и мы находиться въ одной вѣрѣ со всѣми нашими подданными и вмѣстѣ съ ними единымъ сердцемъ и устами славить Бога... Потому, среди другихъ нашихъ государственныхъ заботъ, склонили мы нашъ помыслъ и на то, чтобы людей греческой религіи въ нашемъ государствѣ привесть къ прежнему единству съ церковію Католическою, Римскою, подъ властію одного верховнаго пастыря... Вы, когда хорошо разсудите (т. е., на соборѣ), ничего полезнѣе, важнѣе и утѣшительнѣе для себя не найдете, какъ святое соединеніе съ Католическою церковію, которое водворяетъ и умножаетъ между народами согласіе и взаимную любовь, охраняетъ цѣлость государственнаго союза и другія блага, земныя и небесныя“ [1]). Но король обманулся въ своихъ надеждахъ. Безъ уніи православные имѣли хотя нѣкоторое, хотя наружное согласіе съ латинянами, и самое разногласіе между ними не доходило до вражды и ожесточенной борьбы. Напротивъ, унія раздѣлила жителей королевства на два враждебные лагеря: съ одной стороны, уніатовъ и латинянъ, съ другой, православныхъ, и началась вѣковая борьба между этими двумя сторонами, которая, какъ и всякое междоусобіе, благопріятствовала не возвышенію, а разрушенію королевства. Что касается до тяготѣ-

[1]) Митрополита Макарія Исторія Русской Церкви. Т. 9, стр. 643—644.

нія къ Россіи сосѣднихъ съ нею и чисто-русскихъ областей Польши, то хотя оно и ослабѣло въ уніатахъ, но за то усилилось въ православныхъ. Въ итогѣ унія привела къ послѣдствіямъ, противоположнымъ тѣмъ, какихъ отъ нея ожидали король и Поляки,—послѣдствіямъ, крайне вреднымъ для внутренняго мира, благосостоянія, цѣлости и безопасности Польши.

Что дала унія православнымъ Русскимъ и Литовцамъ, населявшимъ области Польскаго королевства?

Ничего, кромѣ величайшихъ бѣдствій. Она раздѣлила Русскихъ и Литовцевъ на двѣ враждующія между собою стороны: на уніатовъ и православныхъ. Сколько слезъ и крови было пролито въ борьбѣ между православными, которые были доведены до необходимости оружіемъ защищать неприкосновенность своей истинной, отеческой вѣры, и уніатами, которые не гнушались никакими средствами для привлеченія православныхъ къ уніи, это хорошо всѣмъ извѣстно. Тѣ, которые приняли унію добровольно, жалки были тѣмъ, что лучшую вѣру перемѣнили на худшую. Тѣ, которые были вовлечены въ унію обманомъ, или насиліемъ, были вполнѣ несчастны, потому что за униженіе и страданія ихъ у нихъ отнимали ихъ родную и истинную вѣру и вводили въ чуждую имъ церковь и внѣдряли въ нихъ неистинную вѣру. Уніаты, распространявшіе унію среди православныхъ, возжигали ненависть къ себѣ въ послѣднихъ. Иногда фанатичная пропаганда имъ стоила жизни, какъ это случилось съ Іосафатомъ Кунцевичемъ. Но несравненно болѣе страданій выпало на долю православныхъ, какъ стороны слабѣйшей. Ихъ храмы отдавали въ аренду жидамъ и всячески издѣвались надъ православною святынею, православныхъ тѣснили и гнали, мучили, казнили. Унія убивала душу въ гонителяхъ, отравляла жизнь гонимыхъ, подкапывала благосостояніе тѣхъ и другихъ.

Чего достигли тѣ немногіе православные епископы, которые первыми приняли унію и старались распространить ее между православными?

Всѣ они встрѣтили сильнѣйшее противодѣйствіе себѣ со стороны огромнаго большинства православныхъ. Они на своемъ соборѣ низложили православныхъ епископовъ, противившихся уніи, а православные епископы на своемъ соборѣ, напротивъ, низложили ихъ. Имъ и ихъ преемникамъ по уніи пришлось вести отчаянную борьбу противъ православныхъ—духовныхъ и мірянъ. Правда, они одержали верхъ надъ православными и долго господствовали надъ ними. Но эта временная побѣда имъ дорого стоила, да и одержали они ее только потому, что они дѣйствовали въ королевствѣ, въ которомъ господствующею вѣрою была латинская вѣра, и они находили огромную поддержку въ королях, въ польскихъ и ополяченныхъ магнатахъ, въ папѣ и іезуитахъ и во всемъ польскомъ духовенствѣ. И все таки побѣда уніатовъ надъ православными не была ни окончательною, ни полною.

Въ частности, ничего не достигъ чрезъ унію Западно-русской церкви митрополитъ Михаилъ Рогоза. Онъ не былъ убѣжденнымъ уніатомъ и сталъ во главѣ уніи отчасти потому, что ему было обѣщано кресло въ Сенатѣ, и изъ страха предъ королемъ. Но сенаторомъ его не сдѣлали, а между тѣмъ онъ видѣлъ, что православные его проклинаютъ. Разочарованный, онъ умеръ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ введенія уніи.

Другой дѣятель по введенію уніи епископъ Луцкій Кириллъ Терлецкій, происходя изъ дворянъ, жилъ не какъ монахъ и святитель, а какъ богатый польскій магнатъ, и даже производилъ безчинства, напр., вооруженныя нападенія съ цѣлію насильственнаго захвата имѣній. Повидимому, онъ сдѣлался уніатомъ изъ земныхъ разсчетовъ, такъ какъ равнодушно относился къ дѣлу распространенія уніи. Чрезъ унію онъ не потерялъ земныхъ выгодъ, но и не пріобрѣлъ ничего важнаго.

Третьимъ и самымъ главнымъ дѣятелемъ по введенію и распространенію уніи былъ Владимірскій епископъ Ипатій (въ міру Адамъ) Поцѣй или Потѣй.

VII

Онъ дѣйствовалъ какъ убѣжденный уніатъ: онъ ревностно распространялъ унію, энергически боролся противъ православныхъ и имѣлъ успѣхъ въ борьбѣ; онъ приготовилъ цѣлую школу продолжателей своего дѣла, изъ которыхъ достаточно упомянуть объ извѣстномъ фанатикѣ епископѣ Іосафатѣ Кунцевичѣ [1]), и если унія не замерла въ самомъ началѣ, то этимъ она обязана Ипатію Потѣю. Достигъ онъ и земныхъ почестей, сдѣлавшись, послѣ Михаила Рогозы, митрополитомъ Западно-русской церкви. Но въ высшей степени замѣчательно то, что прошлое этого главнаго дѣятеля по введенію и распространенію уніи было запятнано безпримѣрнымъ непостоянствомъ въ вѣрѣ, которое показываетъ, что онъ былъ или человѣкъ ненормальный, или себѣ на умѣ. Онъ родился отъ православныхъ родителей и былъ сначала православнымъ. Но въ юныхъ годахъ, состоя на службѣ у князя Радзивилла, покровительствовавшаго протестантамъ, онъ сдѣлался протестантомъ. Потомъ, когда состоялъ на королевской службѣ, онъ опять возвратился въ лоно Православной Церкви, имѣя въ это время свыше тридцати лѣтъ отъ роду. Наконецъ, имѣя уже около пятидесяти лѣтъ, онъ обнаружилъ склонность къ уніи, а потомъ и, дѣйствительно, сталъ уніатомъ и ревностнымъ пропагандистомъ уніи.

Ипатій Потѣй достигъ своихъ цѣлей, но если бы онъ напередъ могъ знать, сколько бѣдствій принесетъ унія Западной и Юго западной Россіи, сколько проклятій будетъ сыпаться на его голову и на его приверженцевъ, и могъ предвидѣть, что окончательное торжество останется не за уніей, а за православіемъ, то рѣшился ли бы онъ сдѣлаться уніатомъ? Едва-ли, если только онъ не былъ человѣкомъ, для котораго нѣтъ ничего святаго.

---

[1]) О Кунцевичѣ была помѣщена въ Странникѣ, №№ 6—9, за 1896 г., статья П. Ѳ. В-ла подъ заглавіемъ: *Латино-уніатскій святой Іосафатъ Кунцевичъ* (По поводу трехсотлѣтія Брестской уніи). Еще есть брошюра священника Льва Паевскаго: *Лжемученикъ Іосафатъ Кунцевичъ* (Уніатскій Полоцкій архіепископъ). 1895 г. Гродно.

Должно замѣтить, что унія не только распространяема была насильственно, но и первоначальное введеніе ея сопровождалось всякими правонарушеніями и беззаконіями. Дѣло уніи сначала подготовлялось тайно; нѣсколько православныхъ епископовъ, ставшихъ на сторону уніи, измѣнили православной вѣрѣ изъ личныхъ своекорыстныхъ разсчетовъ; Потѣй и Терлецкій, въ качествѣ пословъ, уполномоченныхъ отъ короля, митрополита и епископовъ, согласившихся принять унію, прибыли къ папѣ Клименту VIII и подписали въ Римѣ въ концѣ 1595 г. унію отъ лица всей Западно-русской церкви, между тѣмъ какъ они знали, что уніи желали только король, митрополитъ и нѣсколько епископовъ, а вся церковь вовсе не желала ея, и православные во многихъ городахъ лишь только узнали о томъ, что митрополитъ склоняется къ уніи, заявили энергическій протестъ противъ уніи; по возвращеніи Потѣя и Терлецкаго изъ Рима земскіе послы, избранные на провинціальныхъ сеймахъ, явились на генеральный сеймъ въ Варшаву и здѣсь, отъ лица всѣхъ православныхъ, торжественно заявили, что они не хотятъ уніи, просили короля лишить сана Потѣя и Терлецкаго, какъ измѣнниковъ православію и вѣроотступниковъ, но законныя желанія православныхъ не были уважены, король явно сталъ на сторону уніатовъ и воружился противъ православныхъ; на Брестскій соборъ, созванный митрополитомъ по приказу короля, православные приглашены не были, и отъ нихъ злонамѣренно скрыли даже время и мѣсто, когда и гдѣ долженъ былъ состояться соборъ, такъ что на Брестскомъ соборѣ, торжественно провозгласившемъ уже ранѣе подписанную въ Римѣ унію, православныхъ совсѣмъ не было, и вопросъ объ уніи не былъ и обсуждаемъ; результатомъ такого беззаконнаго образа дѣйствія, которымъ были нарушены не только церковныя правила, но и приказъ короля, было то, что кромѣ Брестскаго собора, состоявшаго изъ сторонниковъ уніи, въ Брестѣ же состоялся соборъ православныхъ епископовъ и другихъ духовныхъ и свѣт-

скихъ лицъ, и между тѣмъ какъ на уніатскомъ соборѣ унія была принята, на православномъ соборѣ, болѣе многолюдномъ, она была отвергнута; вмѣсто того, чтобы соединить людей, унія сразу же раздѣлила на двѣ враждебныя одна другой стороны тѣхъ, которые до уніи составляли одно согласное стадо вѣрующихъ: епископы уніатскаго собора низложили и прокляли православныхъ епископовъ, а епископы православнаго собора низложили епископовъ, принявшихъ унію, и началась многовѣковая кровавая война между православными и уніатами, главными виновниками которой были латиняне, особенно іезуиты, и передавшіеся на ихъ сторону уніаты; Брестскій уніатскій соборъ—соборъ незаконный, такъ какъ на этотъ соборъ намѣренно не были приглашены православные; принятое на немъ рѣшеніе вступить въ унію съ Римомъ незаконно еще и потому, что оно было принято не только безъ согласія Константинопольскаго патріарха, которому подчинена была Западно-русская митрополія, но и прямо вопреки его волѣ и даже съ наглымъ нарушеніемъ его патріаршихъ правъ, такъ какъ представители его и въ числѣ ихъ главный—экзархъ Никифоръ на уніатскій соборъ приглашены не были; напротивъ, Брестскій православный соборъ былъ законный соборъ, потому что хотя онъ состоялся безъ согласія и не въ присутствіи главы Западно-русской церкви митрополита Рогозы, но православные вынуждены были составить отдѣльный отъ своего митрополита соборъ частію потому, что митрополитъ самъ устранилъ ихъ отъ своего собора, не сказавши имъ, несмотря на ихъ запросы, въ какой день и въ какомъ домѣ или храмѣ соберется соборъ, частію потому, что митрополитъ, какъ они это знали, уже сталъ на сторону уніи, и такимъ образомъ сдѣлался отступникомъ отъ своей вѣры раньше, чѣмъ Западно-русская церковь положила перемѣнить свою вѣру на уніатскую; притомъ же на православномъ соборѣ были представители отъ церквей Константинопольской и Александрійской, одобрявшіе дѣйствія право-

славнаго собора и осуждавшіе соборъ уніатскій, а на уніатскій соборъ они не были приглашены.

Брестская унія была подготовляема подпольно, введена незаконно, принята изъ разсчетовъ земныхъ, либо личныхъ, либо государственныхъ, но вообще пользамъ русскаго населенія Западной и Юго-западной Россіи неблагопріятныхъ и даже прямо противныхъ, распространена коварно, насильственно и беззаконно; эта унія была не нужна и даже ненавистна тому населенію, среди котораго она была распространяема; жалкаго состоянія, въ которомъ находилась Западно-русская церковь до уніи, она не поправила, а еще болѣе ухудшила; духовенство, высшее и низшее, по-прежнему оставалось мірскимъ по характеру, распущеннымъ, своекорыстнымъ и зависимымъ отъ свѣтской власти и отъ всякаго пана; не прекращались прежніе безпорядки, и паства попрежнему оставалась безъ назиданія; но ко всему этому присоединилось горшее зло: ожесточенная, кровавая борьба между православными, которые отстаивали свою отеческую истинную вѣру, и уніатами, которые насильственно распространяли унію между православными; *унія,* означающая своимъ именемъ *союзъ, соединеніе,* сдѣлалась источникомъ непримиримыхъ, нескончаемыхъ раздоровъ и ожесточенной борьбы, которые удесятерили бѣдствія страдальческой церкви и несчастнаго народа.

Тяжело вызывать въ памяти кровавыя картины давняго времени, но теперь это кстати, не только потому, что прошло ровно три вѣка со времени введенія уніи въ Западной и Юго-западной Россіи, но еще и потому, что печальное прошлое даетъ руководственныя указанія, нужныя особенно теперь. Папы и ихъ приверженцы, въ особенности іезуиты, всегда стремились распространить латинскую вѣру среди православныхъ народовъ Востока или, по крайней мѣрѣ, соединить ихъ съ своею церковію на условіяхъ и правахъ уніи. Имъ и удалось распространить унію въ Западной и Юго-Западной Россіи, обратить въ латинскую вѣру, или привесть въ унію

съ Римомъ не малое число православныхъ, принадлежавшихъ къ церквамъ Іерусалимской, Антіохійской, Александрійской и Константинопольской, а также Армянъ и христіанъ другихъ обществъ, хотя и не живущихъ въ общеніи съ Православною Церковію, но по своей вѣрѣ очень мало отличающихся отъ православныхъ. И въ наши дни латиняне не только не перестали распространять свою вѣру среди православныхъ и близкихъ имъ по вѣрѣ народовъ, но по указаніямъ теперешняго папы Льва XIII ведутъ пропаганду своей вѣры даже съ удвоенною энергіей. Такъ, они стараются обратить въ Латинскую вѣру Болгаръ, освобожденныхъ отъ турецкаго ига Россіею въ 1878 г., а также славянъ, живущихъ въ Босніи и Герцеговинѣ; они же употребляютъ усилія къ тому, чтобы распространить латинскую вѣру, или же унію съ Римомъ среди Грековъ, Арабовъ, Сирійцевъ, Армянъ, Коптовъ, Абиссинцевъ. И пропаганда ихъ не безуспѣшна.

Но папѣ этого мало. Въ настоящее время папа приглашаетъ всѣ христіанскіе народы вступить въ унію съ Латинскою церковію и краснорѣчиво описываетъ великія блага, которыя принесетъ имъ унія. Въ 1894 году онъ издалъ двѣ энциклики. Въ первой изъ нихъ, важнѣйшей, изданной въ іюнѣ, онъ призываетъ всѣ народы и всѣхъ государей присоединиться къ его церкви, принять его вѣру, подчиниться его престолу и за это обѣщаетъ имъ величайшія блага, духовныя и матеріальныя. Эту энциклику мы и будемъ обсуждать подробно. Другая энциклика, изданная въ концѣ года, подъ заглавіемъ: *Апостольское посланіе святѣйшаго отца нашего Льва папы XIII о поддержаніи и утвержденіи дисциплины восточныхъ церквей,* начинающаяся словами: „Orientatium dignitas ecclesiarum“, и извѣстная подъ названіемъ *Апостолической Конституціи*, преподаетъ правила и указываетъ практическія мѣры для осуществленія началъ и плановъ первой энциклики въ дѣлѣ воссоединенія съ Латинскою церковію только однихъ восточныхъ церквей; а именно, въ цѣляхъ болѣе

успѣшнаго привлеченія восточныхъ христіанъ къ своей церкви, папа приказываетъ латинскимъ миссіонерамъ, епископамъ, священникамъ и монахамъ отнюдь не принуждать восточныхъ христіанъ замѣнять свои обряды латинскими обрядами и даже исполненіе приказа ограждаетъ угрозой взысканій съ нарушителей его.

Не довольствуясь изданіемъ энцикликъ, Левъ XIII для болѣе широкаго распространенія своихъ излюбленныхъ мыслей о соединеніи церквей и успѣшнѣйшаго осуществленія ихъ на дѣлѣ, основалъ въ 1896 г. постоянное изданіе, журналъ „Виссаріонъ", названный такъ по имени епископа Виссаріона, ратовавшаго за соединеніе Православной Церкви съ Латинскою на Ферраро-Флорентійскомъ соборѣ. Пока этотъ журналъ издается на итальянскомъ языкѣ, но предположено издавать его еще и на греческомъ языкѣ. Какъ и въ энцикликахъ, направленіе журнала, намѣченное въ программѣ его, будетъ не полемическое, а примирительное, даже заискивающее въ отношеніи православныхъ христіанъ.

Возникаетъ вопросъ, можно-ли вѣрить посуламъ папы? Можно-ли ожидать, что церковная унія съ Римомъ облагодѣтельствуетъ тѣ христіанскіе народы, которые примутъ ее? Въ частности, можно ли надѣяться, что она принесетъ великія или хотя малыя блага православнымъ народамъ Востока?

Для основательнаго и правильнаго рѣшенія этихъ вопросовъ, теоретическаго и практическаго, не малую помощь можетъ оказать историческая справка о Брестской уніи. Вотъ почему, имѣя намѣреніе обсудить вопросы о томъ, какъ мы, православные, должны отнестись къ призыву папы присоединиться къ его церкви, можетъ-ли Православная Церковь соединиться съ Латинскою церковію, и можетъ-ли принесть какую-нибудь пользу Православной Церкви соединеніе ея съ Латинскою церковію, мы и привели эту справку. Справка—не въ пользу соединенія Православной Церкви съ Латинскою.

О СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕИ.

Разборъ энциклики папы Льва XIII отъ 20 іюня 1894 года [1]).

Мм. Гг.! нашу настоящую рѣчь весьма прилично начать словами церковной пѣсни, которая постоянно возглашается въ храмахъ здѣшней обители, посвященныхъ имени Святой Живоначальной Троицы: *Егда, снисшедъ, языки слія, раздѣляше языки Вышній: егда же огненные языки раздаяше, въ соединеніе вся призва, и согласно славимъ Всесвятаго Духа* [2]).

Въ этомъ церковномъ пѣснопѣніи сопоставлены два величайшія событія всемірной исторіи, раздѣленныя промежуткомъ времени въ 2300 лѣтъ, какъ бы отчасти сходныя по цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно противоположныя по своимъ послѣдствіямъ. Протекло уже свыше четырехъ тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ совершилось первое изъ этихъ событій; да и со времени втораго событія миновало почти девятнадцать вѣковъ. Но память о нихъ не изгладилась и никогда не изгладится.

Изъ краткаго повѣствованія ветхозавѣтнаго Бытописателя о первомъ событіи видно, что чрезъ нѣсколько времени послѣ потопа люди размножились и поняли, что жить имъ въ одномъ мѣстѣ тѣсно, и что настало время разойтись имъ въ разныя стороны; тогда они, и въ особенности сильнѣйшіе изъ нихъ, каковъ былъ Нимродъ, сила и звѣроловное искусство котораго вошли въ поговорку, сказали другъ другу: *Построимъ себѣ городъ и башню, высотою до небесъ, и сдѣлаемъ себѣ имя, прежде нежели раз-*

[1]) Академическая рѣчь, произнесенная съ сокращеніями на годичномъ актѣ Московской Духовной Академіи 1-го октября 1895 года.

[2]) Кондакъ праздника Святыя Троицы.

сѣемся по лицу всей земли. И сошелъ Господь посмотрѣть городъ и башню, которые строили сыны человѣческіе. И сказалъ Господь: вотъ, одинъ народъ, и одинъ у всѣхъ языкъ; и вотъ, что начали они дѣлать, и не отстанутъ они отъ того, что задумали дѣлать. Сойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ, такъ чтобы одинъ не понималъ рѣчи другаго. И разсѣялъ ихъ Господь оттуда по всей землѣ; и они перестали строить городъ (и башню) (Быт. 11, 1—8).

О второмъ событіи Новозавѣтный Дѣописатель разсказываетъ (Дѣян. 2 гл.), что въ пятидесятый день по воскресеніи Іисуса Христа Духъ Святый сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ на Апостоловъ, которые всѣ были единодушно вмѣстѣ, и они начали говорить на разныхъ языкахъ, а Апостолъ Петръ собравшимся Іудеямъ и иностранцамъ началъ проповѣдывать о Христѣ, и эта проповѣдь имѣла такую силу, что въ тотъ же день крестилось до трехъ тысячъ, положено было начало Христіанской Церкви, и вѣра въ Іисуса Христа, возрастая все болѣе и болѣе чрезъ евангельскую проповѣдь Апостоловъ и ихъ преемниковъ, вскорѣ объединила даже и отдаленные другъ отъ друга племена и народы въ одномъ царствѣ истины, правды, мира и любви, въ царствѣ Божіемъ.

Въ обоихъ этихъ событіяхъ цѣль начинанія была одна — объединеніе людей; но какое огромное различіе получилось въ концахъ предпріятій! Тамъ, при Вавилонскомъ столпотвореніи, желали поддержать единеніе между людьми, которые жили пока вмѣстѣ и говорили на одномъ языкѣ, которымъ только еще въ будущемъ настояла нужда разселиться по разнымъ странамъ и для которыхъ разселеніе могло и не быть совершеннымъ разъединеніемъ; но достигли какъ разъ противоположнаго результата: люди не только разсѣялись по лицу земли, но и стали чужими другъ другу, такъ какъ перестали понимать другъ друга; разноязычіе даже и сосѣдніе народы раздѣлило и разобщило гораздо болѣе, нежели пространныя моря, необозримыя пустыни, непроницаемые лѣса, непроходимые горы или болота.

Напротивъ, здѣсь, при сошествіи Святаго Духа, разновѣрные, разноязычные, разноплеменные и разнохарактерные народы, услышавши Іудеевъ, т. е., Апостоловъ, гово-

рящихъ на ихъ языкахъ, пораженные этимъ чудомъ и умиленные ихъ проповѣдью о спасеніи всѣхъ людей чрезъ Іисуса Христа, сдѣлались христіанами и вмѣстѣ съ этимъ забыли свою исконную рознь и національную вражду и въ такой необычайной степени прониклись единодушіемъ, что имѣли все общее (Дѣян. 2, 44—46).

Отъ чего произошло столь поразительное различіе?

Отъ того, что столпотвореніе Вавилонское было дѣло человѣческое, и притомъ дурное дѣло. Городъ и башню строили *сыны человѣческіе;* а слова Бытописателя, что *Господь сошелъ посмотрѣть городъ и башню* и что Онъ помѣшалъ продолжать постройку ихъ, показываютъ, что люди начали строить ихъ не во имя Божіе, не призвавши Бога на помощь, а, можетъ быть, даже и наперекоръ волѣ Божіей, выраженной въ пророчествѣ Ноя о свойхъ сыновьяхъ и о судьбахъ ихъ потомства; они строили городъ и башню для того, чтобы *сдѣлать себѣ имя*, прославиться; они мечтали эту башню и городъ сдѣлать какъ бы всемірною столицею, откуда они могли бы управлять всѣми, даже и самыми отдаленными, народами; не для блага имѣвшихъ разсѣяться народовъ задумали они воздвигнуть городъ и башню, а побуждаемые тщеславіемъ, честолюбіемъ, властолюбіемъ, склонностію къ тиранніи; уже самая дерзновенность замысла построить башню высотою до небесъ свидѣтельствуетъ о необыкновенной, можно сказать, сатанинской гордости строителей, совершенно затьмившей ихъ разсудокъ. Напротивъ, все совершившееся въ пятидесятый день по воскресеніи Христа было дѣломъ Божіимъ: Іисусъ Христосъ заповѣдалъ Апостоламъ не отлучаться изъ Іерусалима, пока они не облекутся силою свыше, и они въ точности исполнили это завѣщаніе; отъ Духа Святаго они получили способность говорить на разныхъ языкахъ; силою Духа Святаго стали они проповѣдывать Евангеліе; не въ свое имя, а во имя Христа стали они крестить и устроять Церковь, которая силою Божіею стала быстро расти и распространяться по всей землѣ.

Изъ сказаннаго вытекаютъ два вывода: во-первыхъ, не всякое объединеніе людей и народовъ есть дѣло доброе и богоугодное; во-вторыхъ, предпринимаемыя людьми попытки сблизить и объединить племена и народы только въ томъ

случаѣ могутъ имѣть успѣхъ, когда онѣ совершаются во имя Божіе и для блага людей, а когда ихъ затѣваютъ для удовлетворенія страстей человѣческихъ, или по требованію прихотей, то они скорѣе могутъ вести людей еще къ бо́льшему раздѣленію и разобщенію, нежели къ миру и соединенію.

Какъ ни просты и самоочевидны эти истины, однако люди, ослѣпляемые страстями, упускаютъ ихъ изъ виду, или, увлекаемые земными и личными разсчетами, забываютъ о нихъ.

Между тѣмъ если когда, то именно въ наше время необходимо ихъ помнить и сообразно съ ними дѣйствовать; нынѣ какъ нельзя болѣе благовременна рѣчь о соединеніи всѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ умѣстно напоминать и эти истины.

Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли было другое время, когда бы объединительное движеніе между людьми выражалось столь разнообразно и распростиралось столь широко, какъ это мы видимъ въ наши дни. Мы не говоримъ о союзахъ политическихъ,—такого рода союзы бывали во всѣ времена,—но въ наше время съ значительною силою проявилось стремленіе къ объединенію и сліянію между единоплеменными, но разрозненными раньше въ силу политическихъ переворотовъ и другихъ причинъ, народами: разумѣемъ объединительныя движенія—съ одной стороны, племенъ германскихъ, съ другой, славянскихъ. Затѣмъ въ наше время получили силу союзы общественые, союзы состояній и сословій. Таковы компаніи и артели въ торговопромышленномъ мірѣ; таковы всемірныя, національныя и провинціальныя выставки, общія и спеціальныя; таковы международные и національные съѣзды художниковъ и ученыхъ по разнымъ спеціальностямъ.

Повидимому, усиленное стремленіе людей нашего времени къ взаимообщенію и объединенію, проявляющееся въ разныхъ видахъ и способахъ, есть естественный протестъ и реакція противъ излишней индивидуализаціи или эгоистической обособленности, чрезмѣрное усиленіе которой есть плодъ односторонности умственнаго развитія и особенно одного изъ проявленій этого развитія—крайняго раздѣленія труда, чрезвычайной спеціализаціи его. Но не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что общеніе между людьми и самыми отдаленными другъ отъ друга народами усилилось и расширилось благодаря изобрѣтеннымъ въ нашъ вѣкъ спосо-

бамъ быстролетнаго и удобнаго передвиженія людей и передачи ихъ словъ на огромныхъ пространствахъ воды и суши. Вотъ что говоритъ объ этомъ одно важное лице, о которомъ у насъ будетъ рѣчь дальше. „Для возстановленія согласія, равно какъ и для распространенія Евангелія переживаемое нами время кажется особенно благопріятнымъ вслѣдствіе того, что въ умахъ съ особенною силою живетъ сознаніе человѣческаго братства, и никогда ни въ какомъ вѣкѣ человѣкъ не стремился съ такимъ стараніемъ къ тому, чтобы узнать подобныхъ себѣ и придти имъ на помощь; поѣзда и корабли съ невѣроятною быстротою пробѣгаютъ огромныя пространства земли и моря, представляя неоцѣнимыя удобства не только для торговли и изслѣдованій ученыхъ, но также и для распространенія Слова Божія отъ восхода до заката солнца“ [1]).

Современное движеніе къ взаимообщенію и единенію, проявляясь во всѣхъ областяхъ жизни, не могло не коснуться и религіозной жизни. Какъ бы въ противовѣсъ дробленію протестантскаго исповѣданія на секты, рядомъ съ обособленіемъ старокатоликовъ отъ Римской церкви и дробленіемъ нашего русскаго раскола и сектантства на различные толки, идетъ объединительное религіозное и вѣроисповѣдное движеніе. Такъ, въ истекающемъ столѣтіи были попытки, хотя слабыя и кончившіяся ничѣмъ, къ сближенію Англиканской епископальной церкви съ Православною Церковію. Не далѣе, какъ въ 1895 г., на церковномъ съѣздѣ въ Норичѣ горячо обсуждали вопросъ о томъ, къ соединенію съ какою церковію должна стремиться Англиканская церковь—съ Римскою-ли, или съ Восточною Церковію. Затѣмъ въ настоящее время сближенія съ нашею Церковію домогаются, или по крайней мѣрѣ говорятъ о немъ, старокатолики. Наконецъ, мы были свидѣтелями не бывалаго во всемірной исторіи и почти невозможнаго по существу дѣла проявленія объединительнаго религіознаго движенія: разумѣемъ всемірный конгрессъ представителей религій въ Чикаго, на всемірной Колумбовой выставкѣ, въ 1893 году.

На этомъ удивительномъ конгрессѣ вмѣстѣ сидѣли, по-

---

[1]) Энциклика папы Льва XIII отъ 20 іюня 1894 года, въ концѣ.

видимому, мирно бесѣдуя и безпрекословно и безпрепятственно провозглашая свои религіозныя вѣрованія, греческій православный епископъ, римско-латинскіе епископы и патеры, англиканскіе епископы и священники, лютеранскіе и реформатскіе пасторы, учители разнообразныхъ протестантскихъ сектъ, еврейскіе раввины, буддійскіе бонзы, мухаммеданскіе муллы, индусскіе брамины. Это было въ своемъ родѣ какъ бы вавилонское смѣшеніе и языковъ и религій. Правда, ни къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ этотъ конгрессъ, какъ и слѣдовало ожидать, не привелъ. Религіи остались по прежнему каждая сама по себѣ. Между представителями ихъ, бывшими на конгрессѣ, не только не воспослѣдовалс сближенія и примиренія, но даже, не смотря на принятыя предупредительныя мѣры, не смотря на утонченную деликатность въ обращеніи, исконное недовѣріе, нерасположеніе и враждебность представителей однихъ религій къ представителямъ другихъ религій, всетаки прорывались наружу. Устроители и распорядители конгресса, равно какъ и члены его, не осмѣлились сдѣлать хотя бы тотъ скромный шагъ на пути сближенія религій, чтобы пригласить членовъ конгресса и вообще всѣхъ, сочувствующихъ дѣлу примиренія между религіями, собираться и впредь на имѣющихъ быть всемірныхъ выставкахъ, съ цѣлію если не объединенія поклонниковъ разныхъ религій другъ съ другомъ, то по крайней мѣрѣ для облегченія возможности всѣмъ интересующимся религіозными ученіями лучше узнать тѣ религіи, ознакомленіе съ которыми имъ желательно и полезно. Ни къ чему не привелъ этотъ конгрессъ, съ одной стороны, потому, что вода и огонь между собою не мирятся, а, съ другой, потому, что этотъ конгрессъ былъ дѣломъ чисто человѣческимъ, а не Божіимъ. Подобно тому, какъ Нимродъ и его сообщники сказали: сдѣлаемъ себѣ имя, построимъ башню, нигдѣ невиданную, никогда не слыханную, башню до небесъ: такъ и Барроусъ и другіе Американцы захотѣли похвастаться тѣмъ, что на ихъ выставкѣ было то, чего не было ни на какой другой выставкѣ, да и нигдѣ и никогда не было, что они устроили восьмое чудо свѣта, живую выставку религій. Правда, устроители конгресса могли преслѣдовать и болѣе серьезныя цѣли, напр., желали облегчить ученымъ способы къ ознакомленію съ ре-

лигіями, дать имъ возможность услышать слово о религіяхъ изъ устъ самихъ представителей этихъ послѣднихъ; но все-таки едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что дѣло это было предпринято не во имя Божіе, а изъ разсчетовъ человѣческихъ.

Тѣмъ не менѣе уже самый замыселъ созвать такой конгрессъ и смѣлость имѣть надежду на осуществленіе этого замысла показываютъ, что устроители конгресса затѣвали свое дѣло не безъ разсчета на потребность людей нашего времени къ братскому общенію. А что конгресъ состоялся и былъ даже полонъ и многолюденъ, это уже нельзя не признать событіемъ важнымъ. Важно не только то, что это событіе никогда небывалое: поразительно то, что представители различныхъ религій, изъ которыхъ многія враждебны между собою, приняли приглашеніе пріѣхать на конгрессъ, дѣйствительно пріѣхали туда,—иные изъ отдаленныхъ концовъ міра,—спокойно и мирно сидѣли рядомъ другъ съ другомѣ, каждый безпрепятственно восхвалялъ или описывалъ свою религію и выслушивалъ другихъ; члены конгресса не разошлись, не разъѣхались раньше конца его, не перессорились; однимъ словомъ, они начали, продолжали и кончили дѣло, можетъ быть, не хуже, чѣмъ какъ бываетъ на всякихъ иныхъ съѣздахъ. Если и были неудовольствія, то вѣдь безъ непріятностей и ссоръ рѣдко оканчиваются и другіе съѣзды. По нашему мнѣнію, Чикагскій конгрессъ религій показывалъ, что поклонники различныхъ религій менѣе непріязненны другъ къ другу, чѣмъ какъ обыкновенно полагаютъ, и что если какое, то именно настоящее время благопріятствуетъ тому, чтобы представители различныхъ религій завязывали между собою мирныя и дружелюбныя сношенія и чтобы христіанскіе миссіонеры воспользовались подобными сношеніями для цѣлей распространенія христіанства между нехристіанскими народами. Не забудемъ, что Чикагскій конгрессъ религій имѣлъ мѣсто въ христіанской странѣ, былъ созванъ и устроенъ христіанами, огромное большинство членовъ его состояло изъ христіанъ, и если, не смотря на это, язычники и другіе не-христіане явились на этотъ конгрессъ и не отказались участвовать въ немъ, то въ этомъ нельзя не видѣть признака того, что язычники и другіе иновѣрцы гораздо болѣе питаютъ довѣрія,

уваженія и расположенія къ христіанству, нежели какъ принято думать. Если язычники иногда убиваютъ миссіонеровъ и прочихъ христіанъ въ своихъ земляхъ, то причины такихъ взрывовъ вражды язычниковъ къ христіанамъ и христіанству заключаются не столько въ національной и религіозной непріязни язычниковъ къ христіанамъ, сколько въ самихъ христіанахъ, которые взаимнымъ соперничествомъ роняютъ себя и свою вѣру въ глазахъ язычниковъ и раздражаютъ послѣднихъ своимъ недостойнымъ христіанъ обращеніемъ съ ними, издѣвательствомъ надъ ихъ обычаями, а иногда и дурнымъ образомъ жизни; если въ настоящее время иновѣрцы не такъ охотно обращаются въ христіанство, какъ это было въ первые вѣка, то причина этого не въ томъ, что теперешніе язычники, іудеи и другіе иновѣрцы болѣе привязаны къ своимъ религіознымъ заблужденіямъ и съ меньшею терпимостію относятся къ имени Христа,—скорѣе даже напротивъ,—а въ томъ, что сами христіане равнодушны къ своей вѣрѣ и не имѣютъ той горячей любви ко Христу и той пламенной ревности къ дѣлу распространенія христіанства, какія горѣли въ сердцахъ христіанъ первыхъ вѣковъ.

Но хотя конгрессъ представителей религій на Колумбовой выставкѣ принадлежитъ къ самымъ характернымъ проявленіямъ объединительнаго движенія нашего времени въ области религіозной жизни, хотя, поэтому, было бы умѣстно дать безпристрастную характеристику и серьезную оцѣнку этого конгресса, тѣмъ не менѣе мы поведемъ рѣчь не о немъ, а о другомъ, еще болѣе недавнемъ, опытѣ объединенія разъединенныхъ исповѣданій и религій,— разумѣемъ призывъ папы Льва XIII, обращенный къ государямъ и всѣмъ народамъ и приглашающій всѣхъ людей соединиться въ одно общество согласно-вѣрующихъ подъ главенствомъ папы.

Конечно, такого рода призывъ самъ по себѣ не новость: это не то, что конгрессъ представителей религій, въ Чикаго. Папы въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ, протекшихъ со времени отдѣленія Запада отъ Восточной церкви, не упускали изъ виду и не теряли надежды присоединить къ своей церкви православный Востокъ и, лишь только представлялись удобные случаи и благопріятныя обстоятельства, употребляли всѣ возможныя

усилія къ осуществленію своихъ завѣтныхъ желаній и надеждъ. Однако призывъ папы Льва XIII къ соединенію имѣетъ и нѣчто особенное.

Прежніе папы домогались присоединить къ своей церкви преимущественно одну Православную Восточную Церковь. Хотя чрезъ своихъ уполномоченныхъ лицъ, чрезъ епископовъ и патеровъ, чрезъ монашескіе ордена, въ особенности чрезъ іезуитовъ, папы вели усиленную пропаганду латинской вѣры и въ странахъ протестантскихъ, а чрезъ миссіонеровъ—и въ странахъ языческихъ; но у нихъ не доставало смѣлости обратиться съ высоты своего престола ко всему протестантскому міру и пригласить его склониться къ подножію этого престола. Папа Левъ XIII оказался смѣлѣе и рѣшительнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ: онъ прямо призываетъ соединиться съ Латинскою церковію и признать его своимъ главою всѣ православныя восточныя церкви и весь протестантскій міръ.

Но смѣлость папскаго призыва и громадность его замысловъ возрастутъ въ нашихъ глазахъ еще болѣе, когда мы узнаемъ, для какой цѣли папа приглашаетъ всѣхъ христіанъ объединиться подъ его властію. Онъ какъ бы такъ говоритъ: „Если всѣ католики, всѣ православные и всѣ протестанты соединятся вмѣстѣ подъ моимъ водительствомъ, то составится чуть не полмилліарда людей. Ни одинъ всемірный завоеватель, ни Вавилонскіе и Персидскіе цари, ни Александръ Македонскій, ни Римскіе цезари, ни Чингисъ-Ханъ, ни Тамерланъ, или Наполеонъ, не имѣли въ своей власти и распоряженіи и малой доли такого огромнаго числа людей. Съ такою объединенною громадою мы завоюемъ весь міръ. Всѣхъ сопротивляющихся намъ, если только такіе смѣлчаки найдутся, мы уничтожимъ, сметемъ съ лица земли. Затѣмъ соединенными силами двинемся на міръ иновѣрный, нехристіанскій.

Правда, въ немъ можно насчитать свыше милліарда людей; тѣмъ не менѣе онъ не можетъ оказать намъ серьезнаго сопротивленія. Онъ безсиленъ, такъ какъ не имѣетъ образованности и распадается на множество чуждыхъ одна другой и истребляющихъ одна другую группъ. Не имѣетъ онъ ни вещественнаго видимаго центра, ни духовнаго принципа, которые объединяли бы разсѣянныя по лицу земли племена. Нѣтъ у него Вавилонской башни, около которой

сосредоточивались бы его помыслы и желанія; нѣтъ у него и Нимрода, который могъ бы воодушевить эти массы людей одною идеею и двинуть ихъ къ достиженію одной цѣли. Язычниковъ, мухаммеданъ, іудеевъ, всѣхъ обратимъ въ католическую вѣру, и тогда исполнятся слова Христа: *и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь* (Іоан. 10, 16). Одно стадо—это всѣ народы и племена земные, все человѣчество; одинъ пастырь—это я, папа римскій".

И кто же питаетъ такіе замыслы? Кто не только питаетъ ихъ въ сердцѣ, но и провозглашаетъ ихъ всенародно, всемірно, обращаясь ко всѣмъ царямъ и народамъ земли? Не Григорій VII, Гильдебрандтъ, не Иннокентій III, или иной какой средневѣковый папа, которые обращались съ императорами и королями, какъ господа съ рабами, которые за ослушаніе своей воли имѣли силу отлучать отъ Церкви цѣлыя царства, которые могуществомъ превосходили всѣхъ царей земныхъ, которые почти однимъ мановеніемъ руки воздвигали несмѣтныя полчища крестоносцевъ и приказывали вести ихъ въ далекую Палестину, на завоеваніе Іерусалима, на опасную борьбу съ страшными тогда и могущественными Турками. Нѣтъ, такъ говоритъ папа Левъ XIII, Ватиканскій узникъ, земельная собственность котораго не превышаетъ размѣрами имѣній крупнаго русскаго землевладѣльца, которому въ лицѣ его духовенства и его церкви оказываютъ намѣренное неуваженіе, явное сопротивленіе и дерзкое противодѣйствіе правительства и народы даже странъ, издавна бывшихъ и доселѣ остающихся странами католическими, каковы Франція и сама Италія вмѣстѣ съ Римомъ, у котораго въ самихъ католическихъ странахъ найдутся милліоны враговъ, относящихся къ нему и его духовенству и церкви то съ обиднымъ пренебреженіемъ и презрѣніемъ, то съ злобными насмѣшками и наглыми ругательствами, либо ограничивающихъ права церкви и преимущества духовенства стѣснительными законами, который много лѣтъ не показывается на улицахъ бывшей папской столицы, на улицахъ „своего города", вѣроятно изъ опасенія, какъ бы уличные мальчишки, дѣти озлобленныхъ враговъ его, не стали бросать въ него грязью. Папство низвержено съ прежней высоты власти и могущества, а между тѣмъ папа смѣло обращается съ рѣчью

къ царямъ и народамъ, ко всему христіанскому міру, даже ко всей вселенной, и самоувѣренно всѣхъ призываетъ стать подъ его знамя. Уже это одно заставляетъ внимательно прислушаться къ словамъ папы. Каждаго невольно поражаютъ смѣлость рѣчи, самоувѣренность тона, широта замысловъ. Самъ собою рождается вопросъ, голосъ-ли это исполина мысли и дѣла, или пустыя слова безсильнаго фантазера и мечтателя?

Впрочемъ и безъ этихъ особенностей всякіе вообще призывы папы къ соединенію съ Латинскою церковію не могутъ не обращать на себя вниманія православной Россіи. Вѣдь на западной ея окраинѣ, самой боевой и опасной, живутъ милліоны Поляковъ, которые по своей вѣрѣ подчинены папѣ, а за свои пораженія въ борьбѣ съ Русскими и политическое уничтоженіе ихъ царства ненавидятъ Россію и Русскихъ. Намъ нельзя не считаться съ папою. Вотъ почему призывъ папы къ объединенію, хотя онъ по существу есть повтореніе прежнихъ подобныхъ же опытовъ, для насъ имѣетъ бо́льшую важность, нежели безпочвенный и эфемерный конгрессъ представителей религій въ Чикаго.

Свой призывъ къ соединенію всѣхъ людей вокругъ папскаго престола, обращенный къ государямъ и народамъ, Левъ XIII высказалъ въ энцикликѣ, т. е., въ окружномъ посланіи, которая, кажется, подготовлялась давно, но была издана лишь лѣтомъ 1894 года, и по слѣдующему поводу.

Въ 1893 году совершилось пятьдесятъ лѣтъ епископскаго служенія папы. Само собою понятно, что Латинская церковь съ великою торжественностію отпраздновала полувѣковой юбилей своего главы. Много обстоятельствъ благопріятствовало блеску и торжественности этого празднованія. Глубокая и вмѣстѣ съ тѣмъ бодрая старость Льва XIII [1]), его многолѣтнее и ревностное служеніе Латинской церкви сначала въ нисшихъ іерархическихъ степеняхъ, а потомъ въ санѣ епископа, кардинала, и наконецъ первосвященника [2]), его разносторонняя ученость, его высокія умственныя и нравственныя качества, его мудрое управленіе церковію, его необыкновенная способность держать съ достоинствомъ

---

[1]) Графъ Іоакимъ Печчи, въ послѣдствіи Левъ XIII, родился въ 1810 г.

[2]) Энциклика издана на семнадцатомъ году его первосвященства.

знамя вѣры и своей церкви въ настоящія трудныя для нихъ времена, его дипломатическое искусство и умѣнье, съ какими онъ возвысилъ, сколько возможно, уроненное его предшественниками, и особенно Піемъ IX, значеніе папства, какъ силы политической, общественной и церковной, его необычайная для столь глубокой старости отзывчивость на запросы современной жизни и пониманіе важнѣйшихъ потребностей ея, его энергическія усилія разрѣшить вопросы церковные, государственные и соціальные, стяжали ему уваженіе среди не однихъ только латинянъ [1]). Что же удивительнаго, если дѣти Латинской церкви поспѣшили выразить папѣ, кто какъ могъ, свои сердечныя благожеланія и поздравленія? Ревностнымъ латинянамъ тѣмъ сильнѣе желалось всенародно заявить свое сочувствіе и почтеніе къ папѣ, что у нихъ наболѣло сердце при видѣ униженія и упадка, которымъ подверглось папство въ послѣднее полустолѣтіе. Таковые своими шумными заявленіями преданности папѣ, съ одной стороны, желали утѣшить и ободрить почтеннаго старца, а съ другой—показать противникамъ и врагамъ папства и папы, что папство не настолько упало, какъ они думаютъ, что друзей папы не перечтешь и что силы папы, латинскаго духовенства и всей Латинской церкви еще очень велики, даже неисчерпаемы [2]).

---

[1]) Такъ изображаютъ достоинства папы сами латиняне, которымъ даже при всемъ желаніи быть безпристрастными въ оцѣнкѣ личности папы и его дѣятельности трудно удержаться отъ преувеличеній въ похвалахъ ему. Но, повидимому, дѣйствительно, Левъ XIII можетъ быть причисленъ къ лучшимъ папамъ.

[2]) Что нарочитая торжественность празднованія юбилея папы отчасти была вызвана желаніемъ приверженцевъ папы устроить демонстрацію противъ враговъ его, это и само собою понятно, и подтверждается тѣмъ, что произошло въ сентябрѣ 1895 г. Сентября $^{8}/_{20}$ 1895 г. Итальянское правительство шумно праздновало двадцатипятилѣтній юбилей со времени завоеванія Папской области, взятія города Рима и присоединенія ихъ къ Итальянскому королевству, чѣмъ докончено было объединеніе Италіи. Хотя торжество это было чисто національнымъ праздникомъ Италіи, воспоминавшей завершеніе своего объединенія, и хотя Итальянское правительство, устрояя это торжество, не желало намѣренно досаждать папѣ, или дѣлать демонстрацію противъ него и противъ Латинской церкви, тѣмъ не менѣе приверженцы папы, понимая, что это празднованіе крайне непріятно папѣ, выразили ему сочувствіе присылкой писемъ, телеграммъ и денежныхъ пожертвованій.

Торжественныя и шумныя проявленія покорности и почтенія, любви и преданности, дружно и разнообразно выраженныя латинянами папѣ по случаю его юбилея, очень тронули и обрадовали папу. Они были ему тѣмъ болѣе пріятны, что онъ, глава двухъ сотъ милліоновъ христіанъ, т. е., седьмой части всего населенія земнаго шара, въ настоящее время сидитъ запершись въ Ватиканѣ, какъ какой нибудь важный и знатнаго рода преступникъ, засаженный въ богато-убранную тюрьму. Въ порывѣ охватившей его радости папа составилъ и 20 іюня 1894 года издалъ энциклику. По начальнымъ словамъ эта энциклика получила названіе: Praeclara gratulationis publicae testimonia [1]); а по предмету и содержанію своему она должна быть названа энцикликой о соединеніи церквей и всѣхъ людей подъ главенствомъ папы.

Въ самомъ началѣ энциклики папа въ слѣдующихъ восторженныхъ словахъ выражаетъ безграничную широту и разнообразіе проявленій сочувствія ему со стороны множества людей, свою радостную благодарность всѣмъ выразившимъ ему сочувствіе и обязаности своего служенія людямъ: „Славныя заявленія народнаго поздравленія, которыя въ теченіи всего прошлаго года, въ память юбилея нашего епископства, мы получали отовсюду и которыя въ послѣднее время завершились знаменательнымъ выраженіемъ почтенія со стороны Испанцевъ, прежде всего доставили намъ тотъ плодъ радости, что въ этомъ совпаденіи и согласіи волей проявилось единство Церкви и ея славное единеніе съ верховнымъ первосвященникомъ. Казалось, что въ эти дни весь католическій міръ, какъ бы забывъ о всѣхъ другихъ дѣлахъ, устремился и очами и духомъ всецѣло къ Ватикану. Посольства государей, посѣщенія паломниковъ, полныя любви посланія, священнѣйшія церемоніи, явно свидѣтельствовали о томъ, что въ отношеніи апостольской каѳедры у всѣхъ католиковъ одно сердце и одинъ духъ. Все это было тѣмъ болѣе радостно и пріятно для насъ, что всецѣло совпадаетъ съ нашими желаніями и ожиданіями. Ибо, сознавая направленіе временъ и обязанности своего служенія, мы, въ продолженіе всего нашего епископства,

---

[1]) Всѣ вообще папскія энциклики называются по начальнымъ словамъ своимъ.

постоянно имѣли это въ виду, равно какъ и то, чтобы, при всякой возможности, ученіемъ и дѣломъ, тѣснѣе привязывать къ себѣ всѣ народы и всѣ племена, а также особенно выставлять на видъ, что власть римскаго первосвященника спасительна во всѣхъ отношеніяхъ. Великую, поэтому, воздаемъ мы благодарность прежде всего Божественному милосердію, благодатію и щедротами котораго мы невредимо достигли настоящаго вѣка; затѣмъ государямъ, епископамъ, духовенству и всѣмъ частнымъ лицамъ, всѣмъ, которые многоразличными заявленіями своей преданности и уваженія, проявленнаго по отношенію къ нашему дѣлу, какъ и къ нашей личности, доставили намъ въ частности великое утѣшеніе".

Въ этихъ словахъ, исполненныхъ любезности и радости, обращаютъ наше вниманіе три заявленія папы:

Во первыхъ, что единодушіе латинскаго міра въ выраженіи сочувствія и преданности папѣ не было для него чѣмъ-то неожиданнымъ: онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Латинская церковь имѣетъ полное единеніе и какъ бы одну волю съ своимъ первосвященникомъ;

Во вторыхъ, что постоянная задача его служенія состоитъ въ томъ, чтобы всѣми способами тѣснѣе привязывать къ себѣ всѣ народы и всѣ племена;

Въ третьихъ, что служеніе его состоитъ также въ томъ, чтобы особенно выставлять на видъ, что власть римскаго первосвященника спасительна во всѣхъ отношеніяхъ.

Мысли втораго и особенно третьяго изъ этихъ заявленій папы и составляютъ тему его энциклики.

Тема энциклики раскрывается такъ. Упомянувши во вступленіи о многочисленности и разнообразіи заявленій преданности себѣ, выразивши по этому поводу свою радость и заявивши о задачахъ своего служенія, папа затѣмъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку: „Но для полнаго и всецѣлаго утѣшенія не доставало еще многаго. Ибо среди самыхъ этихъ заявленій народной радости и почтительности нашъ духъ смущался мыслію, что существуетъ еще огромное множество людей, которые остались чуждыми этого единодушнаго движенія католиковъ, частью потому, что они совсѣмъ не знаютъ евангельской мудрости, а частью потому, что, хотя и посвященные въ христіанскую вѣру, состоятъ въ разрывѣ

съ католическою вѣрою. Этимъ обстоятельствомъ мы тяжело были смущены и смущаемся: нельзя безъ глубокаго чувства скорби думать объ этой части человѣческаго рода, которая давно уклонилась отъ насъ, вступивъ на ложный путь".

Папу огорчила мысль о томъ, что поздравленія ему принесла только одна Латинская церковь, которая, какъ ни велика она, всетаки составляетъ едва седьмую часть человечества. Гдѣ-же остальныя шесть седьмыхъ людей? Увы! изъ этого безчисленнаго сонма людей никто не пришелъ на поклонъ къ папѣ, никто не прислалъ ему привѣтствія. Мало того: цѣлый милліардъ людей, — язычники и мухаммедане,—даже и не слыхали о юбилеѣ папы, да совсѣмъ и не знаютъ, что есть на свѣтѣ папа, что живетъ онъ въ Римѣ, въ Ватиканѣ, что пока онъ—глава только латинянъ, но желаетъ быть главой всей вселенной и плачетъ о томъ, что безчисленные народы и племена его совсѣмъ не знаютъ. Да что говорить о невѣжественныхъ, суевѣрныхъ язычникахъ и не менѣе невѣжественныхъ, лжевѣрующихъ мухаммеданахъ: даже и христіане не-латиняне, — цѣлая сотня милліоновъ православныхъ, сотня милліоновъ протестантовъ, —хотя знаютъ, что въ Римѣ есть папа, а иные слышали и о юбилеѣ его, но никто изъ нихъ не выразилъ сочувствія папѣ. Все это папа знаетъ, и вотъ самая полнота сочувствія, выраженнаго ему Латинскою церковію, сдѣлалась для него хотя и сладкою, но отравленною горькимъ ядомъ, чашею.

Почему же однако папа не довольствуется тѣмъ почетомъ, который ему воздали латиняне по случаю его юбилея? Вѣдь и этотъ почетъ столь великъ, что папѣ можетъ позавидовать любой изъ самыхъ могущественныхъ государей. Что ему еще нужно?

Мы думаемъ, что главнѣйшій источникъ недовольства папы заключается въ томъ свойствѣ человѣческой природы, которое, — идетъ-ли человѣкъ въ хорошемъ, или въ дурномъ направленіи,—побуждаетъ его не останавливаться ни на какой ступени, какъ бы ни была она высока, а идти дальше и дальше, въ безконечность. Такъ, человѣкъ, погруженный въ науку, изо дня въ день пріумножаетъ свои познанія: но чѣмъ больше обогащается ими, тѣмъ менѣе они удовлетворяютъ его, тѣмъ шире раздвигаются предъ

его взорами уходящіе въ невѣдомую даль предѣлы непознаннаго и тѣмъ ничтожнѣе кажутся ему размѣры познаннаго, и это сознаніе вноситъ въ его сердце грусть. Такъ, святой подвижникъ прилагаетъ добродѣтели къ добродѣтелямъ, подвиги къ подвигамъ, а все кажется ему, что онъ ничего истинно-добраго не сдѣлалъ и есть худшій изъ грѣшниковъ. Такъ, съ другой стороны, „рачитель имѣній", накопивши тысячи рублей, употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы нажить десятки и сотни тысячъ рублей, а достигши этой цѣли, онъ уже мечтаетъ добыть милліоны, но и милліоны не только не утоляютъ его жажды къ пріобрѣтеніямъ, а даже еще болѣе распаляютъ ее. Такъ, счастливый завоеватель, одержавши нѣсколько побѣдъ, покоривши два-три народа, не останавливается въ своемъ побѣдоносномъ шествіи, но замышляетъ покорить и другія царства, а покоривши ихъ, мечтаетъ подчинить своей власти всѣ народы и владычествовать надъ всею вселенною. Въ извѣстныхъ состояніяхъ душа человѣческая бываетъ ненасытна. И если бы желанія и мечты папы дѣйствительно осуществились, и всѣ народы и племена земные повергліись къ ногамъ его, остался-ли бы онъ тогда вполнѣ доволенъ? Не думаемъ. Скорѣе, подобно Вавилонскому царю, онъ сказалъ бы тогда въ сердцѣ своемъ: *Взойду на небо, выше звѣздъ Божіихъ вознесу престолъ мой и сяду на горѣ въ сонмѣ боговъ, на краю сѣвера; взойду на высоты облачныя, буду подобенъ Всевышнему* (Иса. 14, 13. 14).

Но послушаемъ, однако, что говоритъ самъ папа о своемъ долгѣ и своихъ планахъ касательно тѣхъ племенъ и народовъ, которые доселѣ чужды ему.

„Между тѣмъ, говоритъ онъ, такъ какъ мы занимаемъ на землѣ мѣсто Бога всемогущаго, Который хочетъ всѣмъ человѣкамъ спастись и въ познаніе истины прійти, и такъ какъ, кромѣ того, нашъ преклонный возрастъ и немощи приближаютъ насъ къ обычному исходу людей, то мы стараемся подражать примѣру Искупителя и Господа нашего Іисуса Христа, Который, уже близкій къ возвращенію на небеса, обращался къ Богу Отцу съ молитвой, чтобы ученики и послѣдователи Его были едино и умомъ и духомъ: *Молю,... да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ*

едино (Іоан. 17, 21). Такъ какъ, продолжаетъ папа, эта божественная молитва касается не только тѣхъ, которые тогда вѣровали въ Іисуса Христа, но и тѣхъ, которые увѣруютъ въ Него въ будущемъ, то это даетъ намъ достаточныя основанія искренно высказать наши желанія и, насколько возможно, употребить всѣ средства къ тому, чтобы всѣхъ людей, безъ различія рода и мѣста, призвать и привлечь къ единству божественной вѣры".

Само собою понятно, что если папа признаетъ себя намѣстникомъ всемогущаго Бога на землѣ, то можетъ-ли онъ довольствоваться подчиненіемъ ему только небольшой части населенія земнаго шара? Всемогущаго Бога знаютъ и почитаютъ всѣ люди: и папу должны знать и почитать всѣ люди. А такъ какъ пока еще великое множество людей не знаетъ, да и не желаетъ знать папу, то папу это смущаетъ и опечаливаетъ.

Однако печаль не довела его до апатіи и унынія. У этого восьмидесяти-пяти-лѣтняго старца, стоящаго уже на краю могилы, не опустились въ изнеможеніи руки, а, напротивъ, онъ съ юношескимъ жаромъ, съ твердою рѣшимостію и, повидимому, съ непоколебимою вѣрою въ правоту своего дѣла и въ успѣхъ его объявляетъ всему свѣту, что онъ будетъ употреблять всѣ средства къ тому, чтобы всѣхъ призывать и привлекать къ себѣ.

Однимъ изъ этихъ средствъ является и самое заявленіе папы, что онъ будетъ употреблять ихъ. Такимъ же средствомъ служитъ и сама эта обсуждаемая нами энциклика или „апостольское посланіе святѣйшаго господина Божіимъ промышленіемъ папы Льва XIII".

Апостолы даже и въ соборныхъ своихъ посланіяхъ обращались исключительно къ христіанамъ, не дѣлая воззванія ни къ язычникамъ, ни къ іудеямъ. Поступали они такъ не потому, чтобы ихъ душа не болѣла о людяхъ, не увѣровавшихъ еще во Христа, или чтобы въ ихъ любящемъ сердцѣ не нашлось для нихъ мѣста; но они знали, что невѣрующихъ нужно сначала расположить къ принятію Евангелія устною проповѣдію, а иначе они не станутъ ни читать, ни слушать посланій, да и мало поймутъ ихъ. Но намѣстнику всемогущаго Бога на землѣ и Апостолы не примѣръ, не указъ: онъ обращается съ своимъ воззваніемъ

ко всѣмъ государямъ и народамъ, и къ невѣрующимъ во Христа и къ вѣрующимъ въ Него, ко всей вселенной. Выходитъ такъ, что онъ какъ будто уже и на самомъ дѣлѣ есть глава всего человѣческаго рода.

Прежде всего онъ и обращается именно къ народамъ нехристіанскимъ. Но такъ какъ онъ не могъ не сознавать, что воззваніе его до ихъ ушей не дойдетъ и читать его энциклику они не будутъ, то онъ по необходимости ограничивается тѣмъ, что о невѣрующихъ во Христа народахъ говоритъ въ третьемъ лицѣ. Именно, онъ высказываетъ желаніе, чтобы они скорѣе просвѣтились христіанскою вѣрою, заявляетъ, что Церковь какъ всегда ревностно приводила народы къ христіанству, такъ и теперь уполномоченные имъ, папою, проповѣдники Евангелія приносятъ всяческія жертвы ради расширенія царства Христова, и возсылаетъ молитву къ Іисусу Христу, прося Его не отлагать исполненія своего обѣщанія всѣхъ привлечь къ Себѣ, чтобы всѣ сочетались въ единствѣ.

Послѣ этого папа обращается къ христіанскимъ народамъ. Свою рѣчь къ нимъ онъ начинаетъ двумя воспоминаніями: радостнымъ и тягостнымъ. Радостное воспоминаніе относится къ тѣмъ временамъ, „когда принятая народами божественная вѣра содержалась, какъ общее и нераздѣльное достояніе“, когда она соединяла всѣ народы. Печальное воспоминаніе относится къ тѣмъ вѣкамъ, когда, „вслѣдствіе происшедшихъ подозрѣній и вражды, многіе цвѣтущіе народы въ злополучныя времена отдѣлились отъ лона Римской церкви“. Папа увѣщеваетъ и умоляетъ эти народы оставить раздоры и возвратиться къ единенію.

Затѣмъ папа въ частности обращается сначала къ христіанамъ восточныхъ церквей, а потомъ къ протестантскимъ народамъ.

О Востокѣ онъ говоритъ: „Ожиданіе исполненія нашего желанія внушаетъ намъ радостную надежду, что не далеко то время, когда.... церкви восточныя возвратятся туда же, откуда удалились. Это тѣмъ болѣе, что онѣ отдѣляются не въ силу великаго разногласія: напротивъ, за исключеніемъ немногаго, мы настолько согласны съ ними во всемъ прочемъ, что при самой защитѣ католической вѣры мы не рѣдко заимствуемъ свидѣтельства и аргументы изъ ученія,

изъ нравовъ и обрядовъ, которыхъ держатся восточные. Главнымъ предметомъ ихъ разногласія съ нами является ученіе о первенствѣ римскаго первосвященника".

Договорившись до этого, самаго чувствительнаго и для латинянъ, и для православныхъ, и для протестантовъ, мѣста, до этого, самаго важнаго и труднаго въ дѣлѣ соединенія церквей, вопроса, папа дѣлаетъ нѣсколько бѣглыхъ ссылокъ для доказательства той мысли, что съ самаго начала и до раздѣленія Церкви „у всѣхъ народовъ христіанскаго міра было священнымъ имя апостольской каѳедры, и римскому первосвященнику, какъ законному преемнику блаженнаго Петра, а слѣдовательно и намѣстнику Іисуса Христа на землѣ, одинаково, какъ Востокъ, такъ и Западъ, повиновались единомысленно, безъ всякаго сомнѣнія". А именно, папа утверждаетъ, что свидѣтельство Христа: „Ты еси Петръ, и на семъ камнѣ созижду Церковь Мою", вполнѣ относится къ римскимъ первосвященникамъ, что въ первые вѣка многіе папы были избраны съ Востока и что папы управляли всѣмъ христіанскимъ міромъ; далѣе, папа бросаетъ скользкій намекъ на то, что разногласіе произошло не по винѣ латинянъ; затѣмъ онъ говоритъ, что „самъ Фотій [1]) старался отправить въ Римъ ходатаевъ по своимъ дѣламъ" и что „вся исторія этого дѣла (дѣла патріарха Фотія съ патріархомъ Игнатіемъ) ясно подтверждаетъ первенство римской каѳедры, хотя по причинѣ этого именно дѣла и произошелъ тогда разладъ". У папы достаетъ смѣлости и духа прибавить, что даже и послѣ раздѣленія Церкви, „на великихъ соборахъ, Ліонскомъ Второмъ и затѣмъ Флорентійскомъ, какъ всякому извѣстно, верховную власть римскихъ первосвященниковъ и латиняне и Греки безъ труда и единогласно признали, какъ догматъ".

Сознавая, что въ этихъ доказательствахъ нѣтъ ничего новаго, что они, и притомъ съ гораздо большею полнотою и обстоятельностію, тысячу разъ были приводимы латинскими богословами и тысячу разъ были опровергаемы богословами православными и протестантскими, папа далѣе какъ бы извиняется въ томъ, что онъ повторяетъ общеизвѣстное и притомъ бередитъ старыя раны. „Мы намѣ-

[1]) Повидимому, не безнамѣренно папа въ энцикликѣ не удостоилъ назвать Фотія патріархомъ, а Игнатія назвалъ патріархомъ.

ренно, говоритъ онъ, припомнили эти обстоятельства, потому что въ нихъ заключается какъ бы приглашеніе къ возстановленію мира,—тѣмъ болѣе, что въ настоящее время мы замѣчаемъ на Востокѣ гораздо болѣе снисходительное къ католикамъ отношеніе и даже извѣстную наклонность къ благоволенію. Это обнаружилось недавно, когда именно нашимъ приверженцамъ, ради благочестія отправлявшимся на Востокъ, были тамъ оказываемы добрыя услуги, со всѣми признаками человѣколюбія и дружбы".

Къ соображеніямъ и доказательствамъ мирнаго характера папа присоединяетъ даже и угрозу тѣмъ, которые будутъ упорно пребывать въ разъединеніи съ Латинскою церковію. Но такъ какъ онъ хорошо знаетъ, что въ настоящее время ватиканскихъ громовъ мало боятся даже и въ латинскихъ странахъ, а въ православныхъ и подавно, то онъ, какъ тонкій дипломатъ, произноситъ угрозу не отъ своего лица, а приводитъ слова одного восточнаго епископа, склонившагося къ уніи съ Римомъ, Виссаріона Никейскаго, называя рѣчь его полною любви и важности.

Въ заключеніе изложенія своихъ доводовъ въ пользу главенства римскаго первосвященника и необходимости всѣмъ подчиниться ему папа говоритъ: „Поэтому наши уста открываются къ вамъ, кто бы вы ни были, греческаго или другаго восточнаго обряда, находящіеся въ разногласіи съ Католическою церковію... Руководясь отнюдь не человѣческими интересами, а божественною любовью и желаніемъ общаго спасенія, мы убѣждаемъ васъ къ возсоединенію и союзу съ Римскою церковію".

За приглашеніемъ къ соединенію естественно вести рѣчь о сущности соединенія, вести рѣчь о томъ, какого рода союза желаетъ и домогается папа. Дѣйствительно, онъ сейчасъ же говоритъ объ этомъ. Но говоритъ онъ объ этомъ важнѣйшемъ и главнѣйшемъ предметѣ своего посланія слишкомъ кратко, всего въ нѣсколькихъ строкахъ. Повидимому, рѣчь объ этомъ скомкана не безъ намѣренія. „Союзъ, говоритъ папа, разумѣемъ полный и совершенный, ибо таковымъ отнюдь не можетъ быть такое возсоединеніе, которое означаетъ не что иное, какъ нѣкоторое извѣстное согласіе въ догматахъ вѣры и общеніе въ братской любви. Истинное единеніе между христіанами, какое установилъ и

какого желалъ основатель Церкви Іисусъ Христосъ, состоитъ въ единствѣ вѣры и управленія". Къ этому папа присовокупляетъ, что ни онъ, ни его преемники ничего не умалятъ „изъ правъ, патріаршихъ привилегій и обрядовыхъ установленій каждой церкви", а между тѣмъ эти церкви очень много выиграли бы въ достоинствѣ и благоприличіи. Свою рѣчь къ восточнымъ христіанамъ папа заканчиваетъ пожеланіемъ, чтобы Господь услышалъ собственныя молитвы ихъ о прекращеніи раздоровъ церковныхъ и о присоединеніи всѣхъ къ соборной и апостольской Церкви, и молитъ Бога, чтобы Онъ возстановилъ ихъ въ древнюю единую и святую вѣру.

Нашлось у папы нѣсколько любезныхъ словъ собственно славянскимъ народамъ, „о славѣ имени которыхъ свидѣтельствуютъ памятники совершенныхъ дѣлъ". „Вы знаете, говоритъ имъ папа, какую услугу оказали славянамъ святые въ вѣрѣ отцы Кириллъ и Меѳодій, память которыхъ мы сами постарались, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почтить должною честью... Вслѣдствіе этого (!), между Славянами и римскими первосвященниками долго существовала превосходнѣйшая взаимность — съ одной стороны благодѣяній, а съ другой — вѣрноподданнической преданности. Такъ какъ печальная бѣдственность временъ отчуждила отъ римскаго исповѣданія большую часть вашихъ предковъ, то обсудите, какъ бы вамъ возвратиться къ единству. Церковь не перестаетъ призывать васъ въ свои объятія, предлагая вамъ многоразличный источникъ спасенія, благоденствія и величія".

О Россіи и Русскихъ прямо папа не упоминаетъ ни однимъ словомъ. Но, безъ сомнѣнія, обращаясь къ восточнымъ христіанамъ вообще и къ славянамъ въ частности, онъ имѣетъ въ виду и Россію, и даже, можетъ быть, его желанія и домогательства къ ней-то по преимуществу и относятся.

Протестантамъ папа поставляетъ на видъ отрицаніе ими авторитета древне-церковнаго ученія и самого Священнаго Писанія, проистекающее изъ предоставленнаго каждому права толковать его по своему разуму и произволу, и наклонность многихъ изъ нихъ колебать самую основу христіанской вѣры—ученіе о божественности Іисуса Христа; далѣе онъ указываетъ на то, что такое отрицаніе общеобяза-

тельныхъ правилъ вѣры и дѣятельности произвело противорѣчащія между собою мнѣнія и разнообразныя секты, переходящія въ область натурализма, или раціонализма, такъ что сами протестанты отчаялись привесть различныя мнѣнія къ согласію и проповѣдуютъ имѣть только общеніе въ братской любви, забывая, что любовь не можетъ сочетать умы, если вѣра не сдѣлаетъ согласными душъ; а наконецъ, заявляетъ, что иные изъ протестантовъ сами сознали, „что они не могутъ соединиться съ главою, т. е., Іисусомъ Христомъ, не принадлежа къ Его тѣлу, т. е., къ Церкви, равно какъ не могутъ обладать искреннею вѣрою во Христа, отрицая законное главенство надъ Церковію, преданное Петру и его преемникамъ; что они поняли также, что въ Римской именно церкви проявился образъ и родъ истинной Церкви... и что многіе изъ нихъ превосходными сочиненіями подтверждали преемство Римской церкви отъ Апостоловъ, непреложность ея догматовъ и постоянство ея дисциплины. Ссылаясь на таковыхъ, папа призываетъ протестантовъ къ соединенію съ Латинскою церковію.

Не забылъ папа и своихъ латинянъ. Имъ онъ говоритъ, что „хотя и нѣтъ надобности призывать ихъ къ истинному и святому единству, въ которомъ они, по божественной благости, уже состоятъ, но ихъ нужно увѣщевать къ тому, чтобы они, подвергаясь какимъ-либо опасностямъ, по своей безпечности или невѣдѣнію, не погубили ввѣреннаго имъ высшаго дара Божія; пусть они ставятъ себѣ верховнымъ закономъ то, чтобы, не тяготясь управленіемъ и властью Церкви, не съ недовѣріемъ, но всею душою и съ доброю волею повиноваться ей во всѣхъ дѣлахъ“.

Чтобы такое требованіе не показалось слишкомъ строгимъ и тяжелымъ, папа далѣе раскрываетъ понятія о сущности, правахъ и назначеніи Церкви. По его мнѣнію, для христіанскаго единенія было чрезвычайно пагубно то, что ложныя идеи омрачили и даже во многихъ умахъ искоренили истинное понятіе о Церкви. Церковь, разсуждаетъ папа, „есть общество совершенное, назначеніе и должность котораго состоитъ въ томъ, чтобы внушать роду человѣческому начала и установленія евангельскія, охранять чистоту нравовъ и совершеніе христіанскихъ добродѣтелей и чрезъ это приводить всѣхъ людей къ предопредѣленному

имъ небесному блаженству; она имѣетъ силу и источникъ жизни, не заимствуемый извнѣ, но вложенный божественнымъ совѣтомъ въ самую ея природу, и потому она имѣетъ свойственную ей власть законовъ, въ исполненіи которыхъ она не должна подчиняться никому, подобно тому, какъ и въ другихъ отношеніяхъ ей надлежитъ быть свободной". Но Церковь, продолжаетъ папа, не злоупотребляетъ своею свободою и могуществомъ, не руководится какою-либо алчностію, а допускаетъ даже послабленіе и материнскую снисходительность, воздерживаясь, по обстоятельствамъ, отъ своего права. „Нѣтъ ничего болѣе ей чуждаго, какъ посягать на права государства; но и государство, въ свою очередь, должно уважать права Церкви, должно остерегаться хотя одну часть ихъ присвоять себѣ".

Бросая затѣмъ взоръ на теперешнія отношенія народовъ и правительствъ къ Церкви, папа сознается, что многіе относятся къ Церкви „съ подозрѣніемъ, съ презрѣніемъ, съ ненавистью и завистью"..., „прибѣгаютъ ко всякимъ способамъ и усиліямъ, чтобы сдѣлать ее рабой гражданскаго правительства; отсюда отнятіе у нея имуществъ и стѣсненіе ея свободы, созданіе всякихъ затрудненій для кандидатовъ священства, исключительно суровые законы для духовенства, закрытіе и запрещеніе (монашескихъ) обществъ".

По мнѣнію папы, „это значитъ посягать на святѣйшія права Церкви и подготовлять обществамъ плачевныя катастрофы, потому что это значитъ явно противиться намѣреніямъ Бога.., Который, давъ собранію людей гражданскую и духовную власть, постановилъ, чтобы онѣ всегда оставались отдѣльными, и запретилъ всякій разрывъ и всякое столкновеніе между ними"... „Если у государства есть свои собственныя права и обязанности, то то же самое и у Церкви; но необходимо, чтобы они были соединены узами согласія другъ съ другомъ, чтобы гражданская власть въ дѣлахъ управленія согласовалась съ церковною, какъ того требуютъ воля Самого Бога и общее благо человѣческаго общества".

„Итакъ, дѣлаетъ заключеніе папа, пусть же церкви и государства устранятъ отъ себя существующія теперь взаимныя несогласія, печальныя по самому своему имени и пагубныя для всякихъ благъ; пусть граждане, стремясь къ

тому, чтобы, не смѣшивая и не разъединяя правъ того и другой, воздавать Кесарево Кесарю и Божіе Богу".

Другая „великая опасность для единства, по мнѣнію папы, угрожаетъ отъ масонскаго общества, мрачная сила котораго уже давно угнетаетъ особенно народы католическіе. Пользуясь смутностію временъ, гордое своими силами и успѣхами, оно старается еще крѣпче упрочить свое господство и шире распространить свою дѣятельность. Уже изъ мрака и темныхъ засадъ оно выступило на свѣтъ въ жизнь и расположилось даже въ самомъ нашемъ городѣ, главѣ католическаго имени, какъ бы издѣваясь надъ религіей Божіей [1]). Но что особенно печально, такъ это то, что куда бы оно ни ступило, оно повсюду проникаетъ во всѣ классы и во всѣ учрежденія государства, чтобы захватить и тамъ верховную власть. Бѣдственно это особенно потому, что и зловредность его мнѣній и нечестіе его совѣтовъ вполнѣ извѣстны. Подъ видомъ защиты человѣческихъ правъ и гражданскаго общества, оно враждебно относится къ христіанскому имени, отвергаетъ преданное Богомъ ученіе, поноситъ учрежденія благочестія, божественныя таинства и другія священныя установленія, называя ихъ суевѣрными; въ отношеніи брака, семейства, воспитанія юношей и всякой частной и общественной дисциплины старается отнять у нихъ христіанскую форму и изъ души народовъ изгнать всякое уваженіе къ человѣческой и божественной власти. Оно учитъ, что нужно покланяться самому человѣку и цѣнить его только принципы, все направляя къ истинѣ, честности и справедливости. Въ такомъ случаѣ, какъ очевидно, человѣкъ возвращается къ нравамъ

---

[1]) Въ газетахъ сообщалось, что при празднованіи двадцатипятилѣтняго юбилея со времени завоеванія Папской области и объединенія Италіи въ торжественныхъ процессіяхъ по улицамъ „вѣчнаго города" масонскіе значки несли впереди христіанскихъ знаменъ. Тѣ изъ Итальянцевъ, которые привержены къ христіанской вѣрѣ и расположены къ Церкви, были недовольны такимъ предпочтеніемъ, оказаннымъ масонамъ, и признали это однимъ изъ доказательствъ своего мнѣнія, что все это торжество, затѣянное Итальянскимъ правительствомъ, было не столько проявленіемъ національнаго патріотическаго чувства при воспоминаніи объединенія Италіи, сколько демонстраціей противъ папы, духовенства, Латинской церкви и даже христіанской вѣры.

и привычкамъ жизни почти язычниковъ, если только не къ худшимъ отъ усилившихся соблазновъ.... Милосердый Богъ да предотвратитъ эти злыя козни. Пусть же почувствуетъ и уразумѣетъ христіанскій народъ, что нужно-же когда нибудь свергнуть недостойное иго этой секты, и пусть особенно позаботятся о томъ тѣ, кто болѣе угнетены ею, именно Итальянцы и Французы. Какимъ оружіемъ и какимъ способомъ лучше всего могли бы они достигнуть этого, мы уже показали. Побѣда не можетъ быть сомнительною для вѣрныхъ, во главѣ съ тѣмъ Вождемъ, божественный голосъ Котораго гласитъ: *Я побѣдилъ міръ* (Іоан. 16, 33)".

„Когда будетъ устранена эта двойная опасность, и государства придутъ къ единству вѣры, то, восклицаетъ папа, сколько получится дѣйствительныхъ средствъ для борьбы со зломъ, и какое будетъ богатство благъ!"

Затѣмъ онъ указываетъ главныя изъ нихъ.

По его словамъ, „Церковь заняла бы должный ей рангъ чести и, свободная и уважаемая, она шествовала бы своимъ путемъ, распространяя вокругъ себя евангельскую истину и благодать; и это принесло бы особенное благоденствіе государствамъ. Ибо она, будучи управительницей и назначенною отъ Бога водительницей рода человѣческаго, наилучше умѣетъ дѣйствовать, сообразно съ разными переворотами временъ, къ общему благу, давать истинное разрѣшеніе самымъ сложнымъ вопросамъ, способствовать царству права и справедливости, какъ самымъ твердымъ основамъ общества".

„Тогда между народами произошло бы славное взаимообщеніе, желательное особенно въ настоящее время, чтобы предотвращать ужасы войнъ. Тогда теперешнія огромныя вооруженія, истощающія царства и народы и сдѣлавшіяся невыносимымъ бременемъ, были бы не нужны, ибо подавить честолюбіе, алчность, духъ соперничества — этотъ троякій очагъ, гдѣ обыкновенно загорается война, ничто не можетъ лучше, какъ христіанскія добродѣтели и особенно справедливость".

Тогда, по мнѣнію папы, были бы обезпечены и внутренній миръ и безопасность, нарушаемые теперь обществами мятежниковъ, которые угрожаютъ жизни гражданъ и домогаются ниспровергнуть правительства. Обсуждаемые теперь

два вопроса: соціальный [1]) и государственный [2]), самое мудрое и справедливое рѣшеніе могутъ получить только при содѣйствіи христіанской вѣры.

„Наконецъ, говоритъ папа, если принять во вниманіе, что можетъ сдѣлать Церковь въ качествѣ матери и примирительницы между народами и государями, рожденная для того, чтобы своею властію и своими совѣтами помогать и тѣмъ и другимъ, то будетъ понятно, какъ важно, чтобы всѣ народы въ отношеніи христіанской вѣры одинаково мыслили и одинаково исповѣдывали. Размышляя объ этомъ и всею душею стремясь къ этому, мы въ отдаленіи созерцаемъ, каковъ былъ бы на землѣ порядокъ вещей, и не знаемъ, что можетъ быть пріятнѣе созерцанія имѣющихъ послѣдовать отсюда благъ. Едва-ли умъ можетъ вообразить себѣ, какое направленіе получила бы жизнь народовъ ко всякому благу и благосостоянію, когда бы прочно утвердились миръ и спокойствіе. Сила этихъ благодѣяній не ограничилась бы предѣлами образованныхъ народовъ, а разливалась бы далеко и широко, какъ самый обильный потокъ... Безконечное множество народовъ цѣлые вѣка ожидаютъ, отъ кого бы получить свѣтъ истины и цивилизаціи... Если и доселѣ зловредное суевѣріе разлито по различнымъ пространствамъ земли, то это нужно приписать отчасти злополучнымъ раздорамъ касательно религіи... Кажется очевиднымъ, что именно на Европу Богъ возложилъ обязанность мало-по-малу распространять по землѣ блага христіанской цивилизаціи. Начало и успѣхи этого благаго дѣла, наслѣдія прежнихъ вѣковъ, продолжали счастливо умножаться, какъ въ XVI вѣкѣ неожиданно разразилось разногласіе..., и вслѣдствіе этого тревожнаго времени апостольскимъ трудамъ нанесенъ былъ роковой ущербъ. Если уже между нами происходятъ разногласія, то удивительно ли, что самая большая часть людей еще предаются безчеловѣчнымъ обычаямъ и обрядамъ, осуждаемымъ разумомъ?“

---

[1]) Вопросъ объ отношеніи труда къ капиталу, трудящихся классовъ общества къ имущимъ. Этотъ вопросъ папа спеціально обсуждалъ и рѣшалъ въ особой энцикликѣ, изданной нѣсколько лѣтъ тому назадъ, о чемъ онъ упоминаетъ и въ настоящей энцикликѣ.

[2]) Вопросъ о взаимоотношеніи между свободою и властію, между народами и правительствами.

„Будемъ же всѣ съ одинаковыми усиліямп стараться о томъ, чтобы возстановилось древнее согласіе ради общаго блага.“

Какъ бы сознавая, что желанія его уже слишкомъ велики, папа говоритъ: „Потребуются долгіе и тяжелые труды, прежде чѣмъ возникнетъ тотъ порядокъ вещей, установленія котораго мы желаемъ; быть можетъ, не будетъ недостатка и въ тѣхъ, которые думаютъ, что мы слишкомъ предаемся надеждѣ и стремимся къ тому, чего скорѣе можно желать, чѣмъ ожидать. Но мы всю свою надежду и все свое упованіе возлагаемъ на Спасителя человѣческаго рода.... Мы особенно просимъ государей и главъ государствъ, чтобы они, во имя своего гражданскаго благоразумія и добраго попеченія о народахъ, по истинѣ оцѣнили наши совѣты и посодѣйствовали имъ своимъ благоволеніемъ и своею властію“....

„Настоящій вѣкъ, приближающійся къ своему концу, не оставитъ-ли въ наслѣдство человѣческому роду залогъ согласія съ надеждой на лучшія блага, которыя содержатся въ единствѣ христіанской вѣры?“

Въ заключеніе папа проситъ Бога, чтобы Онъ содѣйствовалъ его желаніямъ и ожиданіямъ и чтобы поспѣшилъ исполнить обѣтованіе Іисуса Христа, чтобы было *едино стадо и единъ Пастырь* (Іоанн. 10, 16).

Хотя папская энциклика размѣрами не превышаетъ одного печатнаго листа, но она очень содержательна, а потому мы не могли изложить ея содержаніе въ немногихъ словахъ. Къ подробнѣйшему изложенію содержанія энциклики побуждало насъ еще и то, что при критическомъ разборѣ сочиненій, особенно вѣроисповѣдныхъ, какова энциклика, необходимо приводить точныя слова разбираемаго произведенія и не вырывать изъ него отдѣльныя фразы, а приводить и контекстъ рѣчи, чтобы не было повода подозрѣвать критика въ извращеніи мыслей разбираемаго произведенія, въ передержкахъ и натяжкахъ и т. п.

Въ энцикликѣ красною нитью проходитъ одна идея, что всѣ христіанскіе народы не-латинскаго исповѣданія должны возсоединиться съ Латинскою церковію, что всѣ иновѣрные, не-христіанскіе народы должны принять латинскую вѣру, что всѣ вообще народы земли должны подчиниться папѣ, признавши его церковнымъ главою надъ всѣмъ міромъ, и

что нѣкогда все это дѣйствительно будетъ. Но, раскрывая эту идею, папа мимоходомъ, то явно и открыто, то вскользь и намеками, касается многихъ сторонніхъ предметовъ и затрогиваетъ многіе важные и живые вопросы современной жизни. Онъ обсуждаетъ не одни только вопросы церковные, или богословскіе, но и государственные и соціальные.

Какъ словесное произведеніе, энциклика очень краснорѣчива, написана мастерски. Строгое единство въ раскрытіи разнообразнаго содержанія энциклики, сгруппированнаго около одной идеи; постепенность и методичность раскрытія основной идеи; продуманность и строгая выдержанность плана; равномѣрность частей; искусство въ постановкѣ и раскрытіи доказательствъ; необыкновенная легкость въ переходахъ отъ одного предмета рѣчи къ другому; дипломатическая тонкость въ постановкѣ и рѣшеніи вопросовъ трудныхъ и щекотливыхъ; обиліе мыслей и разнообразіе обсуждаемыхъ предметовъ; смѣлость замысловъ и грандіозность плановъ; непоколебимая вѣра въ успѣхъ дѣла соединенія церквей, которому посвящена энциклика, и упорная рѣшимость достигать осуществленія его всѣми средствами и силами; конкретность, живость и драматичность рѣчи, выражающей то радость и восторженность, то печаль и сожалѣніе, и оживляемой то молитвенными восклицаніями къ Богу, то пастырскими воззваніями къ царямъ и народамъ; какая-то эластичность въ оборотахъ рѣчи, тщательно закругленныхъ и какъ бы отшлифованныхъ; пріятная мягкость, изысканная вѣжливость и утонченная деликатность въ обращеніяхъ и оцѣнкахъ — все это далеко выдвигаетъ разсматриваемую энциклику изъ ряда другихъ папскихъ окружныхъ посланій и невольно увлекаетъ и завлекаетъ читателя, богослова и не-богослова.

Но въ достоинствахъ энциклики заключаются и ея слабыя стороны. По общему характеру своему энциклика болѣе похожа на тонкій и искусно составленный дипломатическій документъ, нежели на окружное посланіе епископа, который, притомъ, носитъ названія „святѣйшаго отца“, первосвященника“, „папы Римскаго“, который слыветъ „епископомъ епископовъ“ и „преемникомъ Петра“, который претендуетъ быть „главою вселенской Церкви“ и даже „намѣстникомъ Христа и Бога на землѣ“. Отъ энциклики вѣетъ

свѣтскимъ, мірскимъ духомъ. Папа неоднократно призываетъ молитвенно на помощь Бога, разсуждаетъ о пользахъ Церкви, желаетъ всѣхъ людей сдѣлать участниками спасенія, и всетаки энциклика производитъ впечатлѣніе дѣловой канцелярской бумаги, или государственнаго проэкта. Въ ней мало церковности и истинной религіозности. Нѣтъ въ ней и той безъискуственной простоты, той какъ бы наивности, плѣнительной какъ безъискуственная красота полеваго цвѣтка, которыми обыкновенно запечатлѣны творенія генія и писанія святыхъ мужей. Такъ и кажется, что ужъ не цѣлый-ли конклавъ духовныхъ лицъ и богослововъ фабриковалъ это посланіе, обсуждая каждую мысль, выковывая каждую фразу. По-видимому, составитель (или составители) посланія прилагалъ всевозможныя старанія къ тому, какъ бы не промахнуться, не проговориться, не сказать чего лишняго, какъ бы искуснѣе замаскировать свои затаенныя намѣренія и планы, выгоднѣе оттѣнить и освѣтить свои предложенія, предотвратить подозрѣнія и возраженія, произвесть наибольшій эффектъ. Многіе несомнѣнные факты и важные вопросы, не соотвѣтствующіе цѣлямъ энциклики, намѣренно стушеваны, или замолчаны, или даже извращены, а все, дѣйствительно или мнимо благопріятствующее цѣлямъ энциклики, выдвинуто на первый планъ и ярко освѣщено. Въ энцикликѣ высказано много важныхъ и безспорныхъ истинъ, но другія изреченія показываютъ, что авторъ ея до такой степени отуманенъ и ослѣпленъ вѣроисповѣдными предразсудками, что не видитъ и не признаетъ, или не хочетъ видѣть и признать, общеизвѣстныхъ фактовъ и несомнѣнныхъ истинъ. Онъ упорно держится укоренившихся въ Латинской церкви и въ папской системѣ заблужденій и безъ колебанія жертвуетъ истиной, если это представляется ему нужнымъ для достиженія его будто бы святой и великой цѣли. Это, замаскированное фразами, пренебреженіе правдою, особенно неумѣстное въ такомъ произведеніи, которое имѣетъ надписаніе: „Апостольское посланіе святѣйшаго господина нашего Божіимъ промышленіемъ папы Льва XIII“, и которое обращено „къ государямъ и всѣмъ народамъ“, разочаровываетъ читателя энциклики, роняетъ достоинство ея и низводитъ ее въ рядъ прочихъ тенденціозно-вѣроисповѣдныхъ произведеній латинско-церковнаго пера, которымъ давно уже никто не вѣ-

ритъ, кромѣ самихъ латинянъ, да и то не всѣхъ. Конечно, людямъ, не получившимъ богословскаго образованія и, въ частности, незнакомымъ съ духомъ, характеромъ и пріемами письменности латинскихъ богослововъ, и въ голову не придетъ заподозрить энциклику во лжи: до такой степени она подкупаетъ читателя краснорѣчіемъ, нѣжною пастырскою попечительностію папы о благѣ всѣхъ людей, его религіозною ревностію о соединеніи всѣхъ народовъ въ одну Церковь, его пламеннымъ желаніемъ всѣхъ людей обратить ко Христу и привесть къ спасенію, равно какъ всѣмъ народамъ доставить и земное благополучіе. Но знающій литературные пріемы латинскихъ богослововъ и латинскаго духовенства и способы ихъ дѣйствованія никакъ не можетъ отрѣшиться отъ подозрѣнія, что утонченная вѣжливость рѣчи въ энцикликѣ есть коварная вкрадчивость, а изысканная деликатность есть заискивающая лесть, что подъ личиною нѣжнаго отца и многопопечительнаго пастыря скрываются ненасытное честолюбіе, безграничное властолюбіе и даже жестокая тиранія деспота, что религіозная ревность папы, пусть даже она искренняя, не свободна отъ фанатизма и, при одностороннихъ, а отчасти и лживыхъ началахъ, лежащихъ въ основѣ папской системы, можетъ принесть не столько пользы и добра, сколько вреда и зла. Къ энцикликѣ вполнѣ примѣнима русская пословица: „мягко стелетъ, да жестко спать“. Энциклика — это голосъ поющей сирены, голосъ сладкозвучный, но потому-то особенно и опасный. Но смѣемъ увѣрить папу и его приверженцевъ, что онъ находится въ глубокомъ самообольщеніи, если онъ вѣритъ и надѣется, что восточныя церкви прельстятся его краснорѣчіемъ или увлекутся его заманчивыми обѣщаніями. Онѣ знаютъ слѣдующее предостереженіе древняго пророка: *Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ: Не слушайте словъ пророковъ пророчествующихъ вамъ: они обманываютъ васъ, разсказываютъ мечты сердца своего,—не отъ устъ Господнихъ* (Іерем. 23, 16.

Папская энциклика замѣчательна не однимъ только краснорѣчіемъ: она привлекаетъ наше вниманіе обсуждаемымъ и рѣшаемымъ въ ней вопросомъ о соединеніи церквей. [1]) Папа

---

[1]) Изъ старинныхъ сочиненій по вопросу о соединеніи Православной

рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ, что рано или поздно, но непремѣнно всѣ церкви соединятся съ Латинскою церковію, и всѣ народы составятъ одно церковное общество подъ главенствомъ папы.

Нечего много распространяться о томъ, какое огромное значеніе имѣетъ вопросъ о соединеніи церквей: необычайная важность его равняется развѣ съ трудностію рѣшенія его, не теоретическаго, какое даетъ папа, а практическаго,— рѣшенія его на дѣлѣ, а не на словахъ. Однако и теоретическое обсужденіе и рѣшеніе его имѣютъ важное значеніе. Если бы обсужденіе и рѣшеніе его были предложены частнымъ богословомъ, къ какому бы исповѣданію онъ ни принадлежалъ, то и тогда онъ не могъ бы не возбуждать жи-

---

Церкви съ Латинскою укажемъ слѣдующія: въ Русской Исторической Библіотекѣ, издаваемой Археографическою Коммиссіею, т. 7, кн. 2, напечатаны: *Унія Грековъ съ костеломъ Римскимъ; Гармонія Восточной церкви съ костеломъ Римскимъ* и сочиненіе іезуита Скарги: *О единствѣ церкви Божіей;* Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ: *Отвѣтъ Греко-Россійской Церкви на предложеніе Парижской Сорборнской Коллегіи о примиреніи Восточной церкви съ Западною*, напечатанный во 2-й части журнала Петра Великаго, изд. 1770 г., и при проповѣдяхъ Стефана Яворскаго. Отвѣтъ былъ написанъ и Стефаномъ Яворскимъ. Оба отвѣта написаны по порученію Петра Великаго; но въ Сорбонну Петръ Великій послалъ только одинъ отвѣтъ Прокоповича. Изъ новыхъ упомянемъ: А. Н. Муравьева: *Обличеніе на книгу: „О возможномъ соединеніи церкви Россійской съ Западною“*. Москва. 1859 г.; *Современное отношеніе Римской церкви къ Православной* въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1858 г.; М. Невскаго: *Современное состояніе вопроса о соединеніи церквей Восточной и Западной* въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, 1861 г. № 7 и 8. Въ послѣднюю четверть вѣка о соединеніи церквей много говорили и писали Старокатолики. Объ этомъ было много замѣтокъ и въ русскихъ духовныхъ журналахъ, особенно въ „Православномъ Обозрѣніи“ и въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Любит. Дух. Просвѣщенія“. Не задолго до появленія папской энциклики А. А. Кирѣевъ напечаталъ *Отвѣтъ Римскому Вѣстнику по вопросу о соединеніи церквей*. Упомянемъ еще о статьѣ Архим. Сергія (Соколова): *Чѣмъ долженъ бы разрѣшиться современный вопросъ о соединеніи церквей* въ „Прибавл. къ твор. св. Отцовъ“. 1886 г., ч. 37. По поводу настоящей энциклики и противъ нея были напечатаны въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ и въ „Христіанскомъ Чтеніи“ статьи г.г. Лопухина, Кирѣева и Діомида Киріака и вмѣстѣ съ переводомъ энциклики изданы отдѣльною книжкою. Кромѣ того, Константинопольскій престолъ издалъ въ опроверженъ энциклики *Окружное патріаршее и синодальное посланіе*, которое въ переводѣ было напечатано въ нѣсколькихъ газетахъ и журналахъ и брашюрами.

вѣйшаго, научнаго и практическаго, интереса въ насъ, православныхъ богословахъ. Но въ настоящемъ случаѣ интересъ къ возбужденному вопросу усугубляется тѣмъ, что его обсуждаетъ и рѣшаетъ глава многомилліонной Латинской церкви, обсуждаетъ и рѣшаетъ, притомъ, въ окружномъ посланіи, обращенномъ ко всѣмъ царямъ и народамъ, ко всему свѣту. Энциклика папы, особенно такого рода, какъ настоящая, есть голосъ хотя и не всей Латинской церкви, то по крайней мѣрѣ всего, или почти всего духовенства этой церкви. Впрочемъ, если даже энциклика есть голосъ только папы и приближенныхъ къ нему совѣтниковъ изъ высшаго духовенства Латинской церкви, то и въ такомъ случаѣ она заслуживаетъ серьезнаго вниманія; потому что для латинянъ мнѣніе папы, особенно высказываемое ex cathedra, съ каѳедры,—а энциклика именно и есть голосъ папы съ каѳедры,—имѣетъ силу непререкаемой истины.

Вопросъ о соединеніи церквей—больное и очень чувствительное мѣсто въ папской системѣ. Между тѣмъ какъ православные и протестанты довольно спокойно относятся къ тому, что другія церкви и исповѣданія живутъ въ раздѣленіи съ ними и даже въ непріязни, между тѣмъ какъ они какъ-бы свыклись съ этимъ непріятнымъ фактомъ розни и какъ-бы молча признали его роковую неизбѣжность, между тѣмъ какъ для нихъ зло разобщенія, въ силу сознанія его неисцѣльности, отчасти утратило свою горечь и мало ими чувствуется, между тѣмъ какъ они, — разумѣемъ въ особенности насъ, православныхъ,—только молятъ Бога о соединеніи церквей и всѣхъ людей и о прекращеніи раздоровъ церковныхъ, а не рѣшаются дѣлать попытокъ къ соединенію, какъ-бы сознавая свою немощность достигнуть его и предоставляя совершить его, если только это будетъ угодно Богу, промыслу Божію,—латиняне, а точнѣе сказать, главари ихъ—папы, издавна и при всякомъ удобномъ случаѣ домогались присоединить къ своей церкви другія церкви и исповѣданія. Папа Левъ XIII не первый изъ папъ добивается присоединить къ своей церкви другія церкви и христіанскія общества. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и преемники его, не взирая на неудачи своихъ предшественниковъ, не перестанутъ пользоваться всякими благопріятными обстоятельствами и всякими средствами для осуществленія своихъ за-

вѣтныхъ желаній присоединить къ своей церкви и подчинить своей власти всѣ другія церкви и церковныя общества.

Прежде всего естественно возникаетъ вопросъ, какъ нужно смотрѣть на то различіе между латинянами и прочими христіанами, что между тѣмъ какъ первые, въ лицѣ своего главы, настойчиво добиваются соединенія церквей, послѣдніе относятся къ этому дѣлу если не равнодушно, то все-таки не столь горячо, какъ латиняне.

Сами паписты свою ревностную заботливость о соединеніи церквей склонны признавать важнымъ преимуществомъ своей церкви, а равнодушіе другихъ церквей и церковныхъ обществъ къ этому дѣлу они считаютъ признакомъ ихъ мертвенности и неправовѣрія. Въ особенности они упрекаютъ за равнодушіе къ дѣлу соединенія церквей нашу Православную Церковь, при чемъ любятъ выставлять на показъ и какъ-бы въ уколъ ей свою собственную ревность въ усиліяхъ подвинуть дѣло соединенія церквей къ желанному исходу.

Такой упрекъ ей мы находимъ и въ настоящей энцикликѣ, хотя онъ высказанъ тонко, политично. Не отъ своего лица,— меня-де могутъ заподозрить въ недостаткѣ безпристрастія въ отношеніи къ Православной Церкви,—а отъ лица одного православнаго епископа, согласившагося на унію (союзъ) съ Латинскою церковію, отъ лица, какъ будто бы не пристрастнаго къ Латинской церкви, папа выразилъ этотъ упрекъ слѣдующими словами этого самаго епископа, Виссаріона Никейскаго [1]): „Какой отвѣтъ дадимъ мы предъ Богомъ на вопросъ, почему мы были въ раздѣленіи съ братьями, для соединенія и приведенія которыхъ въ одно общество сходилъ съ неба Самъ Христосъ, воплотился и былъ распятъ? Что будетъ для насъ оправданіемъ у нашего потомства? Не потерпимъ этого, благороднѣйшіе отцы! не будемъ держаться этой мысли! не будемъ злосовѣтовать себѣ и всѣмъ нашимъ!“

Этими словами папа какъ-бы такъ говоритъ православнымъ: „Не мы, а одинъ изъ вашихъ же епископовъ испол-

---

[1]) О Виссаріонѣ есть изслѣдованіе А. Садова: *Виссаріонъ Никейскій. Его дѣятельность на Феррaро—Флорентійскомъ соборѣ, богословскія сочиненія и значеніе въ исторіи гуманизма.* С. II. 1883 г.

ненными важности словами убѣждаетъ васъ соединиться съ нами. Не изъ своихъ какихъ-либо своекорыстныхъ разсчетовъ мы приглашаемъ васъ присоединиться къ намъ, а единственно для вашего же собственнаго блага. Хотите — присоединяйтесь къ намъ, хотите—нѣтъ, намъ лично все равно. Но по долгу пастыря вселенной мы напоминаемъ вамъ, что вы отдадите строгій отвѣтъ предъ Богомъ въ томъ, что не только не содѣйствовали исполненію воли Божіей, чтобы были одно стадо и одинъ пастырь, но и прямо противились ей, не только не шли къ соединенію съ нами по собственному почину, но даже отвергали наши братски—распростертыя вамъ объятія и пренебрегали нашими любвеобильными призывами возсоединиться съ нами". Деликатно, но тѣмъ не менѣе властно и даже какъ бы грозно папа тянетъ Православную Церковь на судъ Божій за нежеланіе соединиться съ Латинскою церковію и намекаетъ, что она подвергнется карѣ небесной, если будетъ упорствовать въ своемъ нежеланіи вступить въ союзъ съ Латинскою церковію.

Да и во всей энцикликѣ выражаются пламенное желаніе, чтобы всѣ церкви и всѣ люди соединились съ Латинскою церковію, непоколебимая, повидимому, вѣра въ то, что это рано или поздно совершится, твердое намѣреніе споспѣшествовать достиженію этой цѣли всѣми средствами и вмѣстѣ съ тѣмъ прикровенное обвиненіе и православныхъ и протестантовъ въ томъ, что они дурно поступаютъ, не желая вступить въ союзъ съ Латинскою церковію. Латинская церковь и въ особенности папы и всегда такъ дѣйствовали.

И такъ и въ самомъ дѣлѣ не составляетъ-ли важнаго преимущества Латинской церкви предъ прочими церквами и исповѣданіями то, что она неустанно и ревностно трудится надъ дѣломъ соединенія церквей, тогда какъ другія церкви и церковныя общества не только не помогаютъ ей въ этомъ трудѣ, но будто бы даже поставляютъ ей препятствія и уже однимъ своимъ равнодушіемъ къ этому дѣлу превращаютъ въ ничто всѣ усилія и труды латинянъ, направленные будто бы къ тому, чтобы воля Іисуса Христа о соединеніи всѣхъ въ одномъ стадѣ была исполнена по возможности скорѣе, чтобы всѣ спаслись чрезъ принадлежность къ этому одному стаду и чтобы всѣмъ было доступно благоденствіе и въ здѣшней жизни?

Чтобы по достоинству оцѣнить труды Латинской церкви

по дѣлу соединенія церквей, нужно уяснить себѣ, что значитъ на языкѣ латинянъ соединеніе церквей.

У нихъ оно означаетъ возсоединеніе всѣхъ церквей съ ихъ церковію, полное подчиненіе всѣхъ церквей папѣ, обращеніе въ латинскую вѣру всѣхъ христіанъ и не-христіанъ. Такъ называемая унія съ Римомъ христіанъ не-латинскаго исповѣданія въ родѣ Брестской уніи, или полуолатиненіе ихъ, есть только переходная ступень къ полному олатиненію, и допускается она папистами по необходимости, только какъ неизбѣжное зло, какъ одно изъ средствъ или одинъ изъ путей, ведущихъ къ полной латинизаціи христіанъ нелатинскаго исповѣданія. Паписты отлично знаютъ, что латинскую вѣру въ полномъ ея объемѣ изъ христіанъ нелатинянъ могутъ принимать сразу только отдѣльныя лица; а цѣлые народы, цѣлыя церкви сразу превратить въ латинянъ очень трудно, даже и совсѣмъ невозможно. Цѣлые народы перемѣняютъ свою вѣру на другую только въ какой нибудь крайности, почти всегда по принужденію, а не добровольно; такъ какъ переходъ отъ одной вѣры, и притомъ вѣры отеческой, къ другой очень рѣзокъ и страшно тяжелъ. Для смягченія и облегченія этой тяжести латиняне и придумали унію, въ надеждѣ и увѣренности, что христіанамъ нелатинянамъ унію принять гораздо легче, нежели прямо всю латинскую вѣру, и что съ теченіемъ времени уніаты, сжившись съ полулатинствомъ, постепенно, а при особо благопріятныхъ обстоятельствахъ и вдругъ, сдѣлаются вполнѣ латинянами [1]). Разсчетъ вѣрный, особенно при тѣхъ средствахъ, иногда и непозволительныхъ, которыя примѣняютъ латинское духовенство и особенно іезуиты при пропагандѣ своей вѣры среди христіанъ нелатинянъ [2]). Такова многовѣковая практика Латинской церкви.

---

[1]) Уніатовъ должно признавать полулатинянами потому, что хотя они признаютъ своимъ главою папу и принимаютъ латинскіе догматы, но обряды, внутреннее церковное устройство и церковные обычаи они могутъ удерживать свои прежніе. Но такъ какъ вѣроученіе гораздо важнѣе обрядовъ и такъ какъ подчиненіе уніатовъ папѣ поставляетъ ихъ въ рабскую зависимость отъ папы въ мысли, въ вѣрѣ и въ жизни, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что настоящіе, искренніе уніаты гораздо ближе къ латинской вѣрѣ, нежели къ православію.

[2]) Дѣятельность іезуитовъ въ Россіи, Литвѣ и Польшѣ разсматривается

Въ частности и въ настоящей энцикликѣ папа приглашаетъ всѣхъ христіанъ стать латинянами, но въ то же время онъ намекаетъ, что если кому это будетъ не по сердцу, если кто въ этомъ заподозритъ опасность лишиться своей національной и внутренней церковной самостоятельности, то пусть таковые сдѣлаются по крайней мѣрѣ уніатами.

Отсюда видно, что ревность латинянъ къ дѣлу соединенія церквей есть не что иное, какъ ревность къ пропагандѣ своей латинской вѣры. Пропаганду своей вѣры они ведутъ разными способами, и агитація въ пользу соединенія церквей есть только одинъ изъ многихъ другихъ способовъ пропаганды, и притомъ наиболѣе широкій по замыслу. Въ самомъ дѣлѣ, сочиненіями, устною проповѣдію, школами, воздѣйствіемъ на вліятельныхъ лицъ въ государствахъ и особенно на женщинъ, можно обратить въ латинскую вѣру только немногихъ частныхъ лицъ, а чрезъ соединеніе церквей съ Латинской церковію было бы сразу достигнуто олатиненіе цѣлыхъ народовъ. Вотъ почему папы и латинское духовенство съ такою упорною настойчивостію и разнообразною изворотливостію прибѣгаютъ ко всякимъ средствамъ и не жалѣютъ ни времени, ни трудовъ, лишь-бы сколько нибудь подвинуть впередъ дѣло соединенія церквей.

Но если пламенная ревность и настойчивые труды, проявляемые латинянами по дѣлу соединенія церквей, составляютъ только одинъ изъ видовъ или способовъ пропаганды латинской вѣры, то ясно, что ихъ нужно измѣрять тою же мѣрою, какая должна быть примѣняема къ латинской пропагандѣ вообще, они имѣютъ ту же цѣну и то же достоинство, какъ и эта послѣдняя.

А каково достоинство пропаганды латинской вѣры?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ могутъ сказать, что ревность къ распространенію своей вѣры есть почтенное свойство, потому что оно свидѣтельствуетъ о глубокомъ убѣжденіи человѣка въ истинахъ своей вѣры, о твердости

въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Свящ. Морошкина *Іезуиты въ Россіи*; Самарина *Іезуиты и ихъ отношенія къ Россіи;* Сливова *Іезуиты въ Литвѣ*; Дахновича *Іезуитъ Антоній Поссевинъ*, Т. К. Д. А. 1865 г.; статьи Ястребова и Гожалчинскаго въ томъ же журналѣ, 1869 г.; графа Д. Толстого *Историческій отрывокъ объ іезуитахъ въ Москвѣ и Петербургѣ*.

его и крѣпкой преданности своей вѣрѣ, о набожности и религіозности.

Дѣйствительно, религіозная ревность заслуживаетъ уваженія и почтенія, между тѣмъ какъ религіозный индифферентизмъ, напротивъ, свидѣтельствуя о недостаткѣ убѣжденій, о мелочности, о бездушіи и духовномъ убожествѣ, заслуживаетъ сожалѣнія и даже презрѣнія. И народъ нашъ, если не о пропагандистахъ какой-либо вѣры, то о людяхъ стойкихъ и ревностныхъ въ своей, хотя и чуждой ему, вѣрѣ, отзывается обыкновенно съ уваженіемъ, говоря: „онъ твердъ въ своей вѣрѣ; и мы такъ усердно не молимся Богу, какъ онъ“.

Однако свидѣтельствуетъ-ли объ истинности вѣры религіозная ревность къ распространенію ея?

Никакъ. А между тѣмъ важнѣе всего то, какую вѣру люди распространяютъ—истинную, или ложную. Распространеніе истинной вѣры — дѣло прекрасное; распространеніе ложной вѣры — дѣло дурное. Напримѣръ, распространеніе мухаммеданской вѣры развѣ хорошее дѣло?

Затѣмъ, всякая-ли религіозная ревность къ распространенію своей вѣры полезна и плодотворна?

Не всякая. Мухаммедане въ теченіе многихъ вѣковъ отличались столь пламенною ревностію къ распространенію своей вѣры, что далеко превзошли въ этомъ отношеніи даже латинянъ; а между тѣмъ какую безмѣрную массу зла и бѣдствій принесла эта изступленная ревность человѣчеству! Были пролиты цѣлыя рѣки человѣческой крови; многіе христіанскіе народы сдѣлались мухаммеданскими; многія царства, которыя цвѣли просвѣщеніемъ, были исполнены довольства и богатства, превратились почти въ пустыни; многіе народы были полуистреблены, а всѣ вообще народы, подпавшіе подъ мухаммеданское иго, впали въ нищету, погрузились въ мракъ невѣжества и въ какой-то духовный сонъ или оцѣпенѣніе, продолжающееся вотъ уже много вѣковъ. И кто и когда возбудитъ ихъ отъ этого мертваго сна, выведетъ ихъ изъ гибельнаго состоянія, просвѣтитъ христіанскою вѣрою, призоветъ къ человѣчной жизни? Язычники гораздо лучше мухаммеданъ тѣмъ, что мало заботятся о распространеніи своихъ вѣръ. Великое счастіе для человѣчества, что они не имѣютъ такой-же безразсудной ревности къ распространенію

своей вѣры, какая свойственна мухаммеданамъ; въ противномъ случаѣ вся земля, пожалуй, превратилась бы въ пустыню, и люди дошли бы до состоянія полнаго одичанія, скотства и звѣрства, въ какомъ находятся многія низшія племена человѣческаго рода. Правда, мухаммедане распространяли свою вѣру насильственными мѣрами, огнемъ и мечемъ; но вѣдь и латиняне не чуждались насильственныхъ мѣръ при распространеніи своей вѣры; вѣдь и они дѣйствовали, да и теперь еще не перестали дѣйствовать, не однимъ духовнымъ оружіемъ; вообще они склонны прибѣгать и къ непозволительнымъ средствамъ при пропагандѣ своей вѣры. Мало-ли латинянами причинено бѣдствій ни въ чемъ неповиннымъ бѣлоруссамъ, мало-ли пролито даже крови ихъ при введеніи и распространеніи среди нихъ пресловутой уніи съ Римомъ, при пропагандѣ среди нихъ латинской вѣры, при гоненіи оставшихся твердыми въ православіи? А средневѣковая латинская инквизиція! Инквизиція стала нарицательнымъ словомъ, означающимъ безчеловѣчныя пытки. Кто исчислитъ, сколько еретиковъ, да и не однихъ только еретиковъ,—на томъ свѣтѣ разберутъ-де, кто еретики и кто не-еретики,—замучили въ застѣнкахъ и сожгли на кострахъ латинскіе инквизиторы? Иные изъ этихъ изверговъ съ звѣрскою безчеловѣчностію говорили: „возводя еретиковъ на костеръ, мы оказываемъ имъ благодѣяніе; губя ихъ жизнь, мы спасаемъ ихъ души; пламень костра спасаетъ ихъ отъ адскаго пламени, и костеръ открываетъ имъ путь на небо“. Точно смрадный чадъ какой, подобный чаду этихъ костровъ, ослѣпилъ глаза этихъ ревнителей мнимо-истинной вѣры,—ослѣпилъ до того, что они совершенно забыли, что христіанство есть религія человѣколюбія и милосердія, а не безчеловѣчія или кровопійства. Вѣдь и въ ихъ латинской Библіи есть же повѣствованіе о томъ, что когда въ нѣкоторомъ Самарянскомъ селеніи жители не пожелали принять Іисуса Христа, такъ какъ Онъ былъ іудей и шелъ въ Іерусалимъ, и когда *ученики Его, Іаковъ и Іоаннъ, сказали: Господи! хочешь-ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба, и истребилъ ихъ, какъ Илія сдѣлалъ? то Онъ... запретилъ имъ и сказалъ: не знаете, какого вы духа. Ибо Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать* (Лук. 9, 52—56). Конечно, теперь

латиняне не мучаютъ еретиковъ въ застѣнкахъ и не жгутъ ихъ на кострахъ, но не потому, что теперешняя латинская вѣра лучше средневѣковой латинской вѣры, а потому, что теперь имъ не позволятъ это дѣлать.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе и на то обстоятельство, что всѣ вообще сектанты и раскольники всегда и вездѣ отличались наклонностію къ распространенію своихъ лжеученій, которая часто переходитъ у нихъ и въ фанатическую пропаганду съ примѣненіемъ насильственныхъ и нравственно-непозволительныхъ средствъ обращенія къ своей вѣрѣ другихъ христіанъ. Такъ поступали, напр., аріане въ древней Церкви; такъ поступаютъ наши русскіе старообрядцы и другіе сектанты. Неужели-же аріане были лучше православныхъ только потому, что они обнаруживали усиленную ревность въ дѣлѣ распространенія своего лжеученія и совращенія въ свою ересь православныхъ и въ попыткахъ всячески ослабить и разрушить Православную Церковь? Неужели ревностное распространеніе еретиками и сектантами своихъ ученій должно быть признано дѣломъ хорошимъ и полезнымъ? Невольно закрадывается въ душу подозрѣніе, что и ревность латинянъ къ распространенію своей вѣры, и въ частности ихъ ревность къ дѣлу присоединенія къ своей церкви другихъ церквей и церковныхъ обществъ, есть ревность сектантская и потому не только неодобрительная сама по себѣ и не возвышающая достоинства Латинской церкви, но и чрезвычайно вредная по своимъ плодамъ. А во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что хотя ревность къ распространенію своей вѣры сама по себѣ, взятая отвлеченно, принадлежитъ къ почтеннымъ проявленіямъ человѣческаго духа, но при осуществленіи ея на дѣлѣ достоинство ея зависитъ отъ достоинства частію самой вѣры, которую имѣетъ и распространяетъ ревнитель ея, частію тѣхъ средствъ, которыми онъ при этомъ пользуется: если распространяемая вѣра—не истинная вѣра, и если, кромѣ того, при распространеніи ея употребляются противо-нравственныя средства (оба эти условія обыкновенно соединяются вмѣстѣ); то ревность къ распространенію такой вѣры—не добро, а зло, и даже становится иногда величайшимъ зломъ и приноситъ неисчислимыя бѣдствія людямъ, потому что чѣмъ сильнѣе религіозная ревность лжевѣрующаго, тѣмъ хуже.

Но почему-же, спросятъ насъ паписты, нашу ревность къ распространенію христіанской вѣры, и въ частности наши заботы о соединеніи церквей, вы признаете сектантскими? Вѣдь и истинно-вѣрующіе должны вездѣ, всегда и всѣмъ проповѣдывать о своей вѣрѣ и съ самоотверженною ревностію распространять ее между людьми. Такъ и поступали Самъ Іисусъ Христосъ и Его Апостолы. Въ Нихъ мы имѣемъ высочайшіе образцы самоотверженнаго ревностнаго проповѣданія евангельской истины, которымъ мы обязаны подражать. Поэтому тѣ, которые ревностно и съ успѣхомъ распространяли христіанскую вѣру, по справедливости называются равноапостольными.

Совершенная правда. Но мы вѣдь и не говоримъ, что ревность къ распространенію своей вѣры есть исключительная принадлежность сектантовъ и лжевѣрующихъ: нѣтъ, она воодушевляетъ и истинно-вѣрующихъ. Мы доказываемъ только то, что такъ какъ ревность къ распространенію своей вѣры бываетъ и у лжевѣрующихъ, и даже всего чаще у нихъ, то сама по себѣ она есть преимущество или достоинство чисто формальное; истинное же, а не формальное только достоинство ея зависитъ оттого, каково существо самой распространяемой вѣры и каковы примѣняемыя при ея распространеніи средства: если распространяемая вѣра истинна, и если при распространеніи ея люди подражаютъ Христу и Апостоламъ, то ревность къ распространенію ея составляетъ высокое достоинство, есть апостольская добродѣтель и приноситъ величайшія блага людямъ; напротивъ, если распространяемая вѣра есть лжевѣріе, и если при распространеніи ея примѣняются средства, осуждаемыя Евангеліемъ и разумомъ, то ревность къ распространенію ея есть зло, по справедливости называется фанатизмомъ или изувѣрствомъ и приноситъ величайшія несчастія людямъ, и чѣмъ пламеннѣе бываетъ такая ревность, тѣмъ хуже.

А что ревность латинянъ къ распространенію своей вѣры не свободна отъ фанатизма и отличается сектантскимъ характеромъ, это видно изъ того, что они, какъ извѣстно, не гнушаются прибѣгать и къ непозволительнымъ средствамъ для распространенія своей вѣры. Кромѣ того, латиняне не только отдѣлились отъ истинно-вѣрующей Восточной Церкви и потому суть раскольники, но, что еще хуже, внесли нов-

шества въ догматическое свое ученіе, отступивши отъ чистоты вѣры древне—вселенской Церкви, и потому церковь ихъ не есть истинная церковь, а сретичествующая. Если же ихъ вѣра не есть строго—истинная, то какъ бы ни были они ревностны въ распространеніи ея и сколько бы ни трудились надъ дѣломъ присоединенія къ своей церкви другихъ церквей и христіанскихъ обществъ, ихъ ревность и труды—не добродѣтели и принесутъ людямъ не благо, а зло. Напримѣръ, папа, восхваляя миссіонерскую ревность своей церкви, говоритъ въ настоящей энцикликѣ: „проповѣдники Евангелія, по нашему полномочію, переплываютъ моря, направляясь въ самыя отдаленныя страны“. Эти похвалы не преувеличены; но, читая ихъ, какъ-то невольно припоминаешь слова Іисуса Христа: *Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, дѣлаете его сыномъ геенны, вдвое худшимъ васъ* (Матѳ. 23, 15).

Но паписты намъ скажутъ: „какъ-бы то ни было, но у насъ есть ревность къ распространенію своей вѣры, а у васъ, восточныхъ христіанъ, ея нѣтъ; вы мертвы, и Судія вамъ скажетъ: *Возьмите у него талантъ и дайте имѣющему десять талантовъ. Ибо всякому имѣющему дастся и пріумножится, а у неимѣющаго отнимется и то, что имѣетъ* (Матѳ. 25, 28. 29).“

Однако правда-ли, будто Восточная Православная Церковь мертва, не ревнуетъ о распространеніи своей вѣры и, въ частности, совсѣмъ равнодушна къ дѣлу соединенія церквей?

Это не правда. Въ эпоху раздѣленія Церкви много-ли было христіанъ на огромныхъ пространствахъ, на которыхъ раскинулась теперь Россія? Десятки, самое большее—сотни тысячъ; разумѣемъ христіанъ Грузіи и Тавриды. Да и тѣ, подвергаясь постояннымъ нашествіямъ то Персидскихъ шаховъ, то Тюркскихъ завоевателей, то Кавказскихъ горцевъ, частію были истреблены, частію обращены въ мухаммеданскую вѣру. А теперь въ Россіи живутъ семьдесятъ, или, можетъ быть, и восемьдесятъ милліоновъ православныхъ христіанъ. Латиняне что-ли привели ко Христу такое огромное число людей? Папы что-ли трудились надъ распространеніемъ и укрѣпленіемъ въ этихъ странахъ пра-

вославной вѣры? Совсѣмъ напротивъ: латиняне въ теченіе многихъ вѣковъ оказывали сильнѣйшее противодѣйствіе распространенію и укрѣпленію здѣсь православной вѣры [1]).

---

[1]) Объ отношеніи латинянъ къ Россіи, къ Русской Церкви и къ ея православной вѣрѣ, а равно и Русскихъ къ латинянамъ и къ ихъ вѣрѣ, и въ частности объ уніи было напечатано очень много, а написано еще больше. Укажемъ наиболѣе важное. Прежде всего что касается документовъ и матеріаловъ, то они содержатся преимущественно въ слѣдующихъ изданіяхъ: *Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Коммиссіею* (доселѣ издано 22 большихъ тома); *Виленскій Археографическій Сборникъ; Акты Западной Россіи; Акты Южной и Западной Россіи; Архивъ Юго-Западной Россіи; Памятники, издаваемые Кіевскою Коммиссіею; Собраніе грамотъ городовъ Вильны, Ковно;... Собраніе грамотъ Минской губерніи; Акты и грамоты о устройствѣ и управленіи Римско-Католической Церкви въ имперіи Россійской и царствѣ Польскомъ.* Есть матеріалы и въ сборникахъ болѣе общаго содержанія, каковы: *Акты Археографической Экспедиціи; Акты историческіе, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею.* СПБ. и друг. Изъ изслѣдованій о Матеріалахъ упомянемъ С. Голубева *Матеріалы для исторіи западно-русской православной Церкви* (16—18 стол); Батюшкова *Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи;* Бантышъ-Каменскаго *Переписка между Россіею и Польшею по дипломатическимъ бумагамъ*, въ Чт. М. И. О., 1869 г. и друг. Изъ старинныхъ сочиненій, написанныхъ латинянами и уніатами на польскомъ, либо на латинскомъ языкѣ въ эпоху введенія уніи въ Россіи важнѣйшими должно признать сочиненія іезуита Петра Скарги: *О единствѣ Церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ русскимъ народамъ, держащимся Грековъ.* 1577 г.; второе изданіе въ 1590 г.; *О заблужденіяхъ Русскихъ и причинахъ, по которымъ Греція отдѣлилась отъ Римской церкви; Брестскій соборъ;* упомянемъ еще о сочиненіи Ипатія Потѣя: *Гармонія;* объ уніатскихъ сочиненіяхъ Мелетія Смотрицкаго: *Апологія; Протестація; Парэнесисъ; Экзетесисъ.* Были написаны латинянами и уніатами и многія другія сочиненія въ защиту латинской вѣры и уніи и въ опроверженіе сочиненій православныхъ, противоуніатскихъ.

Въ свою очередь православные опровергали латинянъ и уніатовъ. Такъ, противъ уніи вооружался князь Курбскій *(Сказанія князя Курбскаго).* Было написано много и спеціальныхъ сочиненій противъ уніи, въ опроверженіе доводовъ латинянъ противъ православной вѣры и Церкви и въ изобличеніе латинства. Такъ, дѣятельность православнаго собора въ Брестѣ, состоявшагося одновременно съ уніатскимъ соборомъ, описана въ сочиненіи *Экзетесисъ;* въ опроверженіе книги Скарги *Брестскій соборъ* протестантъ Христоферъ Бронскій написалъ и издалъ въ 1597 г. подъ псевдонимомъ Христофора Филалета книгу *Апокрисисъ*, (т. е. Отвѣтъ) (эта книга вновь издана въ 1869 г. въ Кіевѣ въ память юбилея Кіевской Духовной Академіи); противъ *Апокрисиса* латиняне написали книгу *Антиррисисъ*,

Съ благословенія папъ рыцари орденовъ Тевтонскаго и Меченосцевъ насильственно, огнемъ и мечемъ, распространяли латинскую вѣру среди финскихъ и литовскихъ пле-

---

т. е., Оспариваніе; противъ другаго сочиненія Скарги *О единствѣ Церкви* нѣкто Василій въ г. Острогѣ написалъ и издалъ въ 1588 г. обширное и обстоятельное сочиненіе въ видѣ сборника изъ шести статей, которое по заглавію первой статьи называется *О единой истинной православной вѣрѣ и святой соборной апостольской церкви;* противъ книги Гербеста: *Выводы вѣры римскаго костела*, было издано въ 1587 г. сочиненіе: *Ключъ царства небеснаго*; противъ сочиненія уніата Кревзы: „*Оборона уніи*“, изданнаго въ 1617 г., Захарія Копыстенскій въ 1620 г. написалъ отличное сочиненіе: *Палинодія или книга обороны католической, святой апостольской входной Церкви*, къ сожалѣнію въ свое время не напечатанное (10 главъ сочиненія были напечатаны въ книгѣ „О вѣрѣ“ въ 1648 г., а все оно напечатано въ Р. И. Б. 1878 г., т. 4, кн. 1); Противъ уніатскихъ сочиненій Мелетія Смотрицкаго были написаны *Аполлія Апологіи* и *Антидотумъ*; Виленское Свято-Духовское Братство издало книгу *Синопсисъ*. Противъ уніатовъ и латинянъ были написаны и многія другія сочиненія Мелетіемъ Смотрицкимъ до отступленія его въ унію (*Оправданіе невинности* и *Защита оправданія*), Петромъ Могилою (ему приписывается, повидимому не принадлежащее ему, рукописное сочиненіе *Лѣвосъ*), Иннокентіемъ Гизелемъ (*Истинная вѣра*, рукописное сочиненіе, составленное въ отвѣтъ на письмо іезуита Боймы, озаглавленное: *Старая вѣра о власти св. Петра и Папы Римскихъ и объ исхожденіи Св. Духа*), Іоанникіемъ Галятовскимъ (*Скарбница*; *Бесѣда Бѣлоцерковская*; *Отвѣтъ Греко-Россійской церкви Римлянамъ на книгу ихъ*: *Фундаментъ вѣры*, составленную іезуитомъ Скаргою), Ѳеофаномъ Прокоповичемъ (*Отвѣтъ* Сорбонискій коллегіи; *Примѣчанія* на книгу Риберы и друг.), Георгіемъ Конисскимъ (Полное собраніе сочиненій) и другими. Указанія на историческія и догматико-полемическія старинныя сочиненія касательно уніи и латинской вѣры есть въ Исторіяхъ Духовныхъ Академій: Кіевской Макарія (Булгакова), Голубева; Славяно-Греко-Латинской С. Смирнова, въ Исторіяхъ Русской Церкви Макарія (начиная съ 9 т.) и Филарета, въ разныхъ спеціальныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ.

Изъ трудовъ православныхъ богослововъ и историковъ новаго времени упомянемъ о сочиненіяхъ: Бантышъ-Каменскаго (кромѣ вышеупомянутаго *Историческое извѣстіе объ уніи);* Зубрицкаго статьи и брошюры по исторіи Червонной Руси и объ уніи; Карпова *Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ;* Батюшкова *Холмская Русь;* Прот. Бобровскаго *Русская Греко-Уніатская церковь;* Архіепископа Антонія Зубко *О Греко-уніатской церкви*, изд. Св. Синодомъ въ 1889 г.; *Записки Василія Лужинскаго*. Архіепископа Полоцкаго; Малышевскаго *Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ...; Отношеніе Руси къ Церкви Римской при святомъ князѣ Владимірѣ* въ Тр. К. Д. А. 1863 г. № 2; переводъ 4-й ч. Апокрисиса; *Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность;* Краинскаго *О возможномъ разрѣшеніи католическаго вопроса въ Россіи;*

менъ, и только славныя побѣды Святаго Великаго Князя Александра Невскаго спасли Новгородскую и Псковскую области отъ насильственной латинизаціи; латиняне-же въ Польскомъ и Литовскомъ королевствахъ и въ областяхъ западной и юго-западной Россіи, отторгнутыхъ отъ Россіи въ несчастныя для нея времена, обращали православныхъ Русскихъ въ уніатовъ, а по мѣрѣ возможности и въ латинскую вѣру, и опять таки больше насильственными мѣрами. Однако, не смотря на несчастныя для Русскихъ времена, не смотря на тяжесть многовѣковаго гнета со стороны поляковъ и склонившихся къ ихъ вѣрѣ Русскихъ, Русскіе въ массѣ своей отстояли свою вѣру: одни изъ нихъ пребывали твердыми въ своей отеческой и истинной вѣрѣ, пожелавши лучше подвергнуться всякимъ бѣдствіямъ и даже потерять самую жизнь, нежели измѣнить своей вѣрѣ; а другіе хотя и не вынесли тяжести испытанія и сдѣлались уніатами, но потомки ихъ въ недавнее время, по милосердію Божію и трудами доблестныхъ ревнителей православія Митрополита Литовскаго Іосифа Сѣмашко, Епископа Антонія Зубко и другихъ ревнителей православія, возвратились въ лоно Православной Церкви. Не насильственно возсоединены они были съ Православною Церковію. Въ томъ особенно и

Петрова многія статьи, преимущественно въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи; Кояловича: *Литовская церковная унія*, 1 и 2 т.; *Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ; Лекціи по исторіи Западной Россіи;* М. Максимовича *Полное собраніе сочиненій*, 1 — 3 т.: *Записки Іосифа Митрополита Литовскаго, изданныя Академіею Наукъ по завѣщанію автора*, 1 — 3 т.: Графа Д. Толстого *О Митрополитѣ Іосифѣ и о возсоединеніи уніатовъ съ Православною Церковію въ 1839 г.*; его же *Римскій католицизмъ въ Россіи*, 1 и 2 т. (Эта книга предварительно была напечатана на французскомъ языкѣ); Чистовича *Очеркъ исторіи Западно Русской Церкви*, ч. 1 и 2; его же *Пятидесятилѣтіе (1839—1889) возсоединенія съ Православною Церковію западно-русскихъ уніатовъ;* обзоръ событій возсоединенія уніатовъ; Кипріановича *Жизнь Іосифа Сѣмашко, Митрополита Литовскаго, и возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ;* Его же *Историческій очеркъ православія, католичества и уніи въ Бѣлоруссіи и Литвѣ съ древнѣйшаго до настоящаго времени.* Кромѣ того объ уніи и вообще объ отношеніяхъ между Латинскою и Православною Церковію были помѣщаемы статьи въ журналахъ: *Вѣстникъ Юго-Западной Россіи, Кіевская старина, Труды Кіевской Духовной Академіи,* въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ Юго-Западныхъ и Западныхъ губерній, въ историческихъ и богословскихъ журналахъ и сборникахъ.

обнаруживаются и истинность православія и апостольская чистота ревности къ распространенію его православныхъ миссіонеровъ, что Православная Церковь даже тѣхъ чадъ своихъ, которыя были отторгнуты отъ нея насильственно, возвращаетъ къ себѣ не обѣщаніями земныхъ выгодъ, не угрозами наказаній, не утѣсненіями или гоненіемъ, а единственно словомъ убѣжденія. Называть такую Церковь мертвою, значитъ или совершенно не знать ея, или намѣренно вновь и вновь повторять издавна пущенную клевету на нее.

Латиняне любятъ хвастаться превосходнымъ устройствомъ своихъ миссій и самоотверженною ревностію своихъ миссіонеровъ. Вотъ и въ настоящей энцикликѣ папа не удержался, чтобы не высказать похвалъ своимъ проповѣдникамъ Евангелія, которые ѣдутъ въ самыя отдаленныя страны и ради распространенія христіанской вѣры жертвуютъ не только удобствами и здоровьемъ, но готовы пожертвовать и самою жизнію. Уже въ этихъ похвалахъ содержится косвенное порицаніе Православной Церкви, мертвенность которой, по мнѣнію латинянъ, обнаруживается, между прочимъ, и въ упадкѣ миссіонерской дѣятельности.

Но дѣйствительно-ли миссіонерское дѣло у латинянъ поставлено столь превосходно, а у православныхъ столь плохо, что Латинскую церковь можно назвать истинно апостольской по ревности къ распространенію христіанства, а Православную— церковію мертвенною, забывшею завѣты Христа и Апостоловъ?

Нѣтъ, въ дѣйствительности миссіонерство Латинской церкви не на столько превосходнѣе миссіонерства Православной Церкви, чтобы можно было вывесть столь невыгодное мнѣніе о Церкви Православной. Мы даже сомнѣваемся въ превосходствѣ миссіонерства Латинской церкви предъ миссіонерствомъ Православной Церкви.

Количественными размѣрами миссіонерство латинянъ, дѣйствительно, превосходитъ миссіонерство православныхъ; но это не свидѣтельствуетъ еще ни о превосходствѣ Латинской церкви предъ Православною, ни о преизбыткѣ миссіонерской ревности у латинянъ и о недостаткѣ ея у православныхъ: оно проистекаетъ отъ другихъ причинъ.

Во-первыхъ, латинянъ вдвое больше православныхъ; поэтому естественно, что и миссіонеровъ у нихъ гораздо больше.

Во-вторыхъ, несчастныя политическія обстоятельства за-

держали ростъ просвѣщенія и развитіе всѣхъ сторонъ гражданственности въ восточныхъ, православныхъ странахъ Европы, а вмѣстѣ съ тѣмъ препятствовали православнымъ народамъ поставить дѣло миссіонерства твердо, прочно и широко. Въ теченіе могихъ вѣковъ они вынуждены были охранять и защищать свою собственную вѣру, свою политическую независимость и національную цѣлостность, а потому и не имѣли возможности и удобствъ для распространенія своей вѣры среди иновѣрныхъ народовъ. Это можно сказать даже и о Россіи и еще въ большей мѣрѣ о другихъ православныхъ народахъ Востока. Безспорно, что въ восточныхъ церквахъ, основанныхъ самими Апостолами и нѣкогда знаменитыхъ, миссіонерская дѣятельность уже давно находится въ полномъ упадкѣ, но не потому, что онѣ не истинныя церкви, а потому, что страны, въ которыхъ онѣ находятся, и народы, которые ихъ составляютъ, уже много вѣковъ страдаютъ подъ тяжкимъ игомъ мухаммеданъ, одичали, обнищали, запустѣли. Несчастіе можетъ постигнуть какъ частнаго человѣка, такъ и цѣлый народъ, цѣлое царство. Не самъ-ли папа въ настоящей энцикликѣ говоритъ, что возникшіе въ 16-мъ вѣкѣ разногласія, споры и ужасныя войны нанесли апостольскимъ трудамъ роковой ущербъ? Но хотя и справедливо то, что отпаденіе отъ Латинской церкви протестантовъ и продолжающіяся вотъ уже почти четыреста лѣтъ соперничество и борьба ея съ ними значительно ослабили миссіонерство латинянъ среди невѣрныхъ, тѣмъ не менѣе все-таки латиняне имѣли и доселѣ имѣютъ гораздо болѣе возможности и удобствъ для распространенія своей вѣры среди язычниковъ, нежели православные. За послѣднюю тысячу лѣтъ народы, принадлежавшіе и доселѣ принадлежащіе къ Латинской церкви, стояли и доселѣ еще стоятъ по образованности выше православныхъ народовъ Востока.

Въ-третьихъ, размѣры миссіонерскаго дѣла въ Латинской церкви кажутся больше, а Православной Церкви—меньше, чѣмъ каковы они на самомъ дѣлѣ. Латиняне кричатъ о своихъ миссіонерскихъ подвигахъ, оповѣщаютъ о нихъ весь міръ. Напротивъ дѣятельность православныхъ миссіонеровъ совершается въ тиши и безмолвіи, и о нихъ знаютъ только свои же православные; на Западѣ даже выдающіеся православные

миссіонеры не извѣстны и по имени. Да и станутъ-ли латиняне интересоваться православными миссіонерами, когда они отъ всей души желаютъ, чтобы православные совсѣмъ не распространяли своей вѣры, и готовы употребить всякія средства, чтобы воспрепятствовать успѣхамъ православныхъ миссій? А между тѣмъ Православная Церковь и послѣ отдѣленія отъ нея церкви Западной развѣ не имѣла такихъ славныхъ миссіонеровъ, которые и по ревности къ дѣлу распространенія христіанства и по великимъ успѣхамъ въ этомъ святомъ дѣлѣ по справедливости должны быть названы равноапостольными? Такъ, въ эпоху перваго раздора между Восточною и Западною церковію Святые братья Меѳодій и Кириллъ просвѣтили христіанскою вѣрою языческихъ Славянъ, при чемъ Римскіе папы и другіе западные епископы не только не оказывали поддержки апостольскимъ трудамъ святыхъ братьевъ и ихъ учениковъ, но и противодѣйствовали ихъ святому дѣлу больше самихъ язычниковъ. Затѣмъ, святая княгиня Ольга положила твердое начало христіанству въ Россіи, крестившись сама и подавши тѣмъ примѣръ своимъ подданнымъ. Вскорѣ потомъ внукъ ея святый князь Владиміръ крестился самъ и крестилъ народъ Русскій. Потомъ многіе епископы, иноки, священники и міряне трудились надъ дѣломъ распространенія и утвержденія христіанства среди русскихъ, финскихъ, татарскихъ и иныхъ многочисленныхъ племенъ, разбросанныхъ по обширнымъ пространствамъ теперешней Европейской Россіи и Сибири. Такъ, по завоеваніи Казанскаго царства, святители Гурій, Германъ и Варсанофій, во второй половинѣ 16 вѣка, дѣятельно трудились надъ обращеніемъ Татаръ въ христіанство. Замѣчательно, что въ наказѣ о миссіонерскомъ дѣлѣ, полученномъ первымъ святителемъ Казанскимъ Гуріемъ отъ Іоанна Грознаго, излагается вполнѣ апостольскій взглядъ на миссіонерство. Гурію поданъ былъ совѣтъ пріучать къ себѣ мухаммеданъ, дѣйствуя на нихъ любовью и ласкою, угощать приходящихъ по дѣламъ, бесѣдовать съ ними тихо и съ умиленіемъ, а съ жестокостію съ ними не говорить; къ крещенію склонять Татаръ только любовью, а отнюдь не страхомъ; новокрещеновъ жаловать и беречь во всемъ, преподавать имъ христіанское вѣроученіе и поддерживать ихъ въ жизни матеріальною помощію. И такой наказъ данъ былъ миссіонерамъ

тогда, когда въ Латинской церкви не совсѣмъ еще потухли инквизиціонные костры! Въ смутное для Россіи время миссіонерство на восточной окраинѣ ея ослабѣло. Но нѣсколько позже, въ началѣ 18 вѣка, миссіонерская дѣятельность была перенесена далеко за предѣлы бывшаго Казанскаго царства, началась въ отдаленныхъ, пустынныхъ и совершенно дикихъ странахъ Сибири. Изъ сибирскихъ миссіонеровъ того времени были особенно славны митрополитъ Тобольскій Филоѳей Лещинскій, въ схимонашествѣ Ѳеодоръ, и инокъ Іоаннъ. Странствуя по дикимъ сибирскимъ тундрамъ и непроходимымъ лѣсамъ, они обратили въ христіанскую вѣру нѣсколько десятковъ тысячъ инородцевъ-язычниковъ. И въ истекающемъ столѣтіи было у насъ не мало миссіонеровъ, которые ревностно и съ большимъ успѣхомъ проповѣдывали Евангеліе язычникамъ. Такъ, Иннокентій Веніаминовъ, впослѣдствіи митрополитъ Московскій, въ теченіе многихъ лѣтъ, претерпѣвая лишенія и подвергаясь опасностямъ, на собакахъ и оленяхъ ѣздилъ по безпредѣльнымъ пространствамъ холодной, безлюдной и дикой Восточной Сибири и обратилъ ко Христу нѣсколько десятковъ тысячъ язычниковъ, укрѣпляя въ то же время христіанскую вѣру и христіанскія добродѣтели въ тѣхъ инородцахъ, которые приняли христіанство прежде. Алтайскій миссіонеръ Макарій, занимавшійся переводомъ Священнаго Писанія съ еврейскаго языка на русскій, проповѣдывалъ Евангеліе инородцамъ Южной Сибири. А въ самое послѣднее время Николай, епископъ Ревельскій, привелъ ко Христу очень много Японцевъ и доселѣ съ успѣхомъ продолжаетъ свои апостольскіе труды. Должно упомянуть и о недавно скончавшемся Н. И. Ильминскомъ, который своими переводами Священныхъ книгъ на татарскій языкъ, своимъ преподаваніемъ инородческихъ языковъ и устроеніемъ инородческой учительской семинаріи твердо и хорошо поставилъ дѣло приготовленія миссіонеровъ изъ русскихъ и изъ инородцевъ [1]). Иные изъ православныхъ

[1]) Изъ Отчета Миссіонерскаго Общества за 1894 годъ видно, что въ этомъ году инородцевъ въ Сибири обращено въ христіанство до трехъ тысячъ и Японцевъ около тысячи. Въ 1895 г. къ православной Церкви пріобщено 2239 человѣкъ, изъ нихъ Японцевъ 826. Конечно, это не много. Но позволительно надѣяться, что проложеніе великаго желѣзнодорожнаго пути чрезъ всю Сибирь, облегчая и умножая способы воздѣйствія Русскихъ на ино-

проповѣдниковъ Евангелія даже жизнь свою положили за проповѣдь о Христѣ. Такъ, святый Леонтій, епископъ Ростовскій, былъ убитъ язычниками за то, что ревностно и успѣшно распространялъ среди нихъ христіанство. Той же участи подвергся архіепископъ Рязанскій Мисаилъ, убитый въ 1655 г. Мордвою во время проповѣди Евангелія этимъ язычникамъ. Окровавленная мантія его и доселѣ сохраняется въ Архангельскомъ соборѣ въ Рязани.

А если мы обратимъ вниманіе на качество миссіонерства православнаго и латинскаго, то въ этомъ отношеніи первое превосходнѣе втораго. Православнымъ миссіонерамъ всегда чуждо было глубоко-антипатичное „душехватство“, которое столь свойственно латинской пропагандѣ. Православные въ дѣлѣ обращенія невѣрныхъ ко Христу никогда не прибѣгаютъ къ мѣрамъ искусственнымъ, противонравственнымъ и насильственнымъ, какъ это часто дѣлаютъ латиняне. Употребленіе такихъ мѣръ совершенно противно духу Евангелія и тому способу проповѣданія его, котораго держались Апостолы и ихъ истинные послѣдователи. Такого рода миссіонерство, не одобрительное само по себѣ, и плоды приноситъ гнилые, непрочные и дурные. Въ списки обращенныхъ вносятся и такіе, которые имѣютъ почти только одно имя христіанъ. Поступая при обращеніи язычниковъ въ христіанство не по-евангельски, латиняне зароняютъ въ сердца обращаемыхъ и ихъ сородичей сѣмена недовѣрія, неуваженія и непріязни къ себѣ. Эти сѣмена потомъ возрастаютъ и приносятъ самые горькіе плоды. Приведемъ одинъ примѣръ.

Латиняне еще очень давно въ значительныхъ размѣрахъ распространили христіанство въ Японіи. Начатое съ успѣхомъ дѣло евангельской проповѣди уже легко было поддерживать, укрѣплять и расширять; но случилось совсѣмъ не то. Латиняне своимъ нехристіанскимъ образомъ дѣйствія вооружили противъ себя Японцевъ; вспыхнула таившаяся въ послѣднихъ національная вражда къ бѣлымъ, и послѣдовалъ страшный разгромъ европейцевъ и ихъ миссіонерскаго дѣла: миссіонеры были перебиты, Японцы, ставшіе

родцевъ въ Сибири и Средней Азіи, поведетъ къ болѣе широкому распространенію христіанства между послѣдними.

христіанами, частію были истреблены, частію опять перешли въ свою прежнюю вѣру. Православныя миссіи ни въ Китаѣ, ни въ Японіи такому страшному разгрому не подвергались,—по той причинѣ, что православные миссіонеры обращались съ туземцами лучше, нежели латиняне, и живутъ лучше. Нельзя, конечно, отрицать, что Японцевъ побуждало произвесть этотъ разгромъ довольно естественное чувство ихъ вражды къ европейцамъ-христіанамъ,—вражды національной, племенной и религіозной; но эта вражда не дошла бы до такого ужаснаго взрыва, если бы латиняне не разожгли ее сами дурнымъ обращеніемъ съ туземцами и дурнымъ образомъ жизни, вмѣсто того, чтобы по возможности угасить ее кротостію, снисходительностію, справедливостію, услужливостію, милосердіемъ, любовію.

„Пусть такъ, согласятся съ нами болѣе добросовѣстные латиняне, и вы распространяете христіанство среди язычниковъ, хотя и не столь усердно, какъ мы; но почему вы относитесь равнодушно, или даже отрицательно къ дѣлу соединенія церквей? Почему вы не только сами не ищете союза съ нами, но и на наши приглашенія вступить съ нами въ союзъ отвѣчаете отказами? Поступая такъ, вы противитесь волѣ Христа, Который желалъ, чтобы всѣ вѣрующіе въ Него составляли одно общество, и потому вамъ придется отвѣчать предъ Богомъ за свое упорное нежеланіе возсоединиться съ нами, какъ говорилъ одинъ изъ вашихъ же, епископъ Виссаріонъ“.

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о рѣчи Виссаріона, не потому, впрочемъ, чтобы она имѣла какую-нибудь особенную важность, а потому, что придастъ ей такое значеніе папа въ своей энцикликѣ. Повидимому, слова Виссаріона внушительны, убѣдительны, правдивы, сильны; тѣмъ не менѣе нельзя не подивиться тому, что папа приводитъ ихъ въ своей энцикликѣ какъ бы какое изреченіе Священнаго Писанія. Кто былъ Виссаріонъ, чтобы ссылаться на него, какъ на важный авторитетъ? Быть можетъ, онъ былъ патріархъ, глава важной помѣстной церкви? Ничуть. Ну, такъ не знаменитый-ли онъ богословъ? Да, онъ богословъ, но не знаменитый. Въ такомъ случаѣ нужно предположить, что онъ былъ человѣкъ святой жизни? И этого не слыхать. Уже слишкомъ не высокое мнѣніе имѣетъ папа

о разсудкѣ восточныхъ христіанъ, или слишкомъ затрудняется онъ въ подысканіи доказательствъ своихъ мнѣній, если онъ надѣется склонить этихъ христіанъ къ союзу съ своею церковію ссылкою на слова епископа, который склонился къ уніи съ Римомъ и который только чрезъ то и сталъ извѣстенъ въ исторіи, что дѣйствовалъ въ пользу уніи православнаго Востока съ отпавшимъ отъ Востока Западомъ.

Намъ могутъ сказать, что нужно обращать вниманіе на самыя слова, а не на лице говорящаго, и что если слова истинны, то они не теряютъ силы, кто-бы ихъ ни сказалъ.

Это правда. И Каіафа, лживый и преступный, какъ человѣкъ, изрекъ даже пророчество, какъ первосвященникъ. Что-же удивительнаго, если и Виссаріонъ, измѣнившій вѣрѣ отцовъ своихъ на Ферраро-Флорентійскомъ соборѣ, могъ изречь истину?

Но слова Виссаріона и сами по себѣ не заслуживаютъ той похвалы, какую воздастъ имъ папа. То правда, что для соединенія и приведенія людей въ одно общество Сынъ Божій сходилъ съ неба, воплотился и былъ распятъ, и что поэтому мы не должны быть въ раздѣленіи съ людьми, которые притомъ суть наши братья и по крови; но слѣдуетъ-ли отсюда, что мы, православные, должны вступить въ церковное единеніе съ латинянами? Папа, латиняне и Виссаріонъ говорятъ: „да“, а мы, православные, отвѣчаемъ: „нѣтъ“. Папа говоритъ намъ, что если мы примемъ его приглашеніе вступить въ единеніе съ Латинскою церковію, то мы исполнимъ волю Божію, а если не примемъ, то нарушимъ волю Божію и будемъ за это наказаны Богомъ. Мы, напротивъ, говоримъ, что если мы вступимъ въ единеніе съ латинянами, то нарушимъ волю Божію, а если откажемся отъ союза съ ними, то исполнимъ волю Божію.

Спрашивается, какъ понять и объяснить такое явное разногласіе и противорѣчіе, что на одинъ и тотъ-же вопросъ одни отвѣчаютъ; „да“, а другіе: „нѣтъ?“ Какъ понять, что одно и тоже дѣло одни называютъ добрымъ и богоугоднымъ, а другіе — дурнымъ и богопротивнымъ.

По закону логики взаимно исключающія одно другое сужденія объ одномъ и томъ-же предметѣ не могутъ быть оба истинными, правильными, но одно изъ нихъ непремѣнно есть ложное сужденіе, а другое можетъ быть истиннымъ.

Итакъ, въ рѣшеніи даннаго вопроса не правы или мы, или латиняне, а кто именно, это нужно разсмотрѣть.

Мы не будемъ упрекать латинянъ за ихъ домогательства вовлечь въ союзъ съ ними Православную Церковь: это ихъ дѣло; пусть усиливаются и домогаются. Но мы позволимъ себѣ оправдать насъ, православныхъ, отъ взводимаго на насъ латинянами обвиненія въ томъ, что, не соглашаясь на ихъ призывы вступить въ единеніе съ ними, мы тѣмъ самымъ оказываемъ противленіе волѣ Божіей и планамъ домостроительства спасенія человѣческаго рода Іисусомъ Христомъ, какъ объ этомъ заявляетъ папа словами Виссаріона.

Виссаріонъ называетъ латинянъ братьями православныхъ и утверждаетъ, что пребывать въ раздѣленіи съ братьями противно волѣ Христа. Безъ сомнѣнія, латиняне — наши братья, потому что мы—люди, и они—люди. Такого рода братство обязываетъ насъ не обижать ихъ, жить съ ними по возможности въ мирѣ, безъ нужды не заводить съ ними раздоровъ, всячески избѣгать войны съ ними, не дѣлать и даже не желать имъ никакого зла, оказывать имъ уваженіе, снисхожденіе, услуги, помощь, состраданіе, благожеланіе, любовь, милосердіе, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые впадутъ въ несчастіе, какъ научаетъ этому Іисусъ Христосъ въ возвышенной притчѣ о благодѣтельномъ Самарянинѣ; мало того: если бы кто-либо изъ латинянъ сдѣлался нашимъ личнымъ врагомъ и злодѣемъ, мы, поступая по-христіански, не только не должны мстить ему, но и воздать за зло добромъ, или по крайней мѣрѣ простить его. Исполненія таковыхъ обязанностей въ отношеніи къ людямъ, какъ къ нашимъ братьямъ, требуютъ частію законы человѣческой природы, разумѣется, неиспорченной, частію, и въ особенности, законъ Христовъ. Само собою понятно, что мы можемъ также, если желаемъ, вступать съ латинянами въ союзы брачные, какъ это и дозволяетъ наша Церковь, политическіе и всякіе другіе житейскіе, можемъ вести съ ними торговлю, участвовать вмѣстѣ съ ними въ промышленныхъ и всякихъ другихъ житейскихъ предпріятіяхъ, учить ихъ, или учиться у нихъ, брать въ руководство ихъ ученые труды и произведенія искусствъ, водить съ ними хлѣбъ—соль и вообще поддерживать съ ними наилучшія, истинно-

человѣчныя и истинно-христіанскія отношенія. Такого рода братскую, человѣчную и христіанскую любовь мы должны оказывать какъ всѣмъ вообще людямъ, такъ и въ частности латинянамъ; и если мы не будемъ проявлять ее въ отношеніи къ нимъ, равно какъ и къ прочимъ людямъ, то это будетъ не согласно съ волею Божіею, съ естественнымъ нравственнымъ закономъ и съ закономъ евангельскимъ.

Но изъ закона братской любви къ латинянамъ, какъ людямъ, любви человѣчной и христіанской, не вытекаетъ тотъ выводъ, какой сдѣлалъ Виссаріонъ и какой желателенъ папѣ. Вѣдь папа домогается церковнаго единенія съ нами, единенія въ вѣрѣ, а такое единеніе не возможно обосновать и утвердить на человѣческомъ и христіанскомъ законѣ, обязывающемъ каждаго человѣка имѣть любовь ко всѣмъ людямъ. Братскую любовь мы должны питать даже и къ язычникамъ и вообще ко всѣмъ не-христіанамъ; слѣдуетъ-ли отсюда, что мы должны вступать съ ними въ единеніе въ вѣрѣ?

Да и легко-ли осуществить на дѣлѣ братскую любовь къ иновѣрцамъ?

Припоминаемъ при этомъ слѣдующее маловажное, но весьма характерное обстоятельство. Предъ самымъ выходомъ въ свѣтъ энциклики на праздникъ Святыя Троицы (5-го іюня) прибылъ въ Троице-Сергіеву Лавру одинъ латинскій патеръ, родомъ Чехъ. Такъ какъ онъ пріѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ однимъ высокопоставленнымъ лицемъ, то, по окончаніи Богослуженія въ Троицкомъ соборѣ, онъ вмѣстѣ съ другими приглашенными пришелъ въ митрополичій домъ. Когда высокопреосвященный митрополитъ Сергій, отслуживши обѣдню и вечерню и благословивши народъ, пришелъ въ свой домъ и началъ благословлять гостей, то одинъ профессоръ академіи, бесѣдовавшій съ патеромъ, спросилъ его, будетъ ли онъ подходить подъ благословеніе? Патеръ замялся, что-то пролепеталъ, сказалъ, что онъ спроситъ..., и отошелъ отъ профессора. Не утверждаемъ положительно, но, кажется, подъ благословеніе онъ не подошелъ. Не забудемъ, что такъ поступилъ Чехъ. Чехи не только родственны намъ, Русскимъ, по крови и расположены къ Россіи, надѣясь чрезъ нее отстоять свою національную независимость, но и вѣроисповѣдная нетерпимость

свойственна имъ въ гораздо меньшей мѣрѣ, нежели многимъ другимъ народамъ, принадлежащимъ къ Латинской церкви. Конечно, нельзя его и осуждать за это. Вѣдь и нашъ православный священникъ, если бы ему пришлось быть въ гостяхъ во Франціи, или въ Италіи у латинскаго епископа, затруднился-бы надъ рѣшеніемъ вопроса, можно-ли и прилично-ли ему принять благословеніе епископа чужой церкви, находящейся съ Православною Церковію въ разрывѣ, или нужно уклониться отъ этого и привѣтствовать епископа такъ, какъ привѣтствуютъ другъ друга міряне при взаимной встрѣчѣ. Но это, совершенно мелкое само по себѣ, обстоятельство наглядно показываетъ, какъ далеко разошлись между собою латинскій Западъ и православный Востокъ. Если латинянамъ и православнымъ не легко сойтись другъ съ другомъ даже въ мелочахъ, то легко-ли имъ столковаться и примириться въ важныхъ разногласіяхъ? Но и мелочныя различія, если ихъ много, отчуждаютъ и разобщаютъ, пожалуй, не меньше, чѣмъ крупныя разности. Одной братской любви не достаточно, чтобы были сглажены, или устранены раздѣляющія одну церковь отъ другой разности въ вѣрѣ. И самъ папа въ энцикликѣ говоритъ: „Какимъ образомъ совершенная любовь можетъ сочетать умы, если вѣра не сдѣластъ согласными душъ?“ Да и легко-ли возникнуть и обнаружиться совершенной братской любви при разногласіи въ религіозной истинѣ, въ вѣрѣ? Даже и къ единовѣрцамъ своимъ очень немногіе питаютъ истинно-братскую, христіанскую любовь. Поэтому можно-ли ожидать, что найдется много людей, пламенѣющихъ такою любовію къ иновѣрцамъ? Конечно, этого не должно быть, но, къ несчастію, это есть въ дѣйствительности. А историческую и наличную дѣйствительность нельзя не принимать въ разсчетъ при рѣшеніи вопроса о соединеніи церквей, вопроса практическаго. Предположимъ, что папа и духовное правительство какой-либо изъ восточныхъ церквей, основываясь на законѣ братской любви, постановили-бы, чтобы впредь эта Восточная церковь и церковь Латинская пребывали между собою въ мирѣ, въ церковномъ общеніи и союзѣ. Спрашивается, установились-ли бы и на самомъ дѣлѣ между этими церквами миръ, церковное общеніе, братское согласіе и единеніе? Сомнительно. Договоръ остался бы на бу-

магѣ, былъ бы мертвой буквой, и не осуществился бы въ дѣйствительности. Ліонская и Феррaро—Флорентійская унія и были именно такими „бумажными“ договорами. Легко говорить о братской любви, но легко-ли ее осуществить въ отношеніяхъ между народами разноплеменными, разнородными во всемъ строѣ прежней и современной ихъ жизни и неединовѣрными?

Правда, и Виссаріонъ въ приведенныхъ словахъ, и папа въ своей энцикликѣ, и всѣ вообще латиняне свое требованіе о присоединеніи къ Латинской церкви православныхъ, равно какъ и всѣхъ прочихъ христіанъ, основываютъ не столько на Христовомъ законѣ взаимной братской любви между людьми, сколько на желаніи Іисуса Христа, чтобы всѣ вѣрующіе въ Него были едино (Іоан. 17, 20, 21, 23), и на предсказаніи Его, что будетъ одно стадо, т. е., одно общество вѣрующихъ въ Него, и одинъ Пастырь (Іоан. 10, 16). Эти слова изъ первосвященнической молитвы Іисуса Христа и изъ Его притчи о добромъ Пастырѣ составляютъ излюбленныя латинянами изреченія Писанія, которыя они постоянно приводятъ въ доказательство того, что всѣ христіане должны возсоединиться съ ихъ церковію и что если они не присоединяются къ ней, то противятся выраженной въ этихъ изреченіяхъ волѣ Іисуса Христа. Что сказать на это?

Въ словахъ Іисуса Христа, безъ сомнѣнія, заключается требованіе, чтобы люди имѣли не только братскую любовь другъ къ другу, но и достигли единенія въ вѣрѣ, единомыслія, чтобы союзъ между людьми былъ полный, совершенный. И папа справедливо говоритъ о протестантахъ, что, „отчаявшись достигнуть согласія въ мнѣніяхъ, они проповѣдуютъ только общеніе въ братской любви, и что хотя это и вѣрно, насколько всѣ мы должны быть соединены взаимною любовью, ибо этому особенно училъ Іисусъ Христосъ и хотѣлъ, чтобы взаимная любовь была признакомъ Его послѣдователей, но что совершенная любовь не можетъ соединить умы, если вѣра не сдѣлаетъ согласными душъ“. Многовѣковой историческій опытъ постоянно подтверждаетъ ту истину, что разногласіе въ вѣрѣ всегда и вездѣ производило и производитъ охлажденіе взаимной братской любви, а иногда возжигаетъ даже неукротимый пла-

мень самой яростной и непримиримой вражды и ненависти. Поэтому папа и латиняне, призывая христіанъ нелатинскаго исповѣданія къ соединенію съ своею церковію, подъ единеніемъ разумѣютъ *единство въ вѣрѣ*. Иначе и быть не можетъ, и объ этомъ папа и прямо заявляетъ въ своей энцикликѣ. Мало того: по мнѣнію папы для полнаго единенія не достаточно и единства въ вѣрѣ, а нужно еще и *единство управленія*. „Мы убѣждаемъ васъ, говоритъ папа, къ возсоединенію и союзу съ Римскою церковію. Союзъ-же разумѣемъ полный и совершенный. Таковымъ никакъ не можетъ быть такое возсоединеніе, которое означаетъ ничто иное, какъ только нѣкоторое согласіе въ догматахъ вѣры и общеніе въ братской любви: истинное единеніе между христіанами, какое установилъ и какого желалъ Основатель Церкви Іисусъ Христосъ, состоитъ въ единствѣ вѣры и управленія".

Безспорная истина, что Іисусъ Христосъ желалъ, чтобы всѣ вѣрующіе въ Него составляли одно, исполненное совершеннаго согласія, общество, одну Церковь, одно нераздѣльное тѣло, члены котораго должны быть соединены между собою и братскою любовію, и согласіемъ въ ученіи, и единствомъ въ вѣрѣ и управленіи. Но если этого нѣтъ въ дѣйствительности, то кто въ этомъ виноватъ, и какъ поправить дѣло?

Латиняне постоянно и твердятъ православнымъ, протестантамъ и всѣмъ христіанамъ не-латинянамъ: „вы виноваты въ этомъ, потому что вы отдѣлились отъ нашей церкви и произвели расколъ въ единой Христовой Церкви, раздѣленіе въ единомъ тѣлѣ Христовомъ; и мало того, что отдѣлились отъ насъ, но и продолжаете упорно пребывать въ отдѣленіи отъ насъ, не смотря на то, что мы, предавая забвенію взаимныя непріятности, любовно зовемъ васъ возсоединиться съ нами, зовемъ неустанно и постоянно; а поправить дѣло и направить его согласно съ волею Іисуса Христа очень легко: возсоединитесь съ нами, вотъ и все".

Какъ при этомъ случаѣ не сказать: „легко сказка говорится, да не скоро дѣло творится"; и еще: „съ больной головы на здоровую".

Что мы можемъ и обязаны питать братскую любовь къ латинянамъ, равно какъ и они къ намъ, это безспорная

истина; но если этой любви въ дѣйствительности мало, или и совсѣмъ нѣтъ, то кто въ этомъ виноватъ? Православные христіане виновны въ этомъ менѣе, нежели латиняне. Что православные въ отношеніи латинянъ не меньше проявляли благорасположенія и не больше непріязни, чѣмъ латиняне къ православнымъ, это, думаемъ, и сами латиняне отрицать не осмѣлятся. Скажемъ болѣе: латиняне питали и доселѣ питаютъ къ православнымъ меньше расположенія и больше вражды, чѣмъ православные къ нимъ. Для доказательства этого достаточно напомнить, что крестоносцы, пустившись на завоеваніе Іерусалима, вмѣсто того завоевали Византійскую имперію, какъ будто она была царствомъ языческимъ, или мухаммеданскимъ, а нехристіанскимъ. При этомъ цареградскія святыни и памятники искусствъ подверглись разгрому, расхищенію и поруганію. Затѣмъ, папа, вопреки церковнымъ канонамъ, низложилъ восточныхъ патріарховъ безъ всякой вины съ ихъ стороны и поставилъ другихъ на ихъ мѣста. Латинскіе патріархи восточныхъ церквей и теперь существуютъ подъ именемъ титулярныхъ. И все это сдѣлала не какая-нибудь дикая азіатская орда, а образованные, христіанскіе народы Запада. Не безъ основанія можно полагать, что безразсудное завоеваніе латинянами Византійской имперіи еще болѣе расширило пропасть между церквами Латинскою и Православною и окончательно раздѣлило ихъ. Упоминать-ли о томъ, что̀ всѣмъ извѣстно, о томъ, какъ жестоко и насильственно поступали латиняне при обращеніи православныхъ въ унію съ Римомъ и у насъ въ Россіи, и въ прочихъ славянскихъ земляхъ, и собственно на Востокѣ? [1]) Говорить-ли о томъ, что при польскихъ мятежахъ въ 1831 и въ 1863 годахъ ксендзы были главными зачинщиками бунта и руководителями бандъ повстанцевъ и даже собственными руками проливали кровь

---

[1]) Восточными или православно-восточными церквами, короче, православнымъ Востокомъ, называются преимущественно церкви Константинопольская, Іерусалимская, Антіохійская, Александрійская, Греческая, Болгарская; но мы причисляемъ сюда и церковь Россійскую, какъ по совершенному согласію ея въ вѣрѣ, обрядахъ и церковномъ устройствѣ съ апостольскими церквами древняго Востока, такъ и потому, что она находится въ странахъ, лежащихъ на востокѣ по отношенію къ латинскому и протестантскому Западу.

Русскихъ, вина которыхъ предъ Поляками только въ томъ, что они вышли побѣдителями изъ кровавой борьбы Польши съ Россіей, а Полякамъ не удалось завоевать и олатинить Россію, привелось изъ побѣдителей стать побѣжденными? Напротивъ, православные христіане никогда не обращали латинянъ въ свою вѣру насильственно, никогда не воевали съ латинянами только изъ-за того, что они латиняне, и никогда не подвергали поруганію святыни Латинской церкви, хотя и имѣли неоднократные случаи сдѣлать это, напр., во время походовъ Суворова въ Италіи и Швейцаріи, а также при взятіи Парижа. Такимъ образомъ латинянамъ вовсе не къ лицу упрекать православныхъ въ недостаткѣ братской любви къ латинянамъ. А между тѣмъ братская любовь хотя и не можетъ создать единенія церквей въ вѣрѣ, однако она можетъ подготовлять почву для него. И вотъ эту-то почву подкапывали именно латиняне, а не православные.

Безъ сомнѣнія, есть у латинянъ и православныхъ нѣкоторое согласіе въ догматахъ, и даже значительное согласіе: очень многіе христіанскіе догматы мы понимаемъ и исповѣдуемъ такъ, какъ и они, или почти такъ, какъ они. Объ этомъ согласіи во многихъ догматахъ должно сказать, что оно не можетъ быть поставлено въ похвалу ни имъ, ни намъ; потому что оно происходитъ отъ того, что и мы и они приняли эти догматы, какъ одно общее наслѣдіе, отъ одной матери, единой и древней вселенской Церкви. И ихъ и насъ можно похвалить развѣ только за то, что и они и мы сохранили эти догматы въ неприкосновенности и чистотѣ. Во всякомъ случаѣ согласія въ нѣкоторыхъ и даже во многихъ догматахъ между нами и латинянами недостаточно для церковнаго единенія между нами и ими, какъ это признаетъ и папа. Это согласіе можетъ только развѣ облегчить возможность соединенія Латинской церкви съ Православною. Имѣя въ виду это согласіе во многихъ догматахъ, скорѣе можно разсчитывать на возсоединеніе съ Православною Церковію церкви Латинской, нежели крайнихъ протестантскихъ сектъ, въ родѣ, напр., социніанской, въ которой отрицаются даже основные догматы христіанства—троичность лицъ въ Богѣ и божество Іисуса Христа. Однако такой разсчетъ можетъ и не оправдаться; потому что нерѣдко да-

лекіе по вѣрѣ скорѣе сближаются и сдружаются, нежели близкіе: противоположности иногда сходятся. Напр., язычники, по своей вѣрѣ раздѣленные отъ христіанства цѣлою бездною, однако, при появленіи его, охотно приняли его, а близкіе къ нему по вѣрѣ іудеи огромнымъ большинствомъ не приняли его. Но если мы даже будемъ ожидать не худшаго, а лучшаго, все-таки согласіе во многихъ догматахъ можетъ только облегчить рѣшеніе задачи о соединеніи Латинской и Православной Церкви, а не рѣшаетъ ея и не создаетъ единенія, какъ и доказываютъ это многовѣковый историческій опытъ и наличная дѣйствительность.

Признавая, что ни братская любовь, ни согласіе въ нѣкоторыхъ догматахъ не даютъ настоящаго церковнаго единенія, папа приглашаетъ христіанъ нелатинянъ установить полное единеніе съ Латинскою церковію, состоящее въ единствѣ вѣры и управленія. Въ устахъ папы единство вѣры означаетъ то, что церкви и церковныя общества въ случаѣ соединенія ихъ съ Латинскою церковію должны принять вѣру ея, должны вѣровать такъ, какъ вѣруютъ латиняне, а единство управленія означаетъ то, что всѣ присоединяющіеся къ Латинской церкви должны подчиниться папѣ, признать его своимъ церковнымъ главою, главою всей Церкви на землѣ. Такого единства въ вѣрѣ и въ управленіи нѣтъ на лице: Церковь Православная, церковь Армяно-Григоріанская, различныя церковныя общества на Востокѣ, церковь Англиканская, исповѣданіе Лютеранское, исповѣданіе Реформатское, церковь Старокатолическая и различныя церковныя общества и секты, существующія въ западной Европѣ и въ Америкѣ, вѣруютъ всѣ по своему и не одинаково съ Латинскою церковію; равнымъ образомъ каждая церковь, каждое исповѣданіе, каждое церковное общество и каждая секта имѣютъ свое собственное управленіе, совершенно независимое и отличное отъ управленія Латинской церкви, и никакая церковь, никакое церковное общество и исповѣданіе, никакая секта, кромѣ одной Латинской церкви, не признаетъ папу своимъ главою, не признаетъ его и главою всей Церкви. Но папа желаетъ, чтобы всѣ христіане на землѣ одинаково съ нимъ вѣровали, и всѣ признали его главенство надъ цѣлымъ христіанскимъ міромъ, всѣхъ призываетъ къ полному единенію съ его цер-

ковію въ вѣрѣ и къ полному подчиненію его власти, какъ главѣ Церкви. Въ противномъ случаѣ, имѣя вѣру, не согласную съ латинскою вѣрою, пребывая въ раздѣленіи съ Латинскою церковію и не признавая своимъ главою папу Римскаго, христіане не-латиняне, по убѣжденію папы, останутся схизматиками (раскольниками), или схизматиками и еретиками и не спасутся [1]).

Не знаемъ, какъ отзовутся на этотъ призывъ папы, или и совсѣмъ не отзовутся, протестанты; но спрашивается, какъ мы, православные, должны отнестись къ приглашенію папы соединиться съ Латинскою церковію? Можемъ-ли и должны-ли мы дать согласіе на такой призывъ въ принципѣ и приступить къ осуществленію соединенія Православной Церкви съ Латинскою на практикѣ? Или же мы должны отвергнуть приглашеніе папы въ принципѣ и отказаться отъ какихъ бы то ни было практическихъ мѣръ къ соединенію Православной Церкви съ Латинскою? И будемъ-ли мы виновны въ продленіи зла существующаго между этими двумя церквами разобщенія, если не согласимся принять предложеніе папы?

На эти вопросы мы, безъ малѣйшаго сомнѣнія и колебанія, твердо и рѣшительно можемъ дать только одинъ отвѣтъ: мы должны отвѣчать папѣ полнымъ и рѣшительнымъ отказомъ, и за такой отказъ Богъ не осудитъ насъ.

Одну и ту же вѣру мы обязаны имѣть только съ истинными, съ правовѣрующими церквами. Должны мы имѣть и одинаковое въ существенномъ управленіе съ ними, но не одно управленіе, потому что самостоятельныя помѣстныя

---

[1]) Въ обсуждаемой энцикликѣ тонъ рѣчи деликатный, мягкій, заискивающій, льстивый, и потому папа не называетъ въ ней ни православныхъ схизматиками, ни протестантовъ еретиками. Но это сдѣлано только ради дипломатическаго разсчета. Было-бы большою безтактностію назвать православныхъ схизматиками, а протестантовъ еретиками въ томъ самомъ посланіи, въ которомъ папа обращается къ тѣмъ и другимъ съ покорнѣйшею просьбою забыть взаимныя непріятности, оставить непріязнь и недовѣріе къ папамъ и къ Латинской церкви, безпристрастно и спокойно обсудить предложенія папы, примириться и возсоединиться съ нею и безбоязненно подчиниться папѣ. Но обыкновенно латиняне въ своихъ сочиненіяхъ православныхъ называютъ схизматиками, а протестантовъ еретиками, только одну свою церковь признаютъ истинною Христовою церковію, и только ей одной приписываютъ способность спасать людей, принадлежащихъ къ ней.

церкви имѣютъ право на независимость отъ другихъ церквей и на самостоятельность въ своемъ внутреннемъ управленіи. Обязаны мы имѣть съ таковыми церквами и церковное общеніе или единеніе; и если бы между нами и ими, по какимъ либо несчастнымъ обстоятельствамъ, произошла распря, и церковное общеніе прекратилось бы, мы обязаны употребить всѣ силы свои на то, чтобы погасить раздоръ и возстановить церковный миръ и единеніе. И, дѣйствительно, напр., наша Россійская Церковь имѣетъ одну и ту же вѣру съ древними, апостольскими Церквами Востока, имѣетъ одинаковое съ ними въ существенномъ, хотя и независимое отъ нихъ, управленіе и постоянно находится, по милости Божіей, въ общеніи и единеніи съ ними.

Но съ церквами, исповѣданіями и церковными обществами неправовѣрующими мы не только не обязаны имѣть одну и ту-же вѣру и одно и то-же, или одинаковое управленіе и находиться въ церковномъ единеніи, но даже болѣе: мы должны не подражать имъ въ вѣрѣ и въ церковномъ управленіи и не быть съ ними въ единеніи. Священное Писаніе, повсемѣстная и всегдашняя практика древней вселенской Церкви и здравый смыслъ обязываютъ насъ быть въ разобщеніи съ христіанами неправовѣрующими. Приведемъ доказательства.

Мы не будемъ напоминать о томъ, что въ ветхомъ завѣтѣ Богъ строго заповѣдывалъ іудеямъ не имѣть общенія съ окружавшими ихъ языческими народами, по той, конечно, причинѣ, что чрезъ общеніе съ язычниками іудеи легко могли утратить строгость и чистоту своей вѣры, извратить ее примѣсью языческихъ вѣрованій, или даже и совсѣмъ потерять ее,—не будемъ напоминать объ этомъ потому, что то были іудеи и язычники, а не христіане разныхъ исповѣданій. Не будемъ мы ссылаться и на слова Псалмопѣвца: *Блаженъ мужъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ и не стоитъ на пути грѣшныхъ, и не сидитъ въ собраніи развратителей, но въ законѣ Господа воля его, и о законѣ Его размышляетъ онъ день и ночь* (Псал. I, 1. 2); потому что это изреченіе имѣетъ слишкомъ общій смыслъ и, кромѣ того, примѣнять его ко всѣмъ латинянамъ было бы слишкомъ сурово. Но мы имѣемъ болѣе прямыя и болѣе подходящія къ предмету нашей рѣчи настав-

ленія Священнаго Писанія. Такъ, Іисусъ Христосъ о винѣ брата, согрѣшившаго противъ брата своего и не раскаявшагося въ своей винѣ послѣ двукратнаго обличенія его наединѣ и при свидѣтеляхъ, заповѣдуетъ сказать Церкви, *а если,* говоритъ, *и Церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь* (Матѳ. 18, 15—17). Апостолъ Павелъ пишетъ Титу: *Еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія, отвращайся* (Тит. 3, 10). Онъ-же научаетъ другаго своего ученика Тимоѳея такъ: *Кто учитъ иному и не слѣдуетъ здравымъ словамъ Господа нашего Іисуса Христа и ученію о благочестіи..., отъ такихъ удаляйся* (I Тим. 6, 3—5). *Если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали, да будетъ анаѳема* (Галат. 1, 8), пишетъ тотъ-же Апостолъ Галатамъ. Всѣ эти мѣста Писанія ясно и прямо заповѣдуютъ быть въ разобщеніи съ неправовѣрующими христіанами или еретиками, удаляться отъ нихъ и отъ ихъ лжеученія.

Такъ именно понимала это ученіе Іисуса Христа и Его Апостоловъ и древняя вселенская Церковь и строго исполняла вытекающее изъ этого ученія правило: быть въ разобщеніи и удаляться отъ христіанъ еретическихъ, т. е., такихъ, которые не согласно съ нею понимали, извращали, или даже отрицали одинъ догматъ или нѣсколько догматовъ вѣры, которые держались догматическихъ мнѣній, не согласныхъ съ вѣроученіемъ Церкви, которые не имѣли полнаго согласія и единства съ нею въ вѣрѣ и которые, наконецъ, упорно пребывали въ своемъ догматическомъ заблужденіи, или заблужденіяхъ, не взирая на публичное обличеніе и проклятіе ихъ лжеученія Церковію. Равнымъ образомъ древняя вселенская Церковь находилась въ разобщеніи и съ тѣми христіанами, которые хотя и были согласны съ нею въ догматахъ вѣры, но разнорѣчили съ нею въ вопросахъ церковнаго управленія и устройства, или въ обрядахъ и изъ за такого разногласія сами отдѣлялись отъ Церкви и составляли независимыя отъ нея, самостоятельныя общества, называемыя раскольничьими. Вся исторія Церкви, отъ начала до конца, свидѣтельствуетъ о томъ, что именно такъ всегда и неизмѣнно поступала Церковь въ отношеніи къ еретикамъ и раскольникамъ.

Да и по здравому смыслу иначе и быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоримъ—обязательно, даже возможно-ли и полезно-ли быть въ церковномъ единеніи съ такими христіанами, которые не во всемъ согласны съ догматическимъ ученіемъ Церкви? Это *не возможно*; потому что Церковь есть одно нераздѣльное тѣло Христово. Но она не могла бы оставаться единымъ нераздѣльнымъ тѣломъ, если бы въ ней допускалось разногласіе въ важнѣйшемъ ея ученіи—догматическомъ. Поэтому разнорѣчащіе съ нею въ этомъ ученіи не могутъ принадлежать къ ней; она порываетъ съ ними церковное общеніе и повелѣваетъ своимъ членамъ не вступать съ ними въ церковное общеніе. Это *безполезно* и даже *вредно;* такъ какъ упорство еретиковъ всѣмъ извѣстно и свидѣтельствуется постояннымъ и многовѣковымъ опытомъ; извѣстна также склонность ихъ къ пропагандѣ своихъ лжеученій. Поэтому, если бы Церковь, руководясь началами братской любви, снисходительности и вѣротерпимости, не изгоняла ихъ изъ своей ограды и не порывала единенія съ ними, то надежды на ихъ исправленіе было бы мало, а опасность совращенія въ ересь членовъ Церкви увеличилась бы, и способы совращенія въ ересь умножились бы и облегчились. Язву, наклонную къ распространенію по тѣлу, обыкновенно вырѣзываютъ, хотя бы это и причинило страданіе и ущербъ всему тѣлу, лишь-бы только предотвратить распространеніе язвы, которое можетъ оказаться гибельнымъ для всего тѣла и грозить опасностію самой жизни его.

Равнымъ образомъ и съ раскольниками Церковь не имѣетъ возможности быть въ общеніи и единеніи уже по той простой причинѣ, что они сами не желаютъ быть съ нею въ общеніи и единеніи.

Съ удивленіемъ и негодованіемъ латиняне насъ спросятъ: „Вы считаете насъ раскольниками, или даже еретиками“?

Къ прискорбію, признаемъ тѣмъ и другимъ и, во имя правды, не можемъ не признать [1]).

---

[1]) Для изученія не тѣхъ или другихъ частныхъ заблужденій Латинской церкви, а самаго характера латинства и совокупности его заблужденій можемъ указать слѣдующія сочиненія.

Изъ старинныхъ сочиненій, въ которыхъ излагаются и опровергаются

Конечно, сами латиняне эту оцѣнку ихъ признаютъ вопіющею несправедливостію. Самихъ себя, разумѣется, они считаютъ истинными, правовѣрующими христіанами, и

всѣ или многія заблужденія латинянъ въ вѣрѣ и погрѣшности ихъ въ обрядахъ и въ церковной дисциплинѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ *Апокрисиса*, Сборника Василія, *Палинодіи* Копыстенскаго и другихъ, упомянемъ слѣдующія: *Мечецъ духовный*, твореніе двухъ ученыхъ Грековъ братьевъ Софронія и Іоанникія Лихудовъ, учительствовавшихъ въ Москвѣ при Софьѣ Алексѣевнѣ; *Мечецъ* былъ написанъ на греческомъ языкѣ, но вскорѣ былъ переведенъ на языкъ Славянскій; *Исповѣданіе вѣры* Палладія Роговскаго, напечатанное въ 18 т. „*Древней Россійской Вивліовики*“ Новикова; *Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ*,— напечатаны въ „Русской Исторической Библіотекѣ“, 7 т., 2 кн. Не указываемъ сочиненій, доселѣ остающихся въ рукописи. Кромѣ того во всѣхъ вообще старинныхъ богословскихъ системахъ, изъ которыхъ иныя сохранились въ рукописяхъ, а другія напечатаны, были излагаемы и опровергаемы догматическія заблужденія латинянъ.

Изъ критико-библіографическихъ трудовъ для ознакомленія съ древнею православною полемическою литературою укажемъ: Іеромонаха Августина *Полемическія сочиненія противъ латинянъ, писанныя въ Русской церкви въ XI и въ XII в. въ связи съ общимъ историческимъ изысканіемъ относительно разностей между Восточною и Западною церковію*, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“ 1867 г., №№ 6 и 9; А. Н. Попова *Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ* (XI—XV вв.) 1875 г.; А. Павлова *Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ*; Преосв. Филарета *Обзоръ русской духовной литературы*.

Изъ сочиненій новаго времени достойны вниманія слѣдующія: *Богословіе Обличительное* Ректора Каз. Дух. Семинаріи Архимандрита Иннокентія. Казань. 1859 г. (обличенію латинской вѣры посвящена вся вторая часть); Халколиванова брошюра *О римско-католической церкви*. Самара. 1865 г.; статьи профессора Н. Я. Бѣляева въ „Прав. Собес.“ за семидесятые и восьмидесятые годы и посмертное изданіе послѣдняго его труда: *Основной принципъ Римскаго католичества*; А. М. Иванцова: *О римскомъ католицизмѣ и его отношеніяхъ къ православію*. Ч. 1 и 2. Москва. 1869—1870 г.; Его же: *О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ*,—лучшее изданіе—третье. М. 1894 г.; Филарета М. М. *Разности въ вѣрѣ между Восточною и Западными Церквами*, въ „Чтеніяхъ въ Общ. Люб. Дух. Просв.“ 1872 г. № 2; его же другая статья о разностяхъ догматическихъ и обрядовыхъ между В. и З. Церквами въ томъ же журналѣ за 1874 г.; В. Краинскаго: *О католицизмѣ по католическимъ источникамъ*. Кіевъ, 1873 г.; Владиміра Геттэ *Папство схизматическое*; *Папство еретическое*; оба сочиненія съ французскаго переведены на русскій языкъ; Никанора, Архіепископа Херс., *Бесѣда о томъ, есть-ли что еретическое въ Латинской Церкви?* Спб. 1889 г. Характеръ латинства раскрытъ особенно въ сочиненіяхъ Прот. А. А. Лебедева, А. С. Хомякова и другихъ славянофиловъ.

только себя однихъ они и считаютъ истинными христіанами. Протестантовъ они называютъ еретиками, а православныхъ хотя и не дерзаютъ называть еретиками, называютъ, однако-же, схизматиками, т. е., раскольниками. Называя протестантовъ еретиками, они не погрѣшаютъ, но не справедливо называютъ они православныхъ схизматиками. Напротивъ, они сами и схизматики, и еретики.

Латиняне называютъ православныхъ схизматиками на томъ основаніи, что будто бы Восточная Церковь отдѣлилась отъ Латинской и доселѣ пребываетъ въ раздѣленіи съ нею. Но приводить такое основаніе, значитъ не указывать никакого основанія. Въ самомъ дѣлѣ, латиняне говорятъ, что Востокъ отдѣлился отъ нихъ, а Востокъ, напротивъ, утверждаетъ, что Западъ откололся отъ него. Латиняне должны бы потверже доказать, что схизматики не они, а мы; доказать это они не могутъ. Исторія не на ихъ сторонѣ.

Мы не можемъ излагать здѣсь исторію раздора между Востокомъ и Западомъ при патріархѣ Фотіи и папахъ Николаѣ и Адріанѣ: это слишкомъ удалило бы насъ отъ предмета нашей рѣчи, и, кромѣ того, объ этомъ было много писано и православными, и латинянами [1]). Скажемъ только, что едва-ли дѣло патріарха Фотія съ Игнатіемъ и вмѣшательство въ это дѣло папы Николая I можно назвать *корнемъ* разногласія между Востокомъ и Западомъ, какъ это дѣлаетъ папа въ своей энцикликѣ.

Мы полагаемъ, что происшедшій изъ-за этого дѣла разрывъ былъ только проявленіемъ обособленности между Востокомъ и Западомъ, которая проистекала изъ различій національныхъ и мѣстныхъ. Но обособленность и различія въ строѣ жизни и въ характерѣ народовъ между Востокомъ и Западомъ могли и не привесть къ церковному раздѣ-

---

[1]) Въ наши дни писали о Фотіи и происшедшемъ при немъ разрывѣ между Востокомъ и Западомъ изъ латинянъ особенно Гергенрётеръ, а со стороны православныхъ А. М. Иванцовъ, написавшій книгу: *Къ изслѣдованіямъ о Фотіи*. О томъ же и его же актовая рѣчь. Еще есть въ русской литературѣ переводъ съ Ново-греческаго языка сочиненія Минятія, сдѣланный профессоромъ Ловягинымъ, подъ заглавіемъ: *Камень соблазна или изложеніе начала и причинъ отпаденія церкви Западной отъ Восточной и предметовъ несогласія.*

ленію между ними, если бы не содѣйствовали ему папы своимъ высокомѣріемъ, на которое жаловались еще много раньше Святый Кипріанъ Карѳагенскій и Святый Василій Великій и которое съ теченіемъ времени не ослабѣвало, а усиливалось, и своими притязаніями на вмѣшательство въ дѣла другихъ церквей, каковыя притязанія, какъ незаконныя, вызывали отпоръ еще раньше отдѣленія Запада отъ Востока, со стороны, напр., помѣстнаго Карѳагенскаго собора. Кромѣ того, варварское завоеваніе крестоносцами Византійской имперіи, съ которою они скорѣе должны бы были вступить въ дружественный союзъ для совмѣстной борьбы противъ общаго сильнаго и исконнаго врага христіанства, противъ мухаммеданъ, еще болѣе усилило вражду между Востокомъ и Западомъ, усилило и упрочило церковное раздѣленіе между ними. Такимъ образомъ, если въ основу рѣшенія вопроса о томъ, кто схизматики,—православные, или латиняне,—положить историческое обозрѣніе раздора между Восточною и Западною церквами, то и въ такомъ случаѣ третейскій судья рѣшитъ его не въ пользу латинянъ.

Впрочемъ, исторію раздора между Восточною и Западною церквами едва-ли слѣдуетъ признать наилучшимъ способомъ рѣшенія этого вопроса. Вѣдь и всякіе еретики могутъ говорить: „не мы отдѣлились отъ Церкви, а она сама отвергла насъ; мы—обиженная, пострадавшая сторона; мы составляемъ истинную Церковь Христову, а не она“. Говоримъ это къ тому, что если бы латиняне и доказали намъ на основаніи исторіи, что не Латинская церковь отдѣлилась отъ Восточной, а Восточная — отъ Латинской, въ этомъ еще не заключалось бы твердаго доказательства того, что Восточная Церковь—раскольническая, а Латинская—истинная церковь. Мы могли бы сказать, что Восточная Церковь отдѣлилась отъ Латинской въ силу убѣжденія своего въ неправовѣріи Латинской церкви. Если бы, притомъ, это убѣжденіе оказалось объективно-истиннымъ, т. е., если бы Латинская церковь оказалась неправовѣрующею не только по сознанію и убѣжденію Восточной Церкви, но и на самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству объективныхъ и несомнѣнныхъ фактовъ; то въ такомъ случаѣ схизматическою церковію нужно было бы признать не Восточную Церковь,

хотя бы она первая порвала общеніе съ Западною Церковію, а Западную Церковь, какъ потерявшую право на то, чтобы истинная Христова Церковь продолжала быть въ единеніи съ нею. Восточная Церковь могла отдѣлиться отъ Западной именно потому, что послѣдняя перестала быть истинною Церковію. Это не одни только примѣрныя предположенія, а они соотвѣтствуютъ тому, что было и есть въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, если бы папы не стали заявлять притязанія на не принадлежащую имъ власть надъ независимыми церквами, а, съ другой стороны, Латинская церковь не пошла бы по ложному пути, то раздора между Восточною и Западною церквами могло и не быть, или онъ произошелъ бы въ менѣе рѣзкой формѣ, да и въ рѣзкой формѣ онъ могъ кончиться благополучно,— временнымъ охлажденіемъ, временнымъ отчужденіемъ и разобщеніемъ, а не постояннымъ раздѣленіемъ. Спорщики скоро сошли бы въ могилу, горечь обидъ и непріятностей стерлась и забылась бы, и разстроенныя отношенія мало-по-малу опять наладились бы. Такъ это обыкновенно и бываетъ между людьми при случайныхъ распряхъ: въ такихъ случаяхъ даже сильный и рѣзкій раздоръ, по истеченіи нѣкотораго времени, кончается примиреніемъ. Напротивъ, даже и ничтожный случай можетъ вызвать большую ссору, а эта послѣдняя можетъ повести къ непримиримой враждѣ между двумя сторонами и довесть до окончательнаго и всегдашняго раздѣленія ихъ между собою, если ссора возникаетъ на почвѣ глубокаго внутренняго различія между сторонами, или осложняется этимъ послѣднимъ. Дѣйствительно, не разъ возникали попытки къ соединенію Православной Церкви съ Латинскою, но оканчивались ничѣмъ, полною неудачею [1]). Такимъ образомъ ни рѣшеніе вопроса о томъ, Восточная-ли Церковь отдѣлилась отъ Западной, или Западная отъ Восточной, ни разсмотрѣніе сущности и свойствъ происшедшаго между ними раздора не даютъ достаточнаго матеріала для полнаго рѣшенія вопроса, кто правы, мы; или латиняне, называя другъ друга схизматиками.

Но изъ сказаннаго о взаимоотношеніи между истинною

[1]) *Исторія попытокъ къ соединенію церквей Греческой и Латинской въ первые четыре вѣка по ихъ раздѣленіи.* Спб. 1868 г. Профессора А. Л. Катанскаго.

Церковію и еретиками уже видно, что есть другой, болѣе вѣрный и надежный, путь къ рѣшенію этого вопроса. Нужно спрашивать не о томъ, Восточная-ли Церковь отдѣлилась отъ Западной, или Западная отъ Восточной, а о томъ, какая изъ нихъ отдѣлилась отъ древней единой вселенской Церкви, существовавшей до раздѣленія. Выгода такого способа рѣшенія вопроса заключается въ томъ, что эту единую нераздѣльную Церковь, какъ общую мать и Православной и Латинской церкви, признаютъ истинною Церковію и православные, и латиняне; а потому и согласіе съ нею въ вѣрѣ латиняне не могутъ не считать признакомъ истинной Христовой Церкви, а разногласіе—признакомъ лжевѣрующей, неистинной Церкви. Едва-ли и латиняне осмѣлятся отвергать ту истину, что какая-либо церковь, вѣрующая не согласно съ древнею нераздѣленною вселенскою Церковію, должна быть признана церковію отдѣлившеюся, отколовшеюся отъ нея, отъ единой истинной Христовой Церкви, и есть церковь схизматическая, хотя бы никакимъ соборомъ она не была формально отлучена отъ существующей теперь единой правовѣрующей Церкви. Напротивъ, церковь, согласная съ древнею вселенскою Церковію въ своемъ вѣроученіи и въ главныхъ основахъ своего управленія и устройства, должна быть признана истинною, правовѣрующею, а не схизматическою Церковію, хотя бы она пребывала въ раздѣленіи съ какою-либо другою церковію. Но Восточная Православная Церковь, какъ во время происшедшаго между нею и Римскою церковію раздора, такъ и послѣ, вплоть до настоящаго времени, вѣруетъ такъ, какъ вѣровала древняя Вселенская Церковь, и въ существенномъ удержала то же устройство, управленіе и обряды, какіе имѣла древняя Вселенская Церковь [1]). Отрицать это

---

[1]) О православной Восточной Церкви и превосходствѣ ея предъ Латинскою церковію и другими исповѣданіями любопытствующіе могутъ читать въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Филарета, Митр. Моск., *Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи Восточной Греко-Россійской Церкви, съ присовокупленіемъ выписки изъ окружнаго письма Фотія, Патріарха Цареградскаго къ Восточнымъ Патріаршимъ Престоламъ.* Спб. 1815 г. (Было нѣсколько изданій); Ивана Яхонтова *О православіи Россійской Церкви.* Спб. 1843 г. и 2-е изданіе въ 1844 г.; *Письма о православіи.* Кіевъ. 1871 г.; Доктора Богословія Овербека *Свѣтъ съ Востока.* Вильна. 1868 г.; Его же *Безспорныя преимущества Православной Каѳолической*

не осмѣливаются даже и латиняне. Спрашивается, отъ кого-же Православная Восточная Церковь откололась, если она пребываетъ въ совершенномъ согласіи съ древнею истинною Христовою Церковію? Поэтому есть-ли основаніе называть Православную Восточную Церковь схизматическою? Никакого. Напротивъ, Латинская церковь отступила отъ чистоты вѣры и отъ коренныхъ основъ управленія древней вселенской Церкви и чрезъ это она сама себя отсѣкла отъ истинной Церкви и стала церковію раскольническою, а потому и самоосужденною. Но должно прибавить, что главными виновниками отдѣленія Латинской церкви отъ Православной Церкви и пребыванія ея въ расколѣ были и продолжаютъ быть Римскіе папы. Что именно папы суть настоящіе виновники отдѣленія Церкви Западной отъ Восточной, это доказано въ книгѣ бывшаго латинянина, но, по милости Божіей, ставшаго провославнымъ священникомъ Владиміра Геттэ, подъ заглавіемъ: *La papauté schismatique, ou Rome dans ses rapports avec l'Eglise Orientale.* Paris. 1863 г. Въ этомъ сочиненіи догматически, а преимущественно исторически изобличается незаконность папскихъ притязаній на главенство въ Церкви, излагается исторія спора между Фотіемъ и Николаемъ и послѣдующихъ отношеній папъ къ Церкви Восточной до времени собора Ферраро-Флорентійскаго. Этотъ трудъ, за который Московская Духовная Академія присудила автору его степень Доктора Богословія въ томъ же 1863 г., весьма важенъ, какъ и другія сочиненія О. Владиміра [1]). Какъ бывшій латинянинъ, онъ имѣлъ всѣ способы гораздо лучше узнать папство, латинскую вѣру и исторію и жизнь Латинской Церкви, нежели православные ученые богословы. Добросовѣстность, безпристрастіе и широкая ученость о. Владиміра еще болѣе возвышаютъ достоинство его ученыхъ трудовъ. Переводъ этого сочиненія на русскій языкъ былъ помѣщаемъ въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, а недавно редакціей этого журнала изданъ и отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: *Папство, какъ причина*

Церкви предъ всѣми другими христіанскими исповѣданіями, въ Хр. Чт. за 1882 и 1883 г.

[1]) Отзывъ объ этомъ сочиненіи А. В. Горскаго въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ Святыхъ Отцовъ“ за 1882 г., кн. 2, стр. 566 и слѣд.

раздѣленія церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію. 1895 г.

Замѣчательно, что важныя отступленія Латинской церкви отъ чистоты православной вѣры начались со времени отдѣленія ея отъ Восточной Церкви, начавшагося при святѣйшемъ патріархѣ Фотіи. Разобщеніе съ Восточною Православною Церковію, твердою хранительницею богопреданныхъ религіозныхъ истинъ, не могло не оказать дурнаго вліянія на жизнь Латинской церкви и благопріятствовало развитію недостатковъ, сѣмена которыхъ были въ ней и прежде. Съ того времени до нашихъ дней, въ теченіе тысячи лѣтъ, и въ вѣроученіи и въ устройствѣ Латинской церкви, не говоря уже объ обрядахъ, много накопилось новшествъ, не имѣющихъ основанія ни въ Священномъ Писаніи, ни въ ученіи и практикѣ нераздѣленной древней вселенской Церкви, или даже прямо не согласныхъ съ духомъ, а то и съ буквою Писанія и съ ученіемъ, обычаями, правилами и практикою древней вселенской Церкви.

Важнѣйшія изъ новшествъ—заблужденій Латинской церкви слѣдующія: Она усвоила неправильный взглядъ на составъ канона Священнаго Писанія, на сравнительное значеніе Писанія и Преданія и на достоинство латинскаго перевода Библіи, называемаго Вульгатою; она приняла ученіе объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына (Eilioque), объявила это ученіе догматомъ и даже внесла его въ Никео-Цареградскій Символъ; въ ученіи о естественныхъ силахъ человѣка, о грѣхѣ первородномъ, о благодати и объ отношеніи ея къ природѣ человѣка она склоняется къ пелагіанству; она измыслила ученіе о непорочномъ зачатіи Богоматери и объявила это ученіе догматомъ; она допустила немаловажныя измѣненія въ совершеніи всѣхъ таинствъ; она приняла странныя ученія о сверхъ-должныхъ заслугахъ святыхъ, объ индульгенціяхъ, о чистилищѣ, о почитаніи сердца Іисусова; она признаетъ папу намѣстникомъ Христа и Бога на землѣ, видимымъ и непогрѣшимымъ главою всей Церкви, признаетъ власть его высшею церковною властію на землѣ и считаетъ главенство папы надъ Церковію и его непогрѣшимость догматами. Не перечисляемъ заблужденій менѣе важныхъ.

Догматическія заблужденія свои церковь Латинская при-

знаетъ не частными своими мнѣніями, т. е., не такими положеніями, признаніе, или непризнаніе, исповѣданіе, или неисповѣданіе которыхъ предоставлялось бы доброй волѣ каждаго, а догматами, т. е., ученіями безусловно истинными, для всѣхъ обязательными и непререкаемыми.

Всѣхъ своихъ заблужденій Латинская церковь держится постоянно и упорно,—иныхъ въ теченіи цѣлой тысячи лѣтъ. Упорная и неискоренимая привязанность къ заблужденіямъ—это обычное свойство еретиковъ.

Заблужденій въ Латинской церкви столь много, и многія изъ нихъ столь важны, что если бы только малую часть ихъ представить на судъ древней вселенской Церкви, то, безъ сомнѣнія, она анаѳематствовала бы ихъ и отлучила бы Латинскую церковь отъ общенія съ собою, признавши ее еретическою.

Должно замѣтить, что главнымъ источникомъ и постояннымъ проводникомъ еретическихъ и всякихъ иныхъ заблужденій Латинской церкви являются папство и рабски зависимое отъ папы и его куріи духовенство этой церкви [1]). Главными, почти даже единственными виновниками того, что Латинская церковь стала раскольническою и еретическою и упорно пребываетъ въ расколѣ и ереси, должно признать папу, пастырей и богослововъ этой церкви, и въ особенности іезуитовъ, а не народъ. Въ Латинской церкви папству и духовенству принадлежитъ не только преобладающее, но чрезмѣрно преобладающее значеніе. Ученіе, правленіе, устройство, обычаи, особенности и вся жизнь Латинской церкви поставлены и направлены такъ, что какъ будто папа и духовенство одни и составляютъ церковь; а народъ безропотно, страдательно и почти даже безсознательно принимаетъ все, чему они учатъ. Вотъ почему еретичество должно приписывать преимущественно папству и духовенству Латинской церкви, а не народу, ко-

---

[1]) Такой взглядъ на папство пространно раскрытъ въ сочиненіи Владиміра Геттэ; *La papauté hérétique; exposé des hérésies, erreurs et innovations de l'église romaine depuis sa separation de l'église catholique au IX siécle.* Переводъ этого сочиненія напечатанъ въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. подъ заглавіемъ: *Еретичество папства, или изложеніе погрѣшностей, заблужденій и нововведеній Римской церкви со времени отдѣленія ея отъ Вселенской церкви въ IX вѣкѣ.*

торый причастенъ еретичеству невольно. И мы, называя Латинскую церковь раскольническою и еретическою, разумѣемъ по преимуществу папство и духовенство этой церкви. Папы, а не народъ Римской церкви, были главными виновниками отдѣленія Запада отъ Востока; папы, духовенство и богословы, а не народъ, измышляютъ ложныя мнѣнія и провозглашаютъ ложные догматы и научаютъ народъ вѣровать такъ, какъ сами вѣруютъ. Папы, латинское духовенство и подобострастные папѣ богословы несравненно виновнѣе въ расколѣ и еретичествѣ, нежели народъ Латинской церкви еще и потому, что народъ въ огромномъ большинствѣ не имѣетъ возможности знать, что вѣра его, которую онъ принялъ отъ отцовъ своихъ и въ которой его наставляютъ пастыри, не есть вѣра правая, апостольская; тогда какъ папы, духовенство и богословы знаютъ Священное Писаніе, творенія святыхъ отцовъ древней Церкви, опредѣленія и правила соборовъ ея, церковную исторію, однимъ словомъ, имѣютъ всѣ способы знать истину и отличать отъ нея ложь. Если, тѣмъ не менѣе, папы, пастыри и богословы Латинской церкви удерживаютъ старыя лжеученія и измышляютъ новыя и признаютъ ихъ благочестивыми догматами вѣры, то къ нимъ можно примѣнить слова Іисуса Христа, обращенныя къ фарисеямъ: *Если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы* на себѣ *грѣха; но какъ вы говорите, что видите, то грѣхъ остается на васъ* (Іоан. 9, 41). Если, далѣе, папы, пастыри и богословы латинскіе не только сами пребываютъ въ заблужденіяхъ, но и распространяютъ эти послѣднія въ народѣ своей церкви, научая народъ вѣровать такъ, какъ сами вѣруютъ, выдавая человѣческія лживыя мнѣнія за божественные догматы, если они усиливаются распространить свою неправую вѣру даже среди народовъ, исповѣдующихъ истинную христіанскую вѣру, то будетъ-ли несправедливостію назвать ихъ, какъ и фарисеевъ, *вождями слѣпыми* и сказать имъ: *Горе вамъ книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете царство небесное человѣкамъ; ибо сами не входите и хотящихъ войти не допускаете* (Матѳ. 23, 13)?

Покажемъ, хотя вкратцѣ, несогласіе съ Священнымъ Писаніемъ и съ ученіемъ и практикою древней вселенской

Церкви, а слѣдовательно еретическій характеръ, важнѣйшихъ нововведеній въ вѣроученіи и въ церковномъ устройствѣ, допущенныхъ Латинскою церковію.

Первымъ по времени и очень важнымъ догматическимъ нововведеніемъ Латинской церкви было ученіе объ исхожденіи Святаго Духа *и отъ Сына,* или Filioque [1]). Зачатки

---

[1]) Догматико-полемическая литература по вопросу объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына обширна. Объ этомъ предметѣ много писали и старинные и новые наши полемисты противъ латинянъ. Изъ старинныхъ полемическихъ сочиненій объ этомъ предметѣ первое мѣсто занимаетъ книга Адама Зерникова (Родился въ 1652 г.) подъ заглавіемъ: Tractatus Theologiki orthodoxi de processione Spiritus Sancti a Solo Patre elaborati auctore Adamo Zoernikav Baturini in Parva Russia Anno 1682. Въ значительной зависимости отъ этого труда Θеофанъ Прокоповичъ составилъ обширный трактатъ подъ заглавіемъ: De processione Spiritus Sancti, занимающій немалую часть его Богословія,(Christiana orthodoxa Theologia). Историческая часть, которою начинается этотъ обширный трактатъ, переведена на русскій языкъ Матвѣемъ Соколовымъ вмѣстѣ съ тремя иными трактатами догматической системы Прокоповича и была напечатана въ Москвѣ въ 1773 г. И раньше Адама Зерникова и Θеофана Прокоповича нѣкоторые богословы наши излагали и опровергали латинское ученіе о происхожденіи Святаго Духа и отъ Сына, но только кратко. Такъ, полемику противъ этого ученія мы находимъ у Максима Грека (Сочиненія его изданы при Казанской Духовной Академіи); въ сочиненіи: *Исповѣданіе объ исхожденіи Святаго Духа,* изданномъ въ Острогѣ въ 1588 г. и опровергающемъ сочиненіе объ исхожденіи Святаго Духа іезуита Василія Амасскаго (сочиненіе Амасскаго есть извлеченіе изъ исторіи или апологіи Флорентійскаго собора —сочиненія, злонамѣренно приписаннаго Константинопольскому патріарху Геннадію Схоларію); въ Сборникѣ Василія Острожскаго, во второй статьѣ его; въ *Палинодіи* Копыстенскаго и у другихъ. Одновременно съ появленіемъ сочиненія Адама Зерникова польскій іезуитъ Рутка написалъ сочиненіе De processione Spiritus Sancti. Съ Руткою вели споръ Греки братья Лихуды. Во второй же половинѣ 17-го в. противъ сочиненія іезуита Павла Боймы о власти папъ и объ исхожденіи Святаго Духа написали опроверженія Иннокентій Гизель подъ заглавіемъ: *Истинная вѣра,* и Іоанникій Галятовскій подъ заглавіемъ: *Старая церковь новой церкви Римской исхожденіе Святаго Духа отъ Отца единаго показуетъ.* Вообще опроверженіе латинскаго ученія о Filioque было излюбленнымъ предметомъ у нашихъ русскихъ богослововъ 17 и 18 вв. Иные изъ нихъ посвящали этому предмету особыя сочиненія; другіе удѣляли ему много мѣста въ своихъ школьныхъ богословскихъ системахъ, которыя въ то время представляли соединеніе Богословія Догматическаго съ Полемическимъ. Впрочемъ и новѣйшіе наши богословы не мало писали объ этомъ предметѣ частію въ своихъ системахъ, догматическихъ и полемическихъ, частію въ спеціальныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ. Такъ, не только въ *Обличительномъ*

этого ученія находятъ у нѣкоторыхъ западныхъ писателей, жившихъ за долго до 9-го вѣка, напримѣръ, у Блаженнаго Августина и нѣкоторыхъ другихъ, которые приводили изреченія Августина,—у Павлина Ноланскаго, папы Льва I, Фульгенція Руспенскаго и иныхъ. Но у нихъ ученіе это было выражено столь неясно и нерѣшительно, что часто нельзя опредѣлить, разумѣли-ли они вѣчное исхожденіе Святаго Духа отъ Сына по бытію, или посланіе Сыномъ Святаго Духа въ міръ. Мнѣніемъ не нѣкоторыхъ только богослововъ, а церковнымъ оно становится къ концу 6-го вѣка, но только въ одной Испанской церкви, въ которой распространенію этого мнѣнія благопріятствовала борьба противъ аріанства. Въ 8-мъ вѣкѣ это ученіе перешло изъ Испаніи въ Галлію. Однако и въ 9-мъ вѣкѣ оно еще было предметомъ обсужденій и пререканій. Хотя этому ученію стали придавать значеніе догмата, однако для рѣшенія вопроса о томъ, истинно-ли это ученіе и должно-ли признать его догматомъ, не только не былъ созванъ вселенскій со-

---

Богословіи Архимандрита Иннокентія, но и въ православныхъ догматикахъ преосвященныхъ Макарія и Сильвестра этому предмету посвящены большіе отдѣлы. Кромѣ того выходили въ свѣтъ и отдѣльныя сочиненія, брошюры и журнальныя статьи, посвященныя раскрытію этого предмета. Таковы: С. Кохомскаго: *Ученіе древней Церкви объ исхожденіи Святаго Духа.* С.-П. 1875 г.; Н. Богородскаго: *Ученіе Святаго Іоанна Дамаскина объ исхожденіи Св. Духа.* Впрочемъ первое изъ этихъ сочиненій—историко-догматическое. Архим. Сильвестра (Малеванскаго): *Отвѣтъ православнаго на предложенную старокатоликами схему о Св. Духѣ.* Кіевъ 1875 г. Схема эта предложена на Боннской конференціи старокатоликовъ по вопросу о соединеніи церквей въ 1875 г. Объ этомъ предметѣ напечатано въ Сборникѣ протоколовъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія (С.-Петербургскій отдѣлъ, 1876 г.) и въ духовныхъ журналахъ за 1875 и 1876 гг. О томъ же предметѣ статья профессора А. Л. Катанскаго: *Объ исхожденіи Святаго Духа* (по поводу старокатолическаго вопроса). Хр. Чт. 1893 г. Еще въ журналѣ: „Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ за 1872 г. статья: *Переписка старокатоликовъ съ Греками о* Filioque. Въ Христ. Чтеніи за 1883 г. напечатано: *Объ исхожденіи Святаго Духа* Николая Меесонскаго. Въ 1886 г. появилось за границею сочиненіе на русскомъ языкѣ, но написанное, повидимому, иностранцемъ, латиняниномъ или сторонникомъ латинской вѣры, подъ заглавіемъ: *Исхожденіе Святаго Духа и вселенское первосвященство.* Изд. Сергѣя Асташкова. Фрейбургъ въ Бризгавѣ. Разборъ этой книги сдѣланъ Т. Буткевичемъ въ журналѣ: „Вѣра и Разумъ“, 1887 г.

боръ, какъ бы слѣдовало, а даже не было такого собора, на которомъ бы присутствовали епископы всѣхъ западныхъ церквей; ибо на Ахенскомъ соборѣ въ 809 г., на которомъ по настоянію предсѣдателя его, Карла Великаго, большинствомъ было принято ученіе объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына, не было представителей, напримѣръ, отъ Римской церкви, и это былъ соборъ совершенно мѣстный. Папа Левъ III, не смотря на ходатайство Карла Великаго, не только не далъ своего согласія на внесеніе Filioque въ символъ вѣры, но даже выразилъ протестъ противъ этой произвольной и незаконной прибавки къ Символу, приказавши вырѣзать Никео-Цареградскій Символъ на двухъ серебряныхъ доскахъ безъ Filioque. Но въ 10-мъ, или 11-мъ вѣкѣ Filioque было внесено въ Символъ вѣры и въ Римской церкви.

Сдѣлавши эту прибавку, Римская, а съ нею и вся Западная церковь погрѣшила вдвойнѣ: съ одной стороны, она признала догматомъ ученіе, которое не имѣетъ основанія въ Священномъ Писаніи, котораго никогда не исповѣдывала древняя вселенская Церковь и которое не было принято ею даже въ качествѣ частнаго мнѣнія; съ другой, она нарушила прямое и рѣшительное опредѣленіе Третьяго Вселенскаго Собора, воспрещающее дѣлать какія бы то ни было прибавленія къ Никео-Цареградскому Символу.

Принятіе Латинскою церковію этого измышленнаго ею догмата и сдѣлалось однимъ изъ главныхъ препятствій къ соединенію съ нею Восточной Церкви. Не раздоръ, происшедшій между Латинскою и Восточною церковію во времена святѣйшаго патріарха Фотія, положилъ всегдашнюю и непроходимую между ними преграду, а то, что Латинская церковь стала измышлять и объявлять догматами ученія, которыя въ древней вселенской Церкви не были признаваемы догматами, или даже и совсѣмъ не были извѣстны, что она стала вѣровать и учить не только не согласно съ Священнымъ Писаніемъ и ученіемъ и практикою древней вселенской Церкви, но и прямо вопреки имъ, что, однимъ словомъ, она вступила на тотъ погибельный путь, которымъ идутъ раскольники и еретики. Двумя первыми и притомъ крупными шагами на этомъ пути и было именно признаніе латинянами ученія объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына

догматомъ и внесеніе его въ Символъ вѣры. И православные, лишь только возникали попытки соединенія Восточной Церкви съ Западною, всегда существеннымъ препятствіемъ къ соединенію считали латинскій догматъ объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына, а вовсе не ссору между Востокомъ и Западомъ при патріархѣ Фотіи.

За первыми послѣдовали и дальнѣйшіе шаги Латинской церкви по пути отступленія и удаленія ея отъ ученія Священнаго Писанія и отъ ученія древней вселенской Церкви, равно какъ и отъ священныхъ обычаевъ ея.

Такъ, съ 9-го же вѣка на Западѣ сталъ распространяться обычай причащенія мірянъ только однимъ Тѣломъ Христовымъ и лишенія ихъ Чаши,—обычай, идущій на перекоръ ясному и прямому ученію Священнаго Писанія, повсемѣстной и всегдашней практикѣ вселенской Церкви, начатой и установленной Самимъ Іисусомъ Христомъ и Его Апостолами, и прямымъ запрещеніямъ нѣкоторыхъ римскихъ же папъ. Что не одни священнослужители должны причащаться Тѣла и Крови Христа, а всѣ христіане, это ясно показываютъ слѣдующія слова Христа: *Пійте изъ нея* (чаши) *всѣ* (Матѳ. 26—27). *Если не будете ѣсть Плоти Сына Человѣческаго и пить Крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни. Ядущій Мою Плоть и піющій Мою Кровь имѣетъ жизнь вѣчную... Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питіе. Ядущій Мою Плоть и пьющій Мою Кровь пребываетъ во мнѣ и Я въ немъ* (Іоан. 6, 53—57). Эти слова, ясно, настойчиво и неоднократно выражающія безусловную необходимость всѣмъ людямъ причащаться не только Плоти, но и Крови Христа, Іисусъ Христосъ говорилъ не однимъ ученикамъ Своимъ, но и народу, говорилъ всѣмъ. Такъ понимала эти слова и Церковь и съ самаго начала въ точности исполняла волю Іисуса Христа, какъ это ясно видно изъ словъ Апостола Павла: *Всякій разъ, когда вы ѣдите Хлѣбъ сей и пьете Чашу сію, смерть Господню возвѣщаете* (1 Коринѳ. 11, 26). И далѣе онъ два раза говоритъ о Хлѣбѣ и о Чашѣ. И пишетъ онъ это не однимъ священнослужителямъ, а всѣмъ Коринѳянамъ.

Нѣсколько позже, съ 11-го вѣка, Латинская церковь допустила и другое извращеніе въ способѣ совершенія этого

таинства: стала употреблять вмѣсто квaснаго хлѣба опрѣсноки, опять таки вопреки обычаю древней вселенской Церкви, которая, какъ на Востокѣ, такъ и на самомъ Западѣ, всегда употребляла въ этомъ таинствѣ квасный хлѣбъ [1]).

Но и этимъ не ограничилась Латинская церковь въ извращеніи способа совершенія таинства Евхаристіи: она усвоила мнѣніе, будто хлѣбъ и вино прелагаются въ Тѣло и Кровь Христа при возглашеніи Его словъ: *Пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое* и *пейте изъ нея всѣ; ибо сіе есть Кровь Моя Новаго Завѣта, за многихъ изливаемая, во оставленіе грѣховъ* (Матѳ. 26, 26—28), между тѣмъ какъ древняя вселенская Церковь вѣровала, что хлѣбъ и вино освящаются во время читаемой вслѣдъ за этими словами молитвы, чрезъ призываніе Святаго Духа, при благословеніи даровъ священнодѣйствующимъ—епископомъ, или іереемъ [2]).

По времени Латинская церковь приняла еще и другія догматическія ученія, которыя древняя вселенская Церковь не исповѣдывала, или даже совсѣмъ и не знала ихъ. Такъ, Латинская церковь имѣетъ ученія—объ огнѣ чистилищномъ [3]), о преизбыточествующихъ заслугахъ Святыхъ, составляющихъ какъ бы сокровищницу, изъ которой грѣшники, чрезъ

---

[1]) Объ опрѣснокахъ статья въ Христіанскомъ Чтеніи за 1841 г. Ч. 1; *Споръ Грековъ съ латинянами объ опрѣснокахъ и квасномъ хлѣбѣ въ таинствѣ Евхаристіи* Архим. Августина въ Трудахъ Кіев. Дух. Академіи, 1870 г., № 12.

[2]) Пропаганда папистическихъ мнѣній въ Россіи достигла того, что въ Юго-Западной и Западной Россіи нѣкоторое время и православные ученые держались латинскаго мнѣнія о времени пресуществленія святыхъ даровъ въ Евхаристіи. Защитниками православнаго ученія о времени пресуществленія даровъ явились Греки, братья Іоанникій и Софроній Лихуды, пріѣхавшіе въ Москву въ 1685 г. Здѣсь они вели побѣдоносный споръ съ Поляками и ополяченными Русскими и написали въ защиту православнаго ученія сочиненія: *Акосъ, или врачеваніе, противополагаемое ядовитымъ укрызеніямъ зміевымъ*; *Діалогіи Грека учителя къ нѣкоему Іисуиту*; *Мечъ духовный*. Объ этихъ спорахъ сочиненіе Мирковича: *О времени пресуществленія святыхъ даровъ. Споръ, бывшій въ Москвѣ, во второй половинѣ 17-го вѣка.* Вильна. 1886 г. Кромѣ того недавно вышла въ свѣтъ книжка Прот. Т. Серединскаго *О времени пресуществленія Святыхъ даровъ на Литургіи.* Рига. 1895.

[3]) Въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1872 г. статья: *Чистилище у средневѣковыхъ римскихъ богослововъ.*

посредство папы, епископовъ и священниковъ, за пожертвованія, могутъ какъ бы брать эти заслуги себѣ и этимъ откупаться отъ своихъ грѣховъ, даже самыхъ тяжкихъ, о карательномъ значеніи эпитиміи и друг. [1]). Эти ученія порождены юридическимъ духомъ, унаслѣдованнымъ латинянами отъ языческаго Рима и пропитавшимъ ихъ схоластическое богословіе. Въ этихъ ученіяхъ добродѣтель и награда за нее, грѣхъ и наказаніе, равно какъ и жертва понимаются слишкомъ внѣшнимъ образомъ, грубо-матеріально, оцѣниваются не качественно, а количественно, безъ вниманія къ внутреннему расположенію человѣка; а это противорѣчитъ ученію Іисуса Христа, Который двѣ лепты бѣдной вдовы призналъ болѣе дорогой жертвой, нежели большіе дары всѣхъ богатыхъ (Лук. 21, 1—4), Который притчею о дѣлателяхъ въ виноградникѣ наставляетъ, что хозяинъ виноградника имѣетъ власть и работавшему только одинъ часъ дать одинъ динарій, какъ и трудившемуся цѣлый день (Матѳ. 20, 1—16). Чрезмѣрно юридическій духъ латинскаго богословія внесъ неправильные взгляды въ ученіе объ искупленіи и спасеніи человѣческаго рода жертвою Іисуса Христа и въ пониманіе этой жертвы.

Въ отношеніи Священнаго Писанія одна изъ существенныхъ погрѣшностей, допущенныхъ Латинскою церковію, состоитъ въ томъ, что на Тридентинскомъ соборѣ (1546—1563 г.г.) Вульгата была признана самоподлиннымъ текстомъ, тогда какъ она есть переводъ книгъ Священнаго Писанія съ подлинныхъ текстовъ его на латинскій языкъ и, подобно другимъ переводамъ, уступаетъ въ достоинствѣ подлиннику [2]).

Кстати скажемъ, что Латинская церковь, давая своимъ членамъ Библію исключительно на латинскомъ языкѣ, мерт-

---

[1]) Литература: Свящ. Т. Серединскаго *Объ индульгенціяхъ*. Спб. 1860 г.; Проф. Н. Я. Бѣляева. *Римско-католическое ученіе объ удовлетвореніи Богу со стороны человѣка*. Казань. 1876 г.

[2]) Подробности о неправильныхъ взглядахъ латинянъ на Священное Писаніе и Преданіе можно узнать въ *Обличительномъ Богословіи* Иннокентія; въ книгѣ А. Шостьина: *Источники и предметъ Догматики по воззрѣнію католическихъ богослововъ послѣдняго полустолѣтія*. Харьковъ 1889 г., и въ статьѣ Морева: *Римско-католическое ученіе о преданіи*. „Правосл. Обозр.“ 1891 г., № 10.

вомъ и народу непонятномъ, и на немъ же совершая Богослуженіе, поступаетъ не согласно съ образомъ дѣйствія Апостоловъ. Апостолы, не смотря на то, что природнымъ языкомъ ихъ былъ еврейскій языкъ, который, притомъ, въ ихъ время еще не вышелъ изъ употребленія, написали священныя книги на греческомъ языкѣ, какъ самомъ распространенномъ; одно только Евангеліе отъ Матѳея было написано имъ на еврейскомъ языкѣ, но и оно было переведено на греческій языкъ, и дошло до насъ въ этомъ переводѣ, а не въ подлинникѣ.

Путемъ отчужденія и удаленія отъ древней вселенской Церкви Латинская церковь продолжаетъ идти даже и до настоящаго времени, не только удерживая прежде измышленныя ею догматическія лжеученія, но и присоединяя къ прежнимъ заблужденіямъ новыя и объявляя догматами такія ученія, которыя въ древней вселенской Церкви не были извѣстны даже и по имени.

Такъ, не дальше, какъ при предшественникѣ Льва XIII, Піи IX, сорокъ лѣтъ тому назадъ, Латинская церковь провозгласила догматомъ ученіе о непорочномъ зачатіи Богоматери, между тѣмъ какъ это ученіе совершенно не существовало въ древней вселенской Церкви и даже въ самой Латинской церкви впервые явилось только въ 12-мъ вѣкѣ, будучи измышлено схоластическими богословами [1]). Если бы это ученіе было истинное, если оно есть догматъ, то возможно-ли, чтобы вселенская Церковь совсѣмъ не знала его болѣе тысячи лѣтъ?

Нечего и говорить о томъ, что это ученіе не имѣетъ ни малѣйшаго основанія ни въ Священномъ Писаніи, ни въ

---

[1]) Подробное изложеніе и опроверженіе этого ученія въ книгѣ протоіерея А. А. Лебедева: *Разности церквей Восточной и Западной въ ученіи о Пресв. Дѣвѣ Маріи Богородицѣ. По поводу латинскаго догмата о непорочномъ зачатіи. Полемико-догматическое изслѣдованіе.* Варшава. 1881 г. Оцѣнка этого сочиненія въ статьѣ Н. Я. Бѣляева въ „Прав. Собесѣдникѣ“ за 1882 г. и въ отзывахъ въ Протоколахъ Совѣта Московской Духовн. Академіи за 1882 г. Самый текстъ посланія папы о догматѣ непорочнаго зачатія Богоматери съ латинскаго языка перевелъ Я. Головацкій подъ заглавіемъ: *Апостольское посланіе святѣйшаго архіерея папы Римскаго Пія IX о догматическомъ опредѣленіи непорочнаго зачатія Богородицы Дѣвы.* Львовъ. 1855.

церковномъ преданіи. Мало того: оно даже прямо противорѣчитъ ученію Писанія и Церкви о распространеніи грѣха отъ Адама и Евы на все ихъ потомство, за единственнымъ только исключеніемъ Іисуса Христа. Только Онъ одинъ зачатъ сверхъ-естественно и непорочно; но вѣдь Онъ есть не только человѣкъ, но и Богъ.

Измысливши это ученіе и объявивши его догматомъ, Латинская церковь подвергла попранію самый принципъ, котораго постоянно держалась древняя вселенская Церковь,— тотъ принципъ, что источниками догматовъ служатъ Священное Писаніе и апостольское Преданіе, что, поэтому, объявляя какое либо ученіе догматомъ, сама Церковь должна основываться на этихъ источникахъ и что она не имѣетъ власти объявлять догматами такія ученія, для которыхъ нѣтъ основанія въ Писаніи и Преданіи, и еще менѣе можетъ она провозглашать догматами мнѣнія, не согласныя съ ученіемъ Писанія и Преданія, или противорѣчащія ему. При провозглашеніи мнѣнія о непорочномъ зачатіи Богоматери догматомъ произволъ и беззаконное самочиніе Латинской церкви, а точнѣе сказать, папы, дошли до такихъ размѣровъ, до которыхъ не доходили они даже у худшихъ еретиковъ; потому что и еретики никогда не осмѣливались отрицать той истины, что догматъ долженъ имѣть основаніе въ Священномъ Писаніи, и поэтому еретики всегда стараются подтверждать свое лжеученіе мѣстами Писанія. Вина еретиковъ не въ томъ, что они ищутъ основанія и находятъ подтвержденіе для своихъ лжеученій въ Священномъ Писаніи,—напротивъ, это свидѣтельствуетъ объ ихъ уваженіи къ Писанію и о правильности ихъ взгляда на Писаніе, какъ первоисточникъ догматовъ,—а въ томъ, что они дурно понимаютъ Писаніе, превратно изъясняютъ его, односторонне и пристрастно пользуются мѣстами его, повидимому благопріятствующими ихъ лжеученію, и злонамѣренно замалчиваютъ изреченія его, обличающія ихъ ложь. Во всякомъ случаѣ тѣ еретики, которые признаютъ первоисточникомъ догматовъ Священное Писаніе, гораздо менѣе опасны еретиковъ, обосновывающихъ свои лжеученія на разумѣ, т. е., раціоналистовъ. А Латинская церковь, измысливши ученіе о непорочномъ зачатіи Богоматери и провозгласивши его догматомъ, мыслила именно *раціоналистически*.

Чтобы оправдать въ глазахъ свѣта необузданный произволъ, допущенный латинянами при изобрѣтеніи никогда неслыханныхъ ученій и при провозглашеніи ихъ догматами, новѣйшіе латинскіе богословы изобрѣли теорію развитія догматовъ [1]). Эта теорія проповѣдуетъ, что въ Церкви могутъ являться новые догматы, не существовавшіе прежде. Но теорія развитія догматовъ, въ этомъ своемъ видѣ, прямо и рѣшительно ниспровергается словами Апостола Павла: *Если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали, да будетъ анаѳема* (Галат. I, 8). Догматическія истины всѣ содержатся въ Библіи, при чемъ однѣ изъ нихъ выражены тамъ явно и прямо, другія прикровенно. А библейскія истины, какъ слово Самого Бога, подлежать развитію не могутъ. И въ этомъ заключается ихъ несравненное превосходство предъ человѣческими мнѣніями и ученіями, которыя бываютъ или совершенно ложны, или только отчасти истинны, и которыя поэтому съ теченіемъ времени люди или совсѣмъ отвергаютъ, или измѣняютъ и совершенствуютъ. Нельзя также допустить и того, чтобы Церковь въ теченіе долгаго времени совершенно не знала нѣкоторыхъ догматическихъ истинъ, содержащихся въ Писаніи, а потомъ открыла бы ихъ тамъ и провозгласила догматами. Такое незнаніе можно приписать членамъ Церкви, которые, какъ люди, не совершенны, но не самой Церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины (I Тим. 3, 15). Развиваются не догматы, а развиваются и усиливаются воспріятіе, пони-

---

[1]) О Латинской теоріи развитія догматовъ и по поводу ея см. въ сочиненіи А. Шостьина: *Источники и предметъ догматики по воззрѣнію католическихъ богослововъ послѣдняго полустолѣтія*, Харьковъ. 1889 г. Отдѣлъ 2-ой; въ статьяхъ въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1886—1887 гг. его же; въ статьяхъ Стоянова, помѣщенныхъ въ томъ же журналѣ за 1886—1888 гг. подъ заглавіемъ: *Наши новые философы и богословы;* въ статьѣ Кирѣева въ „Чтеніяхъ въ Общ. Любителей Духовнаго Просвѣщенія“, 1886 г. № 2—3; въ Бесѣдѣ Архіеп. Никанора въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1888 г., № 24; въ статьѣ Е. Л. въ „Странникѣ“ 1889 г., № 2; въ проповѣди Архіепископа Амвросія въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ за 1890 г., № 36; въ статѣ Прот. А. А. Лебедева: *О признакахъ истинной Церкви* въ Ц. В. за 1890 г. Въ защиту теоріи развитія догматовъ писалъ В. С. Соловьевъ въ сочиненіи *La Russie et l'eglise universelle* и въ „Православномъ Обозрѣніи за 1885 г., № 12.

маніе и усвоеніе ихъ людьми и, такъ сказать, проникновеніе ихъ въ душу и въ жизнь людей.

Неистинность теоріи развитія догматовъ въ томъ видѣ, въ какомъ ее излагаютъ и проповѣдуютъ латинскіе богословы, доказывается и тѣмъ, что мы не находимъ хотя бы только зачатковъ ея ни у кого изъ отцовъ и учителей Церкви и древнихъ церковныхъ писателей, а въ словахъ западнаго писателя Викентія Лиринскаго о томъ, что признаками церковной истины служатъ древность, постоянство и вселенскость ея, содержится даже осужденіе этой теоріи, высказанное ранѣе явленія ея на свѣтъ. Да и въ самой Латинской церкви она явилась только въ новѣйшее время, и явилась потому и для того, чтобы оправдать папъ въ томъ, что они объявляютъ догматами неслыханныя прежде ученія.

Кромѣ ученія о непорочномъ зачатіи Божіей Матери, такимъ, никогда и нигдѣ прежде неслыханнымъ и притомъ весьма страннымъ, ученіемъ является ученіе о непогрѣшимости папы, которое объявлено было догматомъ тѣмъ же папою Піемъ IX всего двадцать семь лѣтъ тому назадъ на Ватиканскомъ соборѣ, въ 1870 г. [1]).

Этотъ догматъ не имѣетъ никакого основанія ни въ Священномъ Писаніи, ни въ ученіи древней вселенской Церкви и совершенно не согласенъ съ устройствомъ и практикою древней вселенской Церкви. Сначала не было этого ученія и въ самой Латинской церкви. Провозгласивши это ученіе догматомъ, Латинская церковь проявила такой-же необузданный произволъ, какъ и при провозглашеніи догмата о непорочномъ зачатіи Богоматери. Ученіе о непогрѣшимости папъ казалось столь страннымъ и безразсуднымъ даже мно-

---

[1]) Литература: М. Ф. Ястребова: *Католическій догматъ о непогрѣшимости папы.* Кіевъ 1881 г. (Актовая рѣчь). Проф. Н. Я. Бѣляева: *Теорія папской непогрѣшимости въ сопоставленіи съ фактами исторіи.* Полемическій этюдъ. Казань. 1881 г. (Актовая рѣчь). Его же: *Догматъ папской непогрѣшимости.* Вып. I. Казань. 1882 г. Кромѣ того разборъ этого мнимаго догмата данъ въ книгѣ прот. А. А. Лебедева: *О главенствѣ папы или разности православныхъ и папистовъ въ ученіи о Церкви.* С. П. 1887 г. Упомянемъ еще А. Кирѣева: *О папской непогрѣшимости.* 1892 г. Спб. Имъ же брошюра эта написана на нѣмецкомъ языкѣ и издана въ Лейпцигѣ въ 1891 г. Письма и заявленія Дёллингера о Ватиканскихъ декретахъ 1869 — 1887 гг. Перевелъ Прот. І. Л. Янышевъ. Христ. Чтеніе за 1891 г.

гимъ изъ самихъ латинянъ, что папѣ и приверженцамъ его пришлось пустить въ ходъ всѣ средства іезуитской политики, чтобы увеличить на соборѣ число епископовъ, на согласіе которыхъ можно было разчитывать, и, по возможности, устранить отъ присутствія на соборѣ такихъ епископовъ, отъ которыхъ можно было ожидать сопротивленія волѣ папы; колебавшихся въ мнѣніи о непогрѣшимости папы Пій IX и его сторонники привлекали на свою сторону обѣщаніями наградъ или уже данными имъ наградами. Такъ-ли поступали отцы на соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ въ древней Церкви? Однако, не смотря на принятыя предупредительныя мѣры, нѣкоторые епископы отказались подписать декретъ Ватиканскаго собора въ 1870 г., провозглашавшій папу непогрѣшимымъ. Провозглашеніе этого догмата повлекло за собою даже отпаденіе отъ Латинской церкви цѣлаго общества людей, получившихъ названіе старокатоликовъ. Это общество поставило своею задачею отрѣшиться отъ новшествъ Латинской церкви и возвратиться къ ученію, обычаямъ и устройству древней вселенской Церкви. Уже самый фактъ возникновенія такого общества ясно показываетъ, какъ далеко отступила Латинская церковь отъ древней вселенской Церкви, и до какой степени нѣкоторымъ изъ самихъ латинянъ стало невыносимо это удаленіе ся отъ вѣры и устройства древней вселенской Церкви. Ученіе о непогрѣшимости папы въ ученіи вѣры совершенно опровергается тѣмъ, что даже и въ то время, когда Римская церковь была членомъ одного нераздѣльнаго тѣла вселенской Церкви, нѣкоторые папы погрѣшали противъ вѣры. Такъ, папа Либерій въ 4-мъ вѣкѣ подписалъ аріанскій символъ; папа Зосима въ 5-мъ вѣкѣ одобрилъ исповѣданіе вѣры, отрицавшее первородный грѣхъ; на Пятомъ Вселенскомъ Соборѣ были осуждены Ѳеодоръ Мопсуестскій и тѣ, которые не хотѣли осудить его, а въ числѣ таковыхъ былъ папа Вигилій, который сильно не сочувствовалъ осужденію трехъ главъ, оказывалъ сопротивленіе самому созванію Пятаго Вселенскаго Собора и не пошелъ на Соборъ, не смотря на то, что онъ находился въ это время въ Константинополѣ и троекратно былъ приглашаемъ на Соборъ отцами Собора; папа Гонорій былъ моноѳелитъ и, уже послѣ своей смерти, былъ осужденъ на Шестомъ Вселенскомъ Соборѣ какъ ере-

тикъ, и сами епископы Римскіе не признали этого осужденія неправильнымъ. Нужно-ли упоминать о томъ, что даже и самъ Апостолъ Петръ, преемниками котораго объявляютъ себя папы, трижды отрекся отъ Христа и онъ же, по словамъ Апостола Павла, лицемѣрилъ предъ обрѣзанными, не прямо поступалъ по евангельской истинѣ (Гал. 2, 11—21). А когда Латинская церковь жила уже въ разобщеніи съ истинною Христовою Церковію, то иные изъ папъ были самыми тяжкими грѣшниками: вели распутную жизнь, совершали убійства, были почти невѣрующими въ Бога и вообще вели самый позорный образъ жизни, какой даже и среди язычниковъ встрѣчается не часто. Таковы-то непогрѣшимые!

Догматъ о непогрѣшимости папъ—горькій плодъ дурнаго дерева, заключительный и, пожалуй, логически неизбѣжный выводъ изъ ранѣе принятой и усвоенной посылки. Эта посылка—ученіе о главенствѣ папы, уже давно существующее въ Латинской церкви. Посылка эта столь же не вѣрна, какъ и выведенное изъ нея заключеніе. Ученіе о главенствѣ папы надъ Церковію не имѣетъ твердыхъ основаній ни догматическихъ, ни историческихъ [1]).

---

[1]) Не смотря на то, что старинные наши полемисты сознавали, что ученіе латинянъ о главенствѣ папъ надъ Церковію есть важное заблужденіе,—напр., Палладій Роговскій называетъ это ученіе даже всему злу главизной,—однако они опровергали это ученіе меньше и рѣже, нежели ученіе объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына. Только нѣкоторые изъ нихъ опровергали ученіе латинянъ о главенствѣ папы, но и то наряду съ другими лжеученіями, какъ это сдѣлано въ *Апокрисисѣ* Христофора Филалета, въ Сборникѣ Василія Острожскаго, въ третьей статьѣ его, въ сочиненіи Лихудовъ: *Мечецъ духовный*. За то много писали у насъ противъ этого лжеученія въ послѣднее полустолѣтіе. Упомянемъ слѣдующія сочиненія: С. Гогоцкаго *Критическое обозрѣніе ученія Римской Церкви о видимой главѣ Церкви*. Кіевъ. 1841 г.; А. Н. Муравьева *Правда вселенской Церкви о римской и прочихъ патріаршихъ каѳедрахъ*. С. П. Б. (Другое изданіе въ 1849 г.); его-же: *Римская церковь съ настоящими ея притязаніями на главенство предъ судомъ Св. Ипполита*, въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ, ч. 12. 1853 г.; его-же *Отвѣтъ на письма князя—писателя относительно латинскаго ученія о папѣ*, въ томъ же журналѣ, ч. 18. 1859 г.; его-же *Слово каѳолическаго православія римскому католичеству, съ прибавленіями*. Москва. 1853 г; Іеромонаха и баккалавра Никанора, впослѣдствіи Архіепископа Херсонскаго, *Разборъ Римскаго ученія о видимомъ главенствѣ въ Церкви, сдѣланный на основаніи Священнаго*

Латиняне основываютъ это ученіе на томъ, что папы—преемники Апостола Петра, а Петръ будто бы былъ главою Церкви. Но положеніе, что Петръ былъ главою Церкви, не вѣрно, а мнѣніе, что папы въ своемъ званіи епископовъ Римскихъ—преемники Петра, не доказано.

Глава Церкви—Христосъ, какъ Апостолъ Павелъ прямо и называетъ Его (Ефес. I, 10. 22. 23); а Петръ въ Писаніи нигдѣ не называется ни главою Церкви, ни княземъ Апостоловъ, какъ произвольно называютъ его латиняне. Изъ книги Дѣяній Апостоловъ не видно, чтобы Петръ и дѣйствовалъ, какъ глава Церкви. Правда, въ день пятидесятницы онъ первый началъ проповѣдывать о Христѣ (Дѣян. 2 гл.); но это объясняется свойствомъ его пламенной души: онъ всегда говорилъ и дѣйствовалъ быстро. Можно, пожалуй, находить здѣсь первенство чести, не больше. Если бы Петръ былъ главою Церкви и княземъ

Писанія и преданія первыхъ вѣковъ христіанства до Перваго Вселенскаго Собора. Спб. 1856 г. Было и второе изданіе, исправленное и дополненное. Казань. 1871 г.; Записки Авдія Востокова *Объ отношеніяхъ Римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду.* Двѣ части. Было два изданія: Первое въ 1857 г. Спб.; второе, исправленное и дополненное, въ 1864 г. Оба раза книга была издана В. Гречулевичемъ; *Янусъ. Папа и соборъ.* Съ нѣмецкаго на русскій перевелъ протоіерей Веймарской Маріе-Магдалининской православной церкви Влад. Ладинскій. Берлинъ. 1870 г. Авторъ подлинника—знаменитый Мюнхенскій богословъ, глава старокатоликовъ, Дёллингеръ; *Власть папы по теоріи и практикѣ Григорія Великаго* въ журналѣ: „Духовный Вѣстникъ“ 1866 г., № 5; М. Ястребова *Идея папскаго главенства, защищаемая на основаніи богослужебныхъ книгъ Православной Церкви* въ журналѣ: „Труды Кіевской Духовной Академіи“, 1878 г, №№ 6, 10, 12; Прот. А. А. Лебедева *О главенствѣ папы или разности православныхъ и папистовъ въ ученіи о Церкви.* Спб. 1887 г. Въ приложеніи къ этой книгѣ подвергнуто разбору ученіе о главенствѣ папы, какъ оно изложено въ упомянутой книгѣ: *Исхожденіе Святаго Духа и вселенское первосвященство“*, изданной Сергѣемъ Асташковымъ заграницею; Сергѣя Сушкова *Противъ лжеученія о вселенскомъ главенствѣ Римской церкви на основаніи свидѣтельствъ изъ Священнаго Писанія и церковныхъ памятниковъ первыхъ двухъ вѣковъ христіанства.* Спб. 1891 г.; Балановскаго *Взглядъ Кипріана на Церковь и епископскую власть въ его отношеніи къ вопросу о власти Римскаго папы*, въ Православномъ Обозр. 1886 г., ноябрь. Ученіе о главенствѣ папъ опровергнуто и въ упомянутой уже книгѣ о. Владиміра Геттэ *Папство, какъ причина раздѣленія церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію.*

Апостоловъ, то Павелъ не рѣшился бы противостать ему и обличить его за несогласное съ евангельскою истиною дѣйствованіе, состоявшее въ томъ, что онъ, опасаясь обрѣзанныхъ, устранялся отъ язычниковъ и принуждалъ послѣднихъ жить по — іудейски (Галат. 2, 11—21). Петръ есть первоверховный Апостолъ, но это названіе означаетъ первенство чести, которое, притомъ, принадлежало не одному ему, а также и Павлу. Петръ не выше Павла; и какъ Павелъ не былъ главою Церкви, такъ и Петръ не былъ главою Церкви.

Точно также и основаніемъ Церкви, и притомъ единственнымъ, кромѣ котораго не можетъ быть положено другое основаніе, называется Іисусъ Христосъ (1 Кор. 3, 11). Онъ же называется краеугольнымъ камнемъ, на которомъ утверждаются члены Церкви (Ефес. 2, 20). Основаніями для нихъ служатъ также и Апостолы и Пророки, но только основаніями вторичными, которыя сами утверждаются на Христѣ (Ефес. 2, 20). Въ качествѣ такового вторичнаго основанія Апостолъ Петръ ни чѣмъ не отличается отъ прочихъ Апостоловъ и Пророковъ, не выше ихъ, равенъ имъ. Такъ какъ Писаніе не можетъ противорѣчить самому себѣ, то въ виду этого ученія Апостола Павла и главное мѣсто, приводимое латинянами въ подтвержденіе своего ученія о главенствѣ Петра надъ Церковію: *Ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою* (Матѳ. 16, 18), не можетъ имѣть того смысла, какой находятъ въ немъ латиняне. Основаніемъ, на которомъ Іисусъ Христосъ имѣлъ создать Церковь, называется или исповѣданіе Петромъ Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ, или и самъ Петръ, но въ томъ значеніи, въ какомъ, по ученію Апостола Павла, основаніемъ Церкви называются всѣ Апостолы и Пророки. При изъясненіи Священнаго Писанія и въ особенности при изъясненіи мѣстъ Писанія темныхъ и толкуемыхъ различно должно слѣдовать толкованію святыхъ отцовъ; а если и они разногласятъ, то надежнѣе слѣдовать голосу большинства. Но большинство отцовъ Церкви подъ камнемъ или основаніемъ, на которомъ Іисусъ Христосъ хотѣлъ создать Церковь, разумѣли исповѣданіе Петра, а не самого Петра. Наконецъ, если бы Апостолъ Петръ былъ главою Церкви, или основаніемъ ея, то членовъ Церкви можно бы называть Пе-

тровыми. Но Апостолъ Павелъ воспретилъ Коринѳянамъ говорить: *Я Павловъ; я Аполлосовъ; я Кифинъ; а я Христовъ* (I Кор. I, 11), прибавляя: *Развѣ раздѣлился Христосъ? развѣ Павелъ распялся за васъ? или во имя Павла вы крестились* (1 Кор. I, 13)? А далѣе онъ всѣхъ Коринѳянъ называетъ *Христовыми* (1 Кор. 2, 23) и научаетъ ихъ, чтобы они его и прочихъ Апостоловъ признавали *служителями Христовыми и домостроителями таинъ Божіихъ* (1 Кор. 4, 1). Если бы Петръ былъ основаніемъ и главою Церкви и княземъ Апостоловъ, то Павелъ въ указанныхъ сейчасъ мѣстахъ долженъ былъ бы объяснить это Коринѳянамъ; но на самомъ дѣлѣ онъ всѣхъ Апостоловъ, безъ единаго исключенія, называетъ однимъ именемъ—служителями Христовыми. Что въ числѣ таковыхъ служителей разумѣется и Петръ, а не выключается изъ ряда ихъ, не выше ихъ поставляется, это видно изъ того, что Павелъ прямо запрещаетъ Коринѳянамъ говорить: *я Кифинъ*.

Но если бы даже и было доказано, что Петръ былъ главою Апостоловъ и всей Церкви, въ этомъ еще не было бы достаточнаго основанія для признанія папы главою Церкви. Главенство папъ надъ Церковію латиняне основываютъ на томъ, что папы—преемники Петра; такъ какъ, говорятъ они, Петръ основалъ Римскую церковь, и онъ же былъ первымъ епископомъ ея. Но оба эти основанія главенства папъ надъ Церковію не имѣютъ твердости.

Допустимъ, что именно Петръ основалъ Римскую церковь; слѣдуетъ-ли поэтому признавать римскаго епископа главою Церкви? Петръ основалъ и Антіохійскую церковь, а чрезъ своего ученика, Евангелиста Марка, также и Александрійскую; однако никто не приписываетъ главенства надъ Церковію ни Антіохійскому, ни Александрійскому патріарху. Почему же именно римскихъ папъ нужно считать преемниками Петра и приписывать имъ главенство?

Но на самомъ дѣлѣ нѣтъ достовѣрныхъ указаній на то, будто Римская церковь была основана Петромъ. Ни въ Дѣяніяхъ, ни въ Посланіяхъ Апостоловъ нѣтъ даже и намека на то, что Петръ основалъ Римскую церковь. Напротивъ, въ нихъ есть указанія, хотя и не ясныя, что не Петръ, а ученики Апостола Павла основали церковь Рим-

скую (Дѣян. 28, 15; Римл. 1, 9; 15 и 16 гл.); но не самъ Апостолъ Павелъ (Римл. 15, 20—22).

Что касается до утвержденія латинянъ, будто Апостолъ Петръ былъ двадцать пять лѣтъ епископомъ Римскимъ, то оно не только не имѣетъ твердыхъ положительныхъ основаній, но и косвенно опровергается книгою Дѣяній Апостоловъ и Посланіями Апостола Павла къ Римлянамъ, къ Галатамъ, къ Филиппійцамъ, къ Филимону и Вторымъ Посланіемъ къ Тимоѳею.

Въ книгѣ Дѣяній нѣтъ даже и намека на то, что Петръ былъ въ Римѣ хотя бы на краткое время; а между тѣмъ повѣствованіе книги Дѣяній достигаетъ до 63-го года по Р. Х. Повѣствованіе этой книги о прибытіи Павла въ Римъ и о жизни и дѣятельности его въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ по прибытіи даетъ основаніе думать, что Петра не было въ Римѣ даже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, за три или за четыре года до его смерти. Совершенно умалчивая о пребываніи Петра въ Римѣ, книга Дѣяній, напротивъ, подробно повѣствуетъ о проповѣданіи Петромъ Евангелія въ Іерусалимѣ и въ Антіохіи, вообще на Востокѣ. Повидимому, онъ проповѣдывалъ на Востокѣ очень долго, можетъ быть, почти всю жизнь. Онъ, напр., присутствовалъ на Апостольскомъ Соборѣ въ Іерусалимѣ въ 51-мъ году (Дѣян. 15 гл.; Ср. Гал. 2 гл.). Повидимому, онъ не временно пріѣхалъ въ Іерусалимъ для присутствованія на Соборѣ, а въ это время еще постоянно жилъ на Востокѣ.

Изъ упомянутыхъ Посланій Апостола Павла также можно выводить косвенно заключеніе, что Петра не было въ Римѣ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ концѣ Посланія къ Римлянамъ, написаннаго въ 57-мъ, или въ 58 году, Павелъ шлетъ привѣтъ очень многимъ жившимъ въ Римѣ христіанамъ, называя ихъ по имени, а Петра не упоминаетъ. Могъ-ли Павелъ не привѣтствовать Петра, если бы онъ находился въ Римѣ? Въ Посланіяхъ къ Филиппійцамъ и къ Филимону, писанныхъ изъ Рима въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и во Второмъ Посланіи къ Тимоѳею, писанномъ изъ Рима же еще позднѣе, Павелъ посылаетъ привѣтъ отъ многихъ римскихъ христіанъ, своихъ сотрудниковъ, называя ихъ по имени, а отъ Петра привѣтствія не посылаетъ. Почему? Трудно придумать болѣе

естественный отвѣтъ, какъ тотъ, что Петра въ Римѣ въ это время не было. Затѣмъ, въ твореніяхъ писателей церковныхъ первыхъ вѣковъ христіанства мы находимъ слишкомъ скудныя и нѣсколько разнорѣчащія свидѣтельства о продолжительности пребыванія Петра въ Римѣ. Такъ, по свидѣтельству Оригена, записанному въ Церковной Исторіи Евсевія, Петръ былъ въ Римѣ къ концу своей жизни. Но Евсевій же въ своей Хроникѣ подъ вторымъ годомъ царствованія Клавдія, т. е., подъ 42 годомъ по Р. Х., упоминаетъ о прибытіи Петра въ Римъ. Возможно, что Петръ въ этотъ годъ пріѣзжалъ въ Римъ на краткое время. Іеронимъ говоритъ о двадцатипятилѣтнемъ епископствѣ Петра въ Римѣ, которое началось со втораго года царствованія Клавдія. Но рѣшительное молчаніе объ этомъ въ книгѣ Дѣяній и въ Посланіяхъ Павла, а также и въ раннѣйшихъ твореніяхъ отцовъ и учителей Церкви и писателей церковныхъ и противорѣчіе этого свидѣтельства свидѣтельству Оригена не внушаютъ довѣрія къ приводимому Іеронимомъ свидѣтельству. Происхожденіе этого свидѣтельства объясняется тѣмъ, что ко времени Іеронима мысли подложныхъ сочиненій о продолжительномъ пребываніи Петра въ Римѣ и епископствѣ его въ этомъ городѣ уже распространились, особенно на Западѣ. Можно думать поэтому, что Петръ прибылъ въ Римъ не задолго до своей мученической кончины, во исполненіе словъ Христа: *Когда состаръешься.., другой препояшетъ тебя, и поведетъ, куда не хочешь* (Іоан. 21, 18). *Куда не хочешь*, т. е., въ Римъ, гдѣ онъ былъ распятъ. Петру было ввѣрено благовѣстіе для обрѣзанныхъ (Гал. 2, 7), а потому онъ и проповѣдывалъ во всю свою жизнь на Востокѣ. Конечно, евреи были и въ Римѣ, но все таки этотъ городъ былъ чисто языческій; онъ былъ даже столицею всемірнаго языческаго царства.

И въ памятникахъ, — конечно, подлинныхъ, а не подложныхъ,—послѣдующаго времени, каковы опредѣленія и правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, творенія святыхъ отцовъ и учителей Церкви и сочиненія писателей церковныхъ, епископъ Римскій не называется главою Церкви, нигдѣ не говорится, чтобы онъ управлялъ всею вселенскою Церковію, или чтобы вся Церковь подчинялась ему. Въ нихъ не мало найдется даже положительныхъ указаній, что

епископамъ Римскимъ вовсе не принадлежало главенство надъ Церковію. Уже самое молчаніе правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и отцовъ и учителей Церкви о столь важномъ фактѣ, какъ главенство папъ надъ Церковію, между тѣмъ какъ было много поводовъ говорить объ этомъ, краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Церковь до вселенскихъ соборовъ и въ періодъ вселенскихъ соборовъ не признавала епископа Римскаго своимъ главою, и онъ на самомъ дѣлѣ не былъ главою Церкви. Въ правилахъ соборовъ мы находимъ и прямыя свидѣтельства, рѣшительно опровергающія ученіе папистовъ о главенствѣ епископовъ Римскихъ надъ Церковію.

Такъ, изъ 28-го правила Четвертаго Вселенскаго Собора ясно видно, что хотя епископскій престолъ Римской церкви и имѣлъ *преимущества,* но потому, что Римъ былъ *царствующій градъ*. Если бы въ то время папа былъ признаваемъ главою Церкви именно потому, что онъ—преемникъ Петра, то отцы Собора такъ бы и сказали, что престолу ветхаго Рима даны преимущества частію потому, что онъ находится въ царствующемъ градѣ, частію потому, что онъ — каѳедра Петра. Но что престолъ Римской церкви на самомъ дѣлѣ не имѣлъ никакихъ преимуществъ въ качествѣ каѳедры Петра, а получилъ преимущества только и единственно по причинѣ нахожденія своего въ царствующемъ градѣ, это видно изъ 3-го правила Второго Вселенскаго Собора, изъ 28-го правила Четвертаго Вселенскаго Собора и изъ 36-го правила Шестаго Вселенскаго Собора, которыми и престолу Константинопольской церкви были предоставлены *равныя* съ престоломъ Римской церкви *преимущества,* и именно потому, что Константинополь сталъ новымъ или вторымъ Римомъ, сталъ городомъ царя, столицею. Такъ какъ престолъ Константинопольской церкви не былъ каѳедрою Петра, и архіепископовъ Константинопольскихъ никто никогда не считалъ преемниками Петра, никто никогда не приписывалъ имъ и главенства надъ Церковію, а между тѣмъ этотъ престолъ получилъ преимущества, равныя съ престоломъ Римскимъ, получилъ только потому, что онъ находился въ царствующемъ градѣ; то ясно, какъ день, что Римскій престолъ имѣлъ только тѣ преимущества, которыя были даны ему

по причинѣ нахожденія его въ царствующемъ градѣ, а другихъ какихъ либо преимуществъ не имѣлъ, равно какъ не имѣлъ и никакихъ другихъ основаній для полученія ихъ. Хотя престолъ Римской церкви и былъ нѣкоторыми признаваемъ за каѳедру Петра, но на этомъ основаніи не усвоялось Римскому епископу главенства надъ Церковію, подобно тому, какъ никто не думалъ приписывать главенство надъ Церковію Антіохійскому епископу на томъ основаніи, что Антіохійская церковь была основана Петромъ, или также никто не приписывалъ главенства надъ Церковію Іерусалимскому епископу на томъ основаніи, что первымъ епископомъ Іерусалимской церкви былъ Апостолъ Іаковъ.

Изъ упомянутыхъ правилъ вытекаютъ слѣдующіе выводы: во-первыхъ, у отцовъ этихъ соборовъ не было даже и мысли о томъ, будто къ Римскимъ епископамъ перешло главенство надъ всею Церковію по преемству ихъ отъ Петра; во-вторыхъ, не было у отцовъ этихъ соборовъ мысли и вообще о переходѣ какихъ бы то ни было преимуществъ отъ Петра къ Римскимъ епископамъ; въ-третьихъ, наконецъ, хотя самая мысль о томъ, будто Римскіе епископы суть преемники Петра, и не была нѣкоторымъ изъ отцовъ чужда [1]), однако они съ преемствомъ Римскихъ епископовъ отъ Петра не не соединяли никакихъ преимуществъ.

---

[1]) Говоря: „нѣкоторые“, имѣемъ въ виду, напр., 3-е правило помѣстнаго Сардикійскаго Собора (Городъ Сардика въ Иллиріи, въ теперешней Болгаріи, лежалъ на границѣ Восточной и Западной Римской имперіи), бывшаго въ половинѣ четвертаго вѣка. Это правило епископамъ, осужденнымъ въ своей области, даетъ право представлять свое дѣло на разбирательство Римскому епископу. Въ этомъ правилѣ содержатся слѣдующія слова предсѣдателя Собора Осіи, епископа Кордовскаго, изъ Испаніи, обращенныя къ отцамъ Собора: „аще угодно вамъ, любовію почтимъ память Петра Апостола“. Подразумѣвается-ли въ этихъ словахъ основаніе Петромъ Римской церкви, или указывается на его епископство въ Римѣ, сказать трудно. Но что съ мнѣніями о томъ, будто Петръ основалъ Римскую церковь и былъ ея первымъ епископомъ, не было соединяемо требованіе главенства папъ надъ Церковію, это видно даже изъ настоящаго правила Сардикійскаго собора; потому что оно предоставляетъ папѣ нѣкоторую власть только надъ нѣкоторыми церквами, а предоставить ему власть надъ всею Церковію и не могло, будучи правиломъ собора не вселенскаго, а помѣстнаго,—предоставляетъ впервые только уже въ половинѣ четвертаго вѣка, при чемъ самое предложеніе принять правило изложено въ формѣ желанія, а не требованія: „аще угодно“.

Какъ не доказано мнѣніе о главенствѣ Петра надъ Церковію, равно какъ и мнѣніе о переходѣ права на главенство отъ Петра къ Римскимъ епископамъ: такъ нельзя доказать и то, будто въ первые девять вѣковъ Римскіе епископы дѣйствительно главенствовали надъ Церковію и управляли ею. Даже болѣе: можно положительно и твердо доказать, что имъ главенство надъ Церковію совсѣмъ не принадлежало и даже не могло принадлежать.

Можно было бы привесть множество историческихъ фактовъ и свидѣтельствъ въ подтвержденіе положенія, что Римскій епископъ не былъ признаваемъ главою Церкви и не былъ имъ въ дѣйствительности; но это слишкомъ отвлекло бы насъ отъ прямой нашей задачи. Поэтому мы будемъ не столько ссылаться на частные факты и отдѣльныя свидѣтельства, сколько обратимъ вниманіе на самое устройство и способъ управленія древней вселенской Церкви. Это устройство и это управленіе были таковы, что при нихъ *не могло* быть мѣста для главенства надъ Церковію какого бы то ни было епископа, не исключая и Римскаго. Для доказательства этой мысли имѣютъ особенную важность два существенныя свойства церковнаго устройства и управленія: совершенная *независимость* частныхъ церквей другъ отъ друга во внутреннемъ своемъ управленіи и во внутреннихъ дѣлахъ и *соборность* въ устройствѣ и въ управленіи, какъ всей вселенской Церкви, такъ и отдѣльныхъ частей ея.

Для охраненія мира въ Церкви, для предотвращенія ссоръ, раздоровъ и безпорядковъ въ ней, апостольскія и соборныя правила строго воспрещаютъ какое бы то ни было вмѣшательство одной частной церкви и предстоятеля ея, епископа, или митрополита, или патріарха, въ дѣла и управленіе какой либо другой церкви. Эти правила простирались на взаимныя отношенія какъ самыхъ малыхъ церквей, каковы епархіи, или епископіи, такъ и самыхъ большихъ, каковы самостоятельныя, или автокефальныя помѣстныя церкви, изъ которыхъ иныя были основаны самими Апостолами и которыя состояли изъ нѣсколькихъ второстепенныхъ или областныхъ церквей, состоящихъ, въ свою очередь, изъ множества епархій. Приведемъ для примѣра нѣкоторыя изъ такихъ правилъ.

По 35-му правилу апостольскому „епископъ да не дер-

заетъ внѣ предѣловъ своея епархіи творити рукоположенія во градѣхъ и въ селѣхъ, ему не подчиненныхъ". По 32-му правилу апостольскому и по 5-му правилу Перваго Вселенскаго Собора отлученные отъ общенія церковнаго въ своей епархіи епископомъ ея не могли быть приняты въ церковное общеніе въ какой-либо другой епархіи другимъ епископомъ. Въ предупрежденіе смятеній и безпорядковъ правилами апостольскими 14-мъ и 15-мъ и правиломъ 15-мъ Перваго Вселенскаго Собора воспрещается епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ даже переходить изъ своей епархіи въ другую, или изъ своего города въ другой городъ, чтобы получить тамъ мѣсто. Въ свою очередь никакая церковь не имѣла права принимать пришедшихъ въ нее изъ другой церкви пресвитеровъ и діаконовъ, по правилу 16-му Перваго Вселенскаго Собора и 17-му Шестого Вселенскаго Собора. Правило 20-е Шестого Вселенскаго Собора запрещаетъ епископу всенародно учить въ городѣ, не принадлежащемъ ему.

Конечно, латиняне намъ могутъ возразить, что эти и подобныя имъ правила имѣли силу только въ отношеніи обыкновенныхъ епископовъ, но не простирались на Римскаго епископа; потому что ему, какъ главѣ Церкви вселенской, всѣ помѣстныя церкви были свои, и потому онъ во всякой области, во всякой епархіи, во всякомъ городѣ имѣлъ право, никого не спрашиваясь, священнодѣйствовать, проповѣдывать всенародно, поставлять епископовъ и т. п.

Однако почему же ни въ одномъ правилѣ это не оговорено? Почему ни въ какомъ правилѣ не прибавлено: „за изъятіемъ Римскаго епископа?"

Латиняне отвѣтятъ намъ, что въ такомъ добавочномъ разъясненіи не было нужды, что всѣ и безъ разъясненій знали, что эти правила къ Римскому епископу, какъ главѣ Церкви вселенской, не могли быть примѣняемы. Папа въ настоящей энцикликѣ прямо говоритъ, что до раздѣленія церкви „Римскому первосвященнику, какъ законному преемнику Святаго Петра, а потому и намѣстнику Іисуса Христа на землѣ, одинаково какъ Востокъ, такъ и Западъ повиновались единогласно безъ всякаго сомнѣнія". Но это совершенная неправда. Церковная исторія и въ частности исторія самихъ соборовъ свидѣтельствуютъ, что властолюбивыя при-

тязанія папъ на непринадлежащія имъ права, на вмѣшательство въ дѣла неподчиненныхъ имъ церквей вызывали неоднократный отпоръ со стороны тѣхъ, въ дѣла которыхъ они незаконно вмѣшивались вопреки соборнымъ правиламъ. Таково, напримѣръ, было вмѣшательство папы Целестина въ дѣла Карѳагенской церкви, которое вызвало рѣшительный отпоръ со стороны помѣстнаго собора этой церкви. Подробности этого столкновенія между папою Целестиномъ и Карѳагенскимъ соборомъ, означенныя въ посланіи этого собора, показываютъ, что правила вселенскихъ соборовъ и для папъ имѣли такую же обязательную силу, какъ и для всѣхъ епископовъ. Имѣя въ виду такого рода столкновенія, которыя, конечно, не могли содѣйствовать миру Церкви, вселенскіе соборы, безъ сомнѣнія, почли бы своимъ непремѣннымъ долгомъ разъяснить, что соборныя правила, воспрещающія епископу вмѣшиваться въ дѣла неподчиненныхъ ему церквей и даже совершать свойственное его сану служеніе,—развѣ только на это будетъ получено позволеніе отъ мѣстнаго епископа, — не простираются на Римскихъ епископовъ, какъ имѣющихъ власть надъ всѣми церквами. А такъ какъ такихъ разъясненій ни въ какихъ соборныхъ правилахъ нѣтъ, то ясно, что упомянутыя правила были обязательны рѣшительно для всѣхъ епископовъ, не исключая и Римскихъ.

Это подтверждается исторіей. Могутъ-ли латиняне указать намъ примѣры, чтобы Римскіе папы проповѣдывали, священнодѣйствовали и поставляли епископовъ въ какой угодно изъ помѣстныхъ церквей — восточныхъ или западныхъ, которыя не принадлежали къ Римской церкви? Какъ понять, что Римскіе епископы не осуществляли своихъ правъ на главенство въ Церкви? Ясно, что они не осуществляли ихъ потому, что не имѣли ихъ.

Что власть Римскихъ папъ простиралась только на одну ихъ собственную Римскую церковь, это особенно ясно показываютъ 2-е правило Второго Вселенскаго Собора и 6-е правило Перваго Вселенскаго Собора.

„Областные епископы [1]), узаконяетъ первое изъ этихъ

---

[1]) Помѣстныя самостоятельныя церкви, какова, напр., Александрійская, въ соборныхъ правилахъ называются областными. Предстоятели ихъ впо-

правилъ, да не простираютъ своея власти на церкви за предѣлами своея области и да не смѣшиваютъ церквей; но, по правиламъ, Александрійскій епископъ да управляетъ церквами токмо Египетскими; епископы восточные да начальствуютъ токмо на Востокѣ, съ сохраненіемъ преимуществъ Антіохійской церкви, правилами Никейскими признанныхъ; также епископы области Асійскія да начальствуютъ токмо въ Асіи; епископы Понтійскіе да имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи дѣла токмо Понтійскія области; Ѳракійскіе—токмо Ѳракіи; не бывъ приглашены, епископы да не преходятъ за предѣлы свося области для рукоположенія".

Что узаконяемая этимъ правиломъ независимость одной областной церкви отъ другой и установляемый имъ порядокъ подчиненія областному епископу только тѣхъ нѣсколькихъ церквей, которыя издавна входили въ его областную церковь, имѣли примѣненіе и къ Римской церкви, такъ что епископы Римскіе имѣли власть только надъ нѣсколькими церквами, составлявшими въ совокупности одну церковь Римскую, это видно изъ 6-го правила Перваго Вселенскаго Собора. „Да хранятся древніе обычаи, говоритъ оно, принятые въ Египтѣ, и въ Ливіи, и въ Пентаполѣ, дабы Александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми сими. *Понеже и Римскому епископу сіе обычно.* Подобно и въ Антіохіи, и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества церквей". Хотя здѣсь ради краткости и не говорится, надъ какими именно церквами Римскій епископъ имѣлъ власть, ибо правила всегда излагаются кратко; однако не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что здѣсь дается указаніе на подчиненіе Римскому епископу только нѣсколькихъ церквей, ближайшихъ къ городу Риму. Мысль правила слѣдующая: подобно тому, какъ Римскому епископу подвластны церкви, входящія въ его область, окружающія Римъ: такъ и Александрійскій епископъ пусть управляетъ церквами, окружающими Александрію. А если бы епископъ Римскій былъ главою всѣхъ церквей, то можно-ли было бы ставить его въ примѣръ при узаконеніи обычая подчиненія

слѣдствіи получили названіе патріарховъ. Но и митрополіи, составлявшія только части помѣстныхъ церквей, называются областными, напр. въ правилѣ 28-мъ Четвертаго Вселенскаго Собора.

Александрійскому епископу нѣсколькихъ церквей его области? Главенство Римскаго епископа въ такомъ случаѣ было бы совершенно исключительное, безпримѣрное, и при узаконеніи установившагося обычаемъ главенства Александрійскаго епископа надъ церквами Египта, Ливіи и Пентаполя соборъ сослался бы только на Антіохію и на другія помѣстныя церкви, а никакъ не на Римскаго епископа.

Что престолъ Римской церкви стоялъ въ ряду другихъ престоловъ важнѣйшихъ помѣстныхъ церквей, а не выдвигался изъ ряда ихъ, — а это было-бы, если-бы онъ господствовалъ надъ всѣми церквами вселенной, — это совершенно ясно видно изъ 36-го правила Шестаго Вселенскаго Собора, которое узаконяетъ слѣдующій порядокъ престоловъ главнѣйшихъ церквей: Римскій, Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій, Іерусалимскій; при этомъ Константинопольскому престолу предоставляются преимущества, равныя съ Римскимъ престоломъ. Если-бы теперь Римскій епископъ господствовалъ надъ всѣми церквами, слѣдовательно господствовалъ бы и надъ всѣми перечисленными въ этомъ правилѣ главными церквами вселенной; то было-ли бы согласно съ законами логики и здравымъ смысломъ поставлять его престолъ хотя и на первомъ мѣстѣ, однако все таки рядомъ съ этими, подчиненными ему, престолами? Развѣ съ государемъ поставляются рядомъ его вельможи, или даже его сыновья, не исключая и наслѣдника престола?

Всѣ эти правила о независимости одной церкви отъ другихъ церквей и о разграниченіи предѣловъ церквей, неоднократно повторяемыя, не оставались на бумагѣ, а точно и строго исполнялись; нарушеніе же ихъ настойчиво воспрещалось, какъ это видно изъ 8-го правила Третьяго Вселенскаго Собора. Отцы этого собора, узнавши, что Антіохійскій епископъ заявляетъ притязанія поставить епископовъ въ Кипрскую церковь, которая раньше не была ему подчинена, строго воспретили это. „Начальствующіе во святыхъ Кипрскихъ церквахъ да имѣютъ свободу, безъ притязанія къ нимъ и безъ стѣсненія ихъ по правиламъ святыхъ отецъ, и по древнему обыкновенію, сами собою совершати поставленіе благоговѣйнѣйшихъ епископовъ. То-же да соблюдается и въ иныхъ областяхъ, и повсюду въ епархіяхъ: дабы *никто* изъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ не

простиралъ власти на иную епархію, которая прежде и сначала не была подъ рукою его, или его предшественниковъ: но аще кто простеръ и насильственно какую епархію себѣ подчинилъ, да отдастъ оную: да не преступаются правила отецъ: да не вкрадывается, подъ видомъ священнодѣйствія, *надменность власти мірскія:* и да не утратимъ по малу, непримѣтно, тоя *свободы,* которую даровалъ намъ кровію Своею Господь нашъ Іисусъ Христосъ, освободитель всѣхъ человѣковъ“ [1]). Основанныя на древнихъ обычаяхъ, выработанныя опытомъ, необходимыя для поддержанія въ Церкви мира, порядка и свободы и для предотвращенія нестроеній, вообще согласныя съ пользами церквей, правила эти и не могли остаться мертвою буквою. Въ православныхъ восточныхъ церквахъ они строго соблюдаются даже и до настоящаго времени. Впрочемъ уже самое существованіе этихъ правилъ неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что Римскій епископъ вовсе не имѣлъ власти надъ всею Церковью, что, напр., церкви Константинопольская, Александрійская, Антіохійская и Іерусалимская были совершенно независимы отъ него, и что онъ управлялъ только нѣсколькими церквами, входившими въ составъ Римской церкви.

Не только правила, но и самая практика церковной жизни подтверждаетъ выводимое изъ правилъ заключеніе о совершенной независимости всѣхъ восточныхъ церквей отъ Римскаго епископа. Напр., Римскіе епископы развѣ поставляли епископовъ для церквей восточныхъ? Никогда. Если-бы Римскій епископъ былъ главою вселенской Церкви, то по крайней мѣрѣ епископы важнѣйшихъ церквей,— епископы Константинопольскіе, Александрійскіе, Антіохійскіе и Іерусалимскіе,—были-бы поставляемы имъ, или съ его разрѣшенія. Въ томъ особенно и выражались главенство и власть главнаго епископа, напр., помѣстной церкви, что

[1]) Нѣкоторыя выраженія этого правила весьма характерны и какъ будто бы прямо имѣютъ въ виду высокомѣріе Римскихъ епископовъ, направлены къ обузданію незаконныхъ притязаній ихъ на вмѣшательство въ дѣла неподчиненныхъ имъ церквей и къ охраненію свободы церквей отъ ихъ гнета и осуждаютъ мірской духъ ихъ властолюбія. Слово: „никто“ ясно показываетъ, что и Римскій епископъ не имѣетъ власти надъ неподчиненными ему церквами.

онъ вмѣстѣ съ другими епископами своей церкви поставлялъ епископовъ для областей своей церкви, или митрополитовъ, а митрополиты, въ свою очередь, съ подчиненными имъ епископами поставляли епархіальныхъ епископовъ. Такъ, правило 28-е Четвертаго Вселенскаго Собора, утверждая преимущества Константинопольскаго престола и опредѣляя, какія области должны находиться у него въ подчиненіи, узаконяетъ, чтобы митрополиты этихъ областей были поставляемы Константинопольскимъ архіепископомъ, а каждый митрополитъ, съ епископами своей области, поставлялъ бы епархіальныхъ епископовъ для нея. Такимъ образомъ, непосредственно, или посредственно, всѣ епископы помѣстной церкви получали поставленіе отъ главнаго епископа ея. Если бы теперь и надъ Константинопольскимъ архіепископомъ былъ кто либо высшій, то онъ и былъ бы поставляемъ этимъ высшимъ. Его и поставлялъ бы Римскій епископъ, если бы послѣдній былъ главою всей вселенской Церкви. Но онъ главою Церкви не былъ, и потому-то ни Константинопольскій, ни Александрійскій, ни Антіохійскій, ни Іерусалимскій епископы никогда не были имъ поставляемы. Нужны-ли еще другія доказательства для подтвержденія этой истины, что всѣ восточныя церкви были совершенно независимы отъ Римскаго епископа?

Однако мы не можемъ не привесть здѣсь одного примѣра изъ церковной практики пятаго вѣка, записаннаго (примѣра) въ 30-мъ правилѣ Четвертаго Вселенскаго, Халкидонскаго, собора и свидѣтельствующаго о совершенной независимости восточныхъ церквей отъ римскаго епископа. „Поелику благоговѣйнѣйшіе епископы Египетскіе, говорится въ этомъ правилѣ, отложили въ настоящее время подписати посланіе святѣйшаго Архіепископа Льва, не аки бы противяся каѳолической вѣрѣ, но представляя существующій въ Египетской области обычай, ничего таковаго не дѣлати безъ соизволенія и опредѣленія своего Архіепископа, и просятъ отсрочити имъ до поставленія будущаго епископа великаго града Александріи: того ради за праведное и человѣколюбное дѣло признали мы оставити ихъ въ своемъ санѣ въ царствующемъ градѣ и дати имъ срочное время до поставленія Архіепископа великаго града Александріи. Посему, пребывая въ своемъ санѣ, или да представятъ

поручителей, аще возможно имъ сіе, или клятвеннымъ обѣщаніемъ да отвратятъ сомнѣніе". Если бы епископъ римскій былъ главою Церкви, то дерзнули-ли бы епископы Александрійской церкви на основаніи мѣстнаго обычая не подписать посланія папы? Самый обычай Александрійской Церкви, о которомъ говорится въ этомъ правилѣ, ясно показываетъ, что для александрійскихъ епископовъ власть главнаго епископа ихъ Церкви была выше власти римскаго епископа. Правда, соборъ изъявилъ согласіе на отказъ александрійскихъ епископовъ подписать посланіе папы лишь по снисхожденію и обезпечивши себѣ полученіе ихъ подписа въ будущемъ; но это не потому, что они не подписали посланія, написаннаго папою римскимъ, а потому, что не подписали посланія, признаннаго соборомъ православнымъ. Своимъ отказомъ подписать посланіе, подписанное всѣми отцами собора, александрійскіе епископы давали поводъ заподозрить чистоту ихъ православія, какъ это видно изъ самаго правила.

Не только всѣ восточныя церкви были совершенно независимы отъ епископовъ римскихъ, но даже и на Западѣ долгое время многія церкви не были подчинены имъ; таковы церкви Карѳагенская, Испанская, Гальская и другія.

Другое свойство Церкви, съ которымъ также несовмѣстно главенство папы надъ Церковію, есть *соборность* Церкви. Это свойство Церкви столь важно и существенно, что даже въ Символѣ вѣры Церковь названа Соборною. Въ церковныхъ правилахъ это свойство подробно раскрывается.

Такъ, по 34-му апостольскому правилу главный или первый епископъ всякаго народа „ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ епископовъ; ибо тако будетъ единомысліе". Правилами: апостольскимъ 37-мъ, Перваго Вселенскаго Собора 5-мъ и Шестаго Вселенскаго Собора 8-мъ, узаконялось, чтобы въ каждой области всѣ епископы ея собирались вмѣстѣ на соборъ два раза въ годъ для разсужденія о догматахъ благочестія и для рѣшенія спорныхъ дѣлъ. Второй Вселенскій Соборъ, согласно правилу Перваго Вселенскаго Собора, правиломъ 2-мъ опредѣлилъ: „Дѣла каждыя области благоучреждати будетъ соборъ тоя же области". Правиломъ 4-мъ Первый Вселенскій Соборъ опредѣлилъ: „Епископа поставляти наиболѣе прилично всѣмъ тоя об-

ласти епископамъ". Кромѣ постоянныхъ областныхъ соборовъ, по мѣрѣ надобности, для обсужденія болѣе важныхъ дѣлъ, были созываемы соборы помѣстные, на которые собирались епископы всѣхъ областей, входившихъ въ составъ одной помѣстной или автокефальной церкви. Наконецъ, для рѣшенія вопросовъ самыхъ важныхъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, были созываемы соборы вселенскіе, на которые съѣзжались епископы по возможности изъ всѣхъ помѣстныхъ церквей, епископы всей вселенской Церкви.

Вотъ это-то соборное устройство и управленіе Церкви, и въ особенности высшая форма его—соборы вселенскіе, исключаютъ самую возможность существованія въ Церкви видимаго единоличнаго главы. При вселенскихъ соборахъ видимый единоличный глава въ Церкви не нуженъ и даже не возможенъ.

Вся исторія вселенскихъ соборовъ показываетъ, что въ Церкви не было никакихъ другихъ ни учрежденій, ни лицъ, которыя по степени власти, правамъ и полномочіямъ равнялись бы со вселенскимъ соборомъ. Вселенскій соборъ опредѣляетъ догматы вѣры и издаетъ правила нравственности и церковнаго благоустройства; онъ осуждаетъ лжеученія и анаѳематствуетъ еретиковъ, хотя бы они были предстоятелями самыхъ знаменитыхъ помѣстныхъ церквей, не исключая и Римской церкви; опредѣленія и правила его обязательны для всей Церкви, и нарушители ихъ, кто бы они ни были, подвергаются соборомъ же установленной карѣ; въ постановленіяхъ вселенскаго собора выражаются голосъ, воля и власть всей Церкви; вселенскій соборъ есть какъ бы сама вселенская Церковь. А такъ какъ Церковь *есть столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15), то и опредѣленія вселенскихъ соборовъ истинны, непререкаемы и безусловно обязательны для всѣхъ членовъ Церкви, не исключая и высшихъ епископовъ, не исключая и папъ. Какъ цѣлое больше своей части, какъ вся вселенская Церковь выше и больше каждой помѣстной церкви, какъ бы ни была послѣдняя велика и знаменита: такъ и вселенскій соборъ не только выше предстоятеля той или иной помѣстной церкви, Римской, или какой другой, но выше и помѣстнаго собора, хотя бы онъ состоялъ изъ епископовъ двухъ—трехъ помѣстныхъ церквей и былъ очень многолю-

денъ. Опредѣленія и правила помѣстныхъ соборовъ становились обязательными для всей Церкви не иначе, какъ послѣ признанія ихъ таковыми вселенскимъ соборомъ. Тѣмъ болѣе имѣетъ права вселенскій соборъ судить и осудить предстоятеля какой бы то ни было помѣстной церкви, не исключая и римскихъ папъ. Дѣйствительно, папа Виталій былъ осужденъ Пятымъ Вселенскимъ Соборомъ, хотя и не поименованно, а папа Гонорій анаѳематствованъ Шестымъ Вселенскимъ Соборомъ, подобно тому, какъ и Константинопольскіе епископы Македоній и Несторій были объявлены еретиками и осуждены—Македоній Вторымъ Вселенскимъ Соборомъ, а Несторій Третьимъ. Вселенскій соборъ имѣетъ власть осудить даже цѣлый сонмъ епископовъ. Такъ, Второй Вселенскій Соборъ осудилъ всѣхъ епископовъ, удалившихся вмѣстѣ съ Македоніемъ съ собора, а ихъ было 36. Такимъ образомъ видимый глава Вселенской Церкви есть вселенскій соборъ.

Теперь возникаетъ вопросъ, какъ можно и нужно представлять себѣ отношеніе къ вселенскому собору Римскаго папы въ случаѣ признанія послѣдняго главою Церкви, и притомъ непогрѣшимымъ главою?

Если папа на самомъ дѣлѣ есть глава Церкви и въ качествѣ главы Церкви онъ непогрѣшимъ, то для чего тогда нуженъ вселенскій соборъ? Если папа имѣетъ власть и силу рѣшать вопросы вѣры и другія церковныя дѣла, рѣшать безошибочно, то зачѣмъ нужно было для этой цѣли созывать епископовъ со всего свѣта? А такъ какъ вселенскіе соборы были созываемы, то ясно, что въ древней Церкви Римскій епископъ вовсе не былъ признаваемъ такимъ лицемъ, которое могло бы замѣнить собою вселенскій соборъ, т. е. не былъ признаваемъ непогрѣшимымъ главою церкви, какимъ его признаютъ теперь латиняне.

Если намъ скажутъ, что вселенскіе соборы собирались изрѣдка и на краткое время, а Церковь должна имѣть еще постояннаго непогрѣшимаго главу, каковъ и есть папа; то мы на это замѣтимъ, что вселенскіе соборы продолжаютъ постоянно доселѣ управлять Церковію чрезъ изданныя ими опредѣленія и правила, а въ случаѣ возникновенія новыхъ вопросовъ чрезвычайной важности, не предусмотрѣнныхъ прежними соборами, Церковь можетъ во всякое время со-

звать вновь вселенскій соборъ. Напр., если бы Латинская церковь, возжелавши соединиться съ Православною церковію, спросила бы ее, на какихъ условіяхъ она можетъ принять ее въ общеніе съ собою; то для теоретическаго и практическаго рѣшенія этого важнаго вопроса было бы лучше всего созвать вселенскій соборъ изъ епископовъ и ученѣйшихъ пресвитеровъ всѣхъ православныхъ восточныхъ церквей. Но этотъ вселенскій соборъ въ основу своего рѣшенія положилъ бы, кромѣ Священнаго Писанія, ученіе и практику древней вселенской Церкви и въ особенности правила соборовъ. Новый вселенскій соборъ непремѣнно взялъ бы въ руководство для себя дѣятельность и правила древнихъ вселенскихъ соборовъ, подобно тому, какъ и эти послѣдніе въ основаніе своихъ опредѣленій полагали древнѣйшіе обычаи и правила отцовъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что вселенскіе соборы управляютъ Церковію.

Латиняне могутъ намъ сказать еще и то, что хотя папа, какъ непогрѣшимый глава Церкви, и не имѣлъ нужды для безошибочнаго рѣшенія церковныхъ дѣлъ и вопросовъ и для опредѣленія догматовъ въ помощи вселенскихъ соборовъ; но соборы эти были созываемы для поддержанія единомыслія церквей съ церквами, епископовъ съ епископами, и всей Церкви съ ея главою—папою. Однако исторія вселенскихъ соборовъ не подтверждаетъ такой мысли. Что чрезъ вселенскіе соборы видимо обнаруживалось и оживлялось братское общеніе и укрѣплялось единомысліе между церквами и ихъ предстоятелями, этого мы нисколько не отрицаемъ. Но это достигалось само собою; это было, такъ сказать, попутною цѣлью созванія соборовъ. Главная же цѣль созванія соборовъ была всегда иная. Всѣмъ извѣстно, что вселенскіе соборы были созываемы по поводу возникавшихъ ересей, для рѣшенія вопросовъ о томъ, какъ должно вѣровать, для болѣе точнаго опредѣленія догматовъ, для вразумленія еретиковъ и, въ случаѣ ихъ упорства, для всенароднаго осужденія ихъ и ихъ ереси, а также для составленія правилъ церковнаго благоустройства и для рѣшенія важныхъ церковныхъ дѣлъ.

Допустимъ, однако, что Церкви, кромѣ вселенскихъ соборовъ, нуженъ еще глава единоличный и постоянно пре-

бывающій. Въ такомъ случаѣ отношеніе этого главы къ вселенскимъ соборамъ было бы подобно отношенію предстоятеля помѣстной церкви къ помѣстному собору, или митрополита къ собору областному: онъ созываетъ соборъ вселенскій и онъ же предсѣдательствуетъ на немъ. А если принять во вниманіе, что латиняне признаютъ папу не только главою Церкви, но и непогрѣшимымъ главою, то слѣдуетъ ожидать, что папа на вселенскихъ соборахъ будетъ имѣть гораздо болѣе значенія, нежели митрополиты на областныхъ соборахъ и предстоятели помѣстныхъ церквей на соборахъ помѣстныхъ, что онъ будетъ тамъ среди епископовъ не только первымъ между равными, но полнымъ и даже неограниченнымъ главою ихъ и вершителемъ всѣхъ дѣлъ: главѣ Церкви, и притомъ непогрѣшимому, какъ не быть полновластнымъ главою на вселенскомъ соборѣ?

Но исторія всѣхъ вселенскихъ соборовъ, безъ единаго исключенія, показываетъ намъ, что ничего подобнаго не было. Ни одинъ вселенскій соборъ не былъ созванъ папою; ни на одномъ вселенскомъ соборѣ папа не былъ предсѣдателемъ, даже ни на одномъ вселенскомъ соборѣ никто изъ папъ не присутствовалъ; на соборахъ вселенскихъ присутствовали только легаты папы, но и то не на всѣхъ соборахъ. Что легаты папы на вселенскихъ соборахъ не имѣли первенствующаго значенія, это видно изъ исторіи всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ. Такъ, на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ легатами папы были даже не епископы, а два пресвитера; и изъ исторіи этого собора не видно, чтобы на немъ они имѣли не только первенствующее, но даже и сколько нибудь замѣтное значеніе, а, напротивъ, видно, что на ходъ дѣлъ на соборѣ оказывали большое вліяніе старѣйшіе и знаменитѣйшіе епископы Востока, а изъ западныхъ—Осія, епископъ Кордовскій (изъ Испаніи). На Второмъ и на Пятомъ Вселенскихъ Соборахъ легатовъ папы совсѣмъ не было. На Третій Вселенскій Соборъ легаты папы прибыли послѣ открытія собора; между тѣмъ, если бы папа былъ главою Церкви, то, безъ сомнѣнія, собравшіеся отцы не открыли бы собора раньше прибытія папы, или его легатовъ. Папы не только не созывали вселенскихъ соборовъ, но у нихъ даже не испрашивали ни позволенія, ни согласія на созваніе соборовъ; имъ только

посылали приглашеніе пожаловать на соборъ, какъ посылалось оно и всѣмъ прочимъ предстоятелямъ церквей. Мало того: Пятый Вселенскій Соборъ былъ созванъ даже вопреки волѣ папы Вигилія. На Второмъ Вселенскомъ Соборѣ предсѣдательствовалъ Святый Мелетій Антіохійскій, не смотря на то, что онъ не былъ въ общеніи съ Римскою церковію, такъ какъ папа законнымъ епископомъ Антіохіи призналъ соперника Мелетіева Павлина; а послѣ кончины Мелетія соборъ избралъ преемникомъ его не Павлина, а Флавіана. Такимъ образомъ для вселенскихъ соборовъ мнѣнія, рѣшенія и распоряженія папъ не имѣли никакой обязательной силы: соборы иногда дѣйствовали прямо вопреки желаніямъ и рѣшеніямъ папъ. Наконецъ, если бы папа былъ главою Церкви, то вселенскіе соборы собирались бы въ Римѣ, между тѣмъ, какъ нарочно, всѣ семь соборовъ были на Востокѣ. Если, такимъ образомъ, вселенскіе соборы, на которые собирались епископы со всего христіанскаго міра, на которыхъ были рѣшаемы важнѣйшіе вопросы вѣры, нравственности и церковнаго устройства, на которыхъ были постановляемы опредѣленія и правила, обязательныя для всей Церкви, обязательныя и для папъ не меньше, нежели для другихъ епископовъ, которые могли судить и осуждать и самихъ папъ, какъ и предстоятелей прочихъ важнѣйшихъ церквей, которые были, такъ сказать, воплощеніемъ вселенской Церкви,—если вселенскіе соборы были созываемы не папами и даже безъ ихъ согласія, а иногда и вопреки ихъ желанію, если они были предсѣдательствуемы не папами, а либо тѣмъ, либо другимъ изъ знаменитыхъ восточныхъ епископовъ, если они собирались не въ Римѣ, а въ разныхъ городахъ Востока, если они происходили безъ личнаго присутствія папъ и безъ замѣтнаго вліянія на теченіе ихъ дѣлъ со стороны легатовъ папы, которыхъ на двухъ соборахъ даже и совсѣмъ не было: то согласно-ли съ здравымъ смысломъ утверждать, будто папа былъ главою Церкви во времена вселенскихъ соборовъ?

Точно также и помѣстные соборы въ каждой самостоятельной церкви были созываемы по желанію и распоряженію предстоятеля церкви, при чемъ папу даже и не увѣдомляли о созваніи собора, какъ не увѣдомляли и предстоятелей другихъ самостоятельныхъ церквей. А между тѣмъ

и на помѣстныхъ соборахъ иногда были обсуждаемы и рѣшаемы догматическіе вопросы: и эти соборы имѣли право анаѳематствовать еретиковъ. И такіе соборы были созываемы безъ увѣдомленія о нихъ папы и безъ испрошенія у него позволенія не только на Востокѣ, но даже и на Западѣ. Таковы, наприм., были помѣстные соборы въ Карѳагенской церкви, которые осудили ересь Пелагія и опредѣленія которыхъ Церковь впослѣдствіи признала обязательными для всѣхъ. Папы могли созывать на соборъ только епископовъ своей помѣстной церкви, подобно тому, какъ и предстоятель каждой самостоятельной помѣстной церкви могъ созывать помѣстный соборъ изъ епископовъ своей церкви. Дѣйствительно, исторія не представляетъ такихъ примѣровъ, чтобы папы въ періодъ вселенскихъ соборовъ созывали такіе помѣстные соборы, на которые съѣзжались бы епископы изъ всѣхъ западныхъ церквей.

Совершенное отсутствіе главенства папъ на вселенскихъ соборахъ, равно какъ и полная независимость отъ папъ соборовъ помѣстныхъ, собиравшихся въ церквахъ восточныхъ и западныхъ, неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, что папы никогда не управляли всею Церковію, никогда не были ея главою, что они не имѣли никакой власти не только надъ восточными церквами, но даже и надъ западными, за исключеніемъ одной своей Римской церкви.

Эта независимость отъ папъ—восточныхъ церквей всегдашняя, а западныхъ продолжавшаяся нѣсколько вѣковъ—тѣмъ болѣе имѣетъ значенія для опроверженія ученія о главенствѣ папъ, что всѣ независимыя отъ папъ самостоятельныя церкви находились тогда въ странахъ, которыя были провинціями Рима, а Римъ былъ ихъ столицею, при чемъ христіанскія страны Востока находились въ этомъ государственномъ подчиненіи Риму первые три вѣка, а западныя—въ теченіе многихъ вѣковъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, независимость помѣстныхъ церквей другъ отъ друга и въ частности отъ Римской церкви не позволяла папамъ вмѣшиваться въ управленіе и дѣла церквей, быть ихъ главою и управлять ими и ограничивала его власть предѣлами одной его собственной, Римской церкви; съ другой стороны, соборное устройство и соборное управленіе какъ областныхъ и помѣстныхъ

церквей, такъ и всей вселенской Церкви сосредоточивало верховную власть надъ вселенскою Церковію во вселенскихъ соборахъ, надъ каждою помѣстною церковію въ помѣстныхъ соборахъ каждой церкви, надъ областною церковію въ областномъ соборѣ, и дѣлало излишнимъ и даже невозможнымъ главенство надъ всею Церковію одного лица, кто бы оно ни было, Римскій-ли папа, или предстоятель какой иной помѣстной церкви. Исторія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, равно какъ и вся вообще исторія древней Церкви свидѣтельствуетъ, что Римскіе епископы и въ дѣйствительности не управляли ни одною изъ помѣстныхъ церквей, кромѣ своей церкви, и не имѣли никакой надъ ними власти; не управляли и всею вселенскою Церковію и не были ея главою.

Однако, скажутъ намъ, папы не только управляли своею Римскою церковію, но, несомнѣнно, оказывали большое вліяніе и на дѣла общецерковныя.

Мы не отрицаемъ этого; но это не было главенство надъ Церковію. Римскіе епископы имѣли бо̀льшее вліяніе на дѣла общецерковныя, чѣмъ епископы другихъ важныхъ помѣстныхъ церквей, потому, что престолъ ихъ былъ въ столицѣ, что церковь ихъ была столичною, а не провинціальною церковію. Столичность этой церкви давала ей и ея предстоятелямъ нѣкоторыя преимущества предъ помѣстными церквами провинціальными и предъ ихъ предстоятелями.

Тѣмъ не менѣе не всѣ папы имѣли вліяніе на общецерковныя дѣла, а только наиболѣе знаменитые, напр., Левъ I-й и Григорій Великій, причисленные къ лику святыхъ. Одинъ примѣръ покажетъ, какъ велико было вліяніе на дѣла общецерковныя папъ, отличавшихся высокими личными достоинствами, и какъ, напротивъ, папы, не обладавшіе выдающимися способностями и не оказавшіе особенныхъ услугъ Церкви, не имѣли никакого вліянія на общецерковныя дѣла.

Папа Левъ I-й чрезъ свое Посланіе и чрезъ легатовъ оказалъ большое вліяніе на дѣятельность Четвертаго Вселенскаго Собора, благодаря своимъ высокимъ личнымъ качествамъ [1]). Напротивъ, папа Вигилій, не имѣвшій до-

[1]) Впрочемъ на этомъ соборѣ особенно велико было значеніе Льва еще и потому, что на Востокѣ тогда было смутное время и изъ предстоятелей важнѣйшихъ церквей Востока никто не могъ равняться достоинствами со

стоинствъ Льва I-го, оказался даже въ унизительномъ положеніи въ своихъ отношеніяхъ къ Пятому Вселенскому Собору: Вигилій не желалъ, чтобы былъ созванъ этотъ соборъ, а соборъ состоялся; Вигилій не пошелъ на соборъ, а соборъ обошелся и безъ его присутствія; Вигилій не желалъ осудить тѣхъ, для осужденія которыхъ соборъ былъ созванъ, а соборъ осудилъ ихъ, осудилъ и не желавшихъ осудить ихъ.

Какимъ образомъ, спросятъ насъ, папамъ удалось подчинить себѣ всѣ западныя церкви, которыя, рано или поздно, а признали его своимъ главою? Подчиненіе церквей Запада папѣ не служитъ-ли доказательствомъ, что папа всегда былъ главою Церкви?

Подчиненіе папѣ всѣхъ западныхъ церквей произошло постепенно, благодаря стеченію многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Римъ въ теченіе многихъ вѣковъ превосходилъ всѣ города Запада, какъ въ государственномъ, такъ и въ церковномъ отношеніи. Римъ былъ столицею Запада, и это возвышало Римскую церковь и римскихъ епископовъ надъ всѣми прочими церквами Запада и надъ ихъ предстоятелями. Римская церковь на Западѣ была древнѣйшею и несомнѣнно апостольскою церковію. Возвышенію Римской церкви и ея предстоятелей надъ прочими церквами Запада и надъ ихъ престолами благопріятствовало то обстоятельство, что другія знаменитыя и древнѣйшія церкви на Западѣ по нѣкоторомъ времени пришли въ совершенный упадокъ вслѣдствіе несчастныхъ политическихъ обстоятельствъ. Такъ, знаменитая въ древности Карѳагенская церковь была разрушена до основанія и уничтожена нашествіемъ мухаммеданъ, и они же нанесли смертельный ударъ церкви испанской. Церкви же Галльская, Германская и Британская возвысились только въ позднѣйшее время, когда владычество папъ надъ западными церквами уже было упрочено, и притомъ эти церкви уступали Римской во многихъ отношеніяхъ.

Но какія бы ни были причины подчиненія всѣхъ запад-

Львомъ: Александрійскій епископъ Діоскоръ былъ осужденъ и низложенъ соборомъ за ересь; Анатолій Константинопольскій былъ рукоположенъ Діоскоромъ и въ свою очередь рукоположилъ на Антіохійскій престолъ въ епископы Максима; Ювеналій Іерусалимскій сначала держалъ сторону Діоскора.

ныхъ церквей епископамъ Римскимъ, остается въ силѣ положеніе, что это подчиненіе совершилось постепенно и что первопачально его не было, а Карѳагенская церковь даже совсѣмъ не находилась въ подчиненіи у римскихъ епископовъ.

Почему, могутъ еще спросить насъ, не Александрійскіе, или Іерусалимскіе, или Антіохійскіе, а именно Римскіе епископы стали заявлять притязанія на главенство надъ Церковію? Было же для этого какое либо основаніе?

Частію поводомъ, частію основаніемъ къ возникновенію этихъ притязаній послужили преимущества престола Римской церкви предъ каѳедрами всѣхъ прочихъ церквей, не только западныхъ, но и древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ восточныхъ.

Какія же это были преимущества? Это были преимущества чести, а не власти. Преимущества чести означаютъ то, что одна церковь и епископъ ея почитаются болѣе важными, нежели другая церковь и ея предстоятель. Что преимущество и даже первенство Римскаго епископа предъ прочими епископами было преимуществомъ и первенствомъ чести, а не власти, т. е., что преимущества Римскаго престола не давали Римскимъ епископамъ власти надъ другими самостоятельными церквами и ихъ предстоятелями, равно какъ и надъ всею вселенскою Церковію, это видно изъ многихъ правилъ вселенскихъ соборовъ.

Такъ, въ 3-мъ правилѣ Второго Вселенскаго Собора преимущество Римскаго епископа прямо называется преимуществомъ чести. „Константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести по Римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ“. Правиломъ 28-мъ Четвертаго Вселенскаго Собора престолу Новаго Рима, т. е., Константинопольскому, предоставлены были, согласно правилу Второго Вселенскаго Собора, преимущества, равныя съ престоломъ ветхаго Рима. Позднѣе это было подтверждено 36-мъ правиломъ Шестаго Вселенскаго Собора. Могли-ли бы вселенскіе соборы предоставить епископу Константинопольскому преимущества, *равныя* преимуществамъ Римскаго епископа, если бы послѣдній былъ главою вселенской Церкви? Единая вселенская Церковь не можетъ имѣть двухъ главъ. Что первенство Римскаго престола было первенствомъ чести, это видно изъ того, что Константинопольскій престолъ по-

ставленъ вторымъ, а Римскій первымъ, не смотря на то, что и тому даны преимущества *равныя* съ этимъ. Что съ преимуществами чести не соединялось преимуществъ власти, т. е., что Римскій епископъ, будучи первымъ, не имѣлъ, однако, никакой власти надъ епископами, поставленными ниже его, это видно еще изъ правила 36-го Шестого Вселенскаго Собора, которымъ опредѣляется слѣдующій порядокъ престоловъ главныхъ церквей: Римскій, Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій, Іерусалимскій. Извѣстно, что, напр., Константинопольскій епископъ не имѣлъ никакой власти надъ Іерусалимскимъ епископомъ и надъ его церковію, не смотря на то, что Константинопольскій престолъ поставленъ вторымъ, а Іерусалимскій пятымъ. Подобнымъ образомъ и Римскій епископъ не имѣлъ никакой власти надъ престолами церквей, поставленныхъ на второмъ, третьемъ и дальнѣйшихъ мѣстахъ. Это отношеніе между престолами главныхъ помѣстныхъ церквей можно сравнить съ отношеніемъ между родными братьями или сестрами въ семьѣ: старшій братъ имѣетъ первенство чести и старшинства предъ вторымъ, второй предъ третьимъ и т. д.; но старшій братъ не имѣетъ главенства власти ни надъ вторымъ, ни надъ каждымъ изъ прочихъ братьевъ, ни надъ всѣми ими въ совокупности; власть и главенство надъ всѣми ими, со включеніемъ старшаго брата, принадлежатъ родителямъ.

Что преимущества чести не давали власти надъ Церковію вселенскою, это особенно хорошо показываютъ подробности, сообщаемыя въ 28-мъ правилѣ Четвертаго Вселенскаго Собора, которое поэтому мы считаемъ нужнымъ привесть полностію. „Во всемъ послѣдуя опредѣленіямъ святыхъ отецъ и признавая читанное нынѣ правило ста пятидесяти боголюбезнѣйшихъ епископовъ, бывшихъ въ соборѣ во дни благочестивыя памяти Ѳеодосія въ царствующемъ градѣ Константинополѣ, новомъ Римѣ, тожде самое и мы опредѣляемъ и постановляемъ о преимуществахъ святѣйшія церкви тогожде Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому же побужденію и сто пятьдесятъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу но-

ваго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ царя и синклита и имѣющій *равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ будетъ возвеличенъ подобно тому* и будетъ вторый по немъ. Посему токмо митрополиты областей Понтійскія, Асійскія и Ѳракійскія и такожде у иноплеменниковъ вышереченныхъ областей да поставляются отъ вышереченнаго святѣйшаго престола святѣйшія Константинопольскія церкви: сирѣчь, каждый митрополитъ вышеупомянутыхъ областей съ епископами области должны поставлять епархіальныхъ епископовъ, какъ предписано Божественными правилами, а самые митрополиты вышеупомянутыхъ областей должны поставляемы быти, какъ речено, Константинопольскимъ архіепископомъ, по учиненіи согласнаго, по обычаю, избранія и по представленіи ему онаго".

Не смотря на то, что Константинопольскому престолу даны преимущества, равныя съ Римскимъ престоломъ, не смотря на то, что въ церковныхъ дѣлахъ Константинопольскому престолу предоставляется возвеличиваться подобно римскому; однако власть Константинопольскаго епископа, выражавшаяся въ поставленіи митрополитовъ, этимъ же правиломъ ограничена предѣлами только одной Константинопольской церкви съ принадлежащими къ ней церковными областями. Надъ церквами Александрійской, Антіохійской и Іерусалимской, не смотря на то, что страны, въ которыхъ онѣ находились, были подчинены Константинополю въ государственномъ отношеніи, и не смотря на то, что престолы этихъ церквей были ниже Константинопольскаго въ порядкѣ чести, Константинопольскому епископу никакой власти не предоставлено; и онъ дѣйствительно не имѣлъ ея и до селѣ не имѣетъ. Не ясно-ли, что не было дано никакой власти надъ ними и римскому епископу?

Правда, правила предоставили Константинопольскому престолу только второе мѣсто, а первое оставалось за Римскимъ престоломъ; но при преимуществахъ чести кто нибудь непремѣнно долженъ быть первымъ. Первенство чести и оставлено за Римскимъ престоломъ, потому что онъ получилъ его раньше, такъ какъ Римъ былъ столицею раньше Константинополя. Тѣмъ не менѣе и Константинопольскому престолу даны преимущества, *равныя* съ Римскимъ пре-

столомъ и ему предоставлено возвышаться въ церковныхъ дѣлахъ *подобно* Римскому престолу. Вотъ это-то равенство преимуществъ Константинопольскаго престола съ Римскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поставленіе Константинопольскаго престола на второмъ мѣстѣ особенно ясно показываютъ, что первенство Римскаго престола отнюдь не было главенствомъ надъ Церковію. А иначе развѣ могли бы быть Константинопольскому престолу предоставлены преимущества, равныя съ Римскимъ престоломъ, и отцы соборовъ развѣ могли бы высказать желаніе, чтобы Константинопольскій престолъ въ дѣлахъ церковныхъ возвысился такъ же, какъ престолъ Римскій? Слыханное-ли и мыслимое-ли дѣло подчиненному давать преимущества чести, равныя съ начальствующимъ надъ нимъ? Желать, чтобы подчиненный возвеличился въ дѣлахъ, подобно начальствующему, значитъ желать такихъ отношеній, при которыхъ невозможны ни порядокъ, ни миръ, ни благоустройство.

Вотъ эти-то преимущества чести и сопровождавшая ихъ сила вліянія на церковныя дѣла и воспитали мало-по-малу въ римскихъ епископахъ духъ высокомѣрія, честолюбія и властолюбія. Постепенно стали они усвоять привычку смотрѣть на предстоятелей другихъ важныхъ помѣстныхъ церквей надменно, свысока, подобно тому, какъ и вообще столичные жители склонны относиться къ провинціаламъ съ высокомѣріемъ; а худшіе изъ папъ стали при случаѣ обнаруживать притязанія на власть надъ неподчиненными имъ церквами и ихъ предстоятелями и вмѣшивались въ дѣла этихъ церквей.

Кромѣ того, притязаніямъ папъ на главенство сильную поддержку оказали подложныя сочиненія, въ которыхъ возвеличивались Римскій престолъ и права римскихъ папъ и которыя въ теченіе многихъ вѣковъ были признаваемы подлинными сочиненіями; таковы Климентины и Лжеисидоровскія декреталіи. Такія сочиненія и въ папахъ, и въ духовенствѣ, и въ ученыхъ, и въ народахъ западныхъ странъ укореняли убѣжденіе въ законности притязаній папъ на главенство.

Что притязанія папъ на власть надъ другими церквами и ихъ вмѣшательство въ дѣла другихъ церквей были незаконны, это видно изъ того, что эти притязанія были от-

вергаемы епископами и соборами, а также были изобличаемы высокомѣріе и властолюбіе папъ, какъ источники этихъ притязаній. Представимъ нѣсколько примѣровъ.

При спорахъ о времени празднованія Пасхи, бывшихъ во 2-мъ вѣкѣ, папа Викторъ хотѣлъ было объявить еретиками малоазійскихъ епископовъ, праздновавшихъ Пасху не въ одно время съ Римскою церковію; но не нашелъ поддержки даже среди западныхъ епископовъ. Поэтому онъ не только не привелъ своей угрозы въ исполненіе, но даже не могъ склонить малоазійскихъ епископовъ къ тому, чтобы они праздновали Пасху въ одинъ день съ Римскою церковію.

Святый Кипріанъ Карѳагенскій въ 3-мъ вѣкѣ возсталъ противъ требованія папы Стефана не перекрещивать еретиковъ. Слова изъ письма папы къ нему онъ называетъ слишкомъ высокомѣрными, не относящимися къ дѣлу, самопротиворѣчивыми, необдуманно и неискусно написанными. Стефана онъ титулуетъ: „братъ нашъ“ [1]). Могъ-ли бы Кипріанъ называть папу братомъ, сталъ-ли бы онъ вооружаться противъ его мнѣнія и рѣшился-ли бы онь называть его слова высокомѣрными, если бы папа былъ дѣйствительнымъ главою Церкви, а не претендентомъ, незаконнымъ и непризнаннымъ, на самовластное обращеніе съ предстоятелями неподчиненныхъ ему церквей? Кипріанъ же порицалъ предъ цѣлымъ соборомъ Стефана за то, что онъ называлъ себя епископомъ епископовъ. Кипріанъ говорилъ, что никто изъ епископовъ не долженъ принуждать повиноваться себѣ другаго епископа, что каждый епископъ можетъ имѣть собственное мнѣніе, что епископъ не можетъ судить другого епископа и самъ не можетъ быть судимъ другимъ епископомъ. Если бы папа былъ главою Церкви, то, безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ бы право судить любаго епископа. Поэтому слова Кипріана ясно показываютъ, что Римскій епископъ имѣлъ не больше власти, чѣмъ прочіе епископы, что главою Церкви его не признавали, и онъ не былъ главою Церкви и въ дѣйствительности. Сила словъ Кипріана увеличивается тѣмъ, что онъ признанъ святымъ и на Западѣ, равно какъ и на Востокѣ.

[1]) Письмо къ Помпею противъ письма Стефана о крещеніи еретиковъ (въ началѣ). Братомъ и сослужителемъ своимъ Римскаго епископа называютъ и отцы Карѳагенскаго собора (Правило 33).

Достойно вниманія еще слѣдующее событіе, о которомъ разсказывается въ Посланіи Карѳагенскаго собора къ епископу римскому. Епископъ Фавстинъ, мѣстоблюститель Римскаго епископа Вонифатія, представилъ на Карѳагенскій соборъ письмо, въ которомъ собору предлагались правила о перенесеніи судныхъ дѣлъ отъ епархіальнаго епископа къ римскому и къ сосѣднимъ епископамъ, и правила эти названы правилами Никейскаго (перваго) Вселенскаго Собора [1]). Отцы Карѳагенскаго собора заявили Фавстину, что въ имѣющихся у нихъ спискахъ правилъ Никейскаго собора они таковыхъ правилъ не находятъ и, для разрѣшенія сомнѣнія, положили истребовать вѣрные списки правилъ Никейскаго собора отъ епископовъ Антіохійскаго, Александрійскаго и Константинопольскаго; а чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ своемъ повиновеніи правиламъ Никейскаго собора, изрекли слѣдующее первое правило своего собора: „опредѣленія Никейскаго собора всемѣрно да соблюдаются“. Но этимъ не ограничился отпоръ, данный отцами собора притязаніямъ епископа римскаго на вмѣшательство въ дѣла Карѳагенской церкви. Соборъ написалъ и препроводилъ весьма характерное посланіе къ папѣ Целестину, въ которомъ раскрываются обстоятельства слѣдующаго дѣла. Папа, вопреки соборнымъ правиламъ, принялъ въ общеніе нѣкоего пресвитера Карѳагенской церкви Апіарія, отлученнаго этою церковію за развратъ. Упомянутый Фавстинъ привезъ этого Апіарія въ Карѳагенъ, просилъ соборъ опять изслѣдовать его дѣло и при разбирательствѣ дѣла оказывалъ Апіарію явное и несправедливое покровительство, а въ отношеніи собора держалъ себя не почтительно. Къ счастію Апіарій во время судоговоренія нечаянно самъ признался въ своихъ гнусныхъ дѣлахъ. Излагая это въ посланіи къ папѣ, соборъ пишетъ еще слѣдующее: „Фавстинъ сильно противостоялъ всему собору, нанося ему различныя оскорбленія, аки бы защищая преимущества Римской церкви и желая, чтобы принятъ былъ нами въ общеніе Апіарій, котораго твоя святыня пріяла въ общеніе, повѣривъ его жалобѣ, коея онъ не могъ доказать“... „Исполнивъ долгъ подобающаго почитанія, умоляемъ васъ, госпо-

[1]) На самомъ дѣлѣ это были правила помѣстнаго собора Сардикійскаго.

дине брате, дабы вы впредь не допускали легко до вашего слуха приходящихъ отселѣ и не соизволяли впредь пріимати въ общеніе отлученныхъ нами: ибо твоя досточтимость удобно обрящетъ, яко сіе самое опредѣлено и Никейскимъ Соборомъ"... „Которые въ своей епархіи отлучены отъ общенія, да не явятся воспріемлемыми въ общеніе твоею святынею съ намѣреніемъ, и якоже не подобаетъ"... „Не возбранено сіе для Африканскія церкви никакимъ опредѣленіемъ отцовъ; да и опредѣленія Никейскаго Собора, какъ клириковъ низшей степени, такъ и самыхъ епископовъ, явнымъ образомъ, обратно отсылаютъ къ собственнымъ ихъ митрополитамъ. Разумно и праведно призналъ онъ, что какія бы ни возникли дѣла, они должны оканчиваемы быти въ своихъ мѣстахъ. Ибо отцы судили, что ни для единыя области не оскудѣваетъ благодать Святаго Духа, чрезъ Котораго правда іереями Христовыми и зрится разумно, и содержится твердо, и наипаче, когда каждому, аще настоитъ сомнѣніе о справедливости рѣшенія ближайшихъ судей, позволено приступати къ соборамъ своея области и даже къ вселенскому собору. Развѣ есть кто либо, который бы повѣрилъ, что Богъ нашъ можетъ единому токмо нѣкоему вдохнути правоту суда, а безчисленнымъ іереямъ, собравшимся на соборъ, откажетъ въ ономъ?"... „О томъ, чтобы нѣкіе, аки бы отъ ребра твоея святыни, были посылаемы, мы не обрѣтаемъ ни единаго собора отцовъ [1]). Ибо, что прежде отъ васъ, чрезъ этогожде соспискона нашего Фавстина, прислано было къ намъ, аки бы изъ постановленій Никейскаго Собора, того мы никакъ не могли обрѣсти въ вѣрнѣйшихъ спискахъ правилъ сего Собора, съ подлинниковъ снятыхъ"... „Итакъ, не соизволяйте по просьбѣ нѣкоторыхъ посылати сюда вашихъ клириковъ изслѣдователями, и не попускайте сего, да не явимся мы вносящими дымное надменіе міра въ Церковь Христову, которая желающимъ зрѣти Бога приноситъ свѣтъ простоты и день смиренномудрія".

Это по истинѣ незабвенныя, золотыя слова! Отцы собора точно предвидѣли, что папы и впредь будутъ страдать не-

---

1) Рѣчь о присланныхъ изъ Рима правилахъ, невѣрно названныхъ правилами Перваго Вселенскаго Собора.

дугомъ столичной и мірской надменности, что имъ будетъ чуждо христіанское смиреніе, что они будутъ вмѣшиваться въ дѣла неподвѣдомыхъ имъ церквей, нарушать правила вселенскихъ соборовъ и древніе обычаи, выдавать подложные документы за подлинные, заявлять притязанія на главенство надъ всею Церковію, даже объявятъ себя непогрѣшимыми. Въ лицѣ папы Целестина отцы Карѳагенскаго собора учтиво, но твердо и настойчиво дали наставленіе всѣмъ папамъ не вмѣшиваться въ дѣла независящихъ отъ нихъ церквей, не нарушать соборныхъ правилъ и церковныхъ обычаевъ, не выдавать подложныхъ документовъ за настоящіе, отторгнуть отъ себя духъ мірской гордости и самопревозношенія и научиться подражать Христу въ смиреніи и простотѣ, не мнить себя непогрѣшимыми. Посланіе Карѳагенскаго собора ясно показываетъ, что въ 5-мъ вѣкѣ папа не былъ главою даже и западныхъ церквей, и что притязанія нѣкоторыхъ папъ того времени на расширеніе своей власти за предѣлами своей церкви встрѣчали рѣшительный отпоръ на Западѣ же, въ тѣхъ церквахъ, въ дѣла которыхъ папы осмѣливались вмѣшиваться. Изъ этого посланія видно также, что не только вселенскіе, но даже и областные соборы были признаваемы по власти выше папъ.

Даже и правила Сардикійскаго собора, 3-е, 4-е и 5-е, которыя были заявлены на Карѳагенскомъ соборѣ въ письмѣ папы и которыми предоставлялось папѣ право назначать пересмотръ дѣлъ о епископахъ, низложенныхъ областнымъ соборомъ, показываютъ, что власть папы во времена этого собора признавалась только въ нѣкоторыхъ церквахъ Запада. А если бы папа былъ главою надъ всею Церковію, то имѣлъ-ли бы право помѣстный Сардикійскій соборъ опредѣлять права папы по разсмотрѣнію дѣлъ о низверженныхъ епископахъ? Да и зачѣмъ бы онъ сталъ предоставлять папѣ права, которыя папа и безъ того имѣлъ, если бы, то есть, онъ былъ главою Церкви?

Но, не смотря на воспретительныя правила вселенскихъ соборовъ и на энергическіе протесты епископовъ другихъ церквей и помѣстныхъ соборовъ, папы, пользуясь многими благопріятными обстоятельствами, мало-по-малу осуществили свои властолюбивые планы и подчинили себѣ всѣ церкви Запада.

Не довольствуясь главенствомъ надъ церквами Запада, папы употребляли всевозможныя мѣры, чтобы подчинить себѣ и восточныя православныя церкви. Не прекратились ихъ домогательства на обладаніе православнымъ Востокомъ даже и до настоящаго времени, какъ показываетъ это и обсуждаемая нами энциклика папы Льва XIII. Возсоединеніе церквей съ Латинскою церковію, котораго папа желаетъ и которое онъ предлагаетъ имъ, не есть братское соединеніе двухъ церквей, при которомъ бы каждая изъ нихъ, согласно древнимъ церковнымъ обычаямъ и правиламъ вселенскихъ соборовъ, оставалась самостоятельною и независимою отъ другой, а есть подчиненіе ихъ папѣ. Къ счастію, домогательства папъ подчинить себѣ православный Востокъ посредствомъ такъ называемаго соединенія православныхъ церквей съ Латинскою церковію доселѣ не имѣли успѣха. Папамъ удавалось подчинить себѣ только немногія и небольшія части Православной церкви, напр., Литовцевъ, Бѣлоруссовъ, Галичанъ. Будемъ надѣяться, что Православная церковь и въ послѣдующія времена будетъ всегда отвѣчать отказомъ на призывы папъ къ соединенію съ Латинскою церковію, которое есть въ сущности не соединеніе на правахъ равенства и взаимной независимости другъ отъ друга и самостоятельности, а рабское подчиненіе папѣ, которое неизбѣжно привело бы ее къ тому, что она мало-по-малу утратила бы свою истинную православную вѣру, олатинилась бы.

Папы не только приписали себѣ главенство надъ Церковію и непогрѣшимость въ рѣшеніи дѣлъ церковныхъ, но и присвоили себѣ мірскую власть. Получивши нѣкогда въ даръ землю, окружающую Римъ и названную потомъ Папской областію, папы мало-по-малу утвердились въ убѣжденіи, что свѣтская власть, владѣніе царствомъ есть ихъ неотъемлемое право. Въ этомъ опять таки обнаружились ихъ надменность, властолюбіе, мірской духъ и забвеніе основныхъ истинъ христіанской вѣры, нравственности и церковныхъ обычаевъ и порядковъ. Сдѣлавшись свѣтскими владыками, папы нарушили свой епископскій долгъ подражанія Христу, Который сказалъ Пилату: *Царство Мое не отъ міра сего* (Іоан. 18, 36) [1]), и долгъ подражанія Апо-

[1]) О свѣтской власти папъ говорится во второмъ Прибавленіи къ сочи-

столамъ, которымъ Іисусъ Христосъ, посылая ихъ на проповѣдь, заповѣдалъ соблюдать совершенную нестяжательность (Матѳ. 10, 9, 10), и которые дѣйствительно ничего не имѣли (2 Кор. 6, 4—10). Вмѣстѣ съ тѣмъ папы отступили отъ всегдашней и повсемѣстной практики древней вселенской Церкви; такъ какъ никто изъ епископовъ, кромѣ папъ, никогда не имѣлъ мірскаго царства, да и сами папы въ продолженіе многихъ вѣковъ не были обладателями земнаго царства. Отцы Карѳагенскаго собора какъ будто предвидѣли, что папы, кромѣ незаконныхъ притязаній на владычество надъ церквами, будутъ предъявлять права на обладаніе земнымъ царствомъ. „Да не явимся мы, писали они папѣ, вносящими дымное надменіе міра въ Церковь Христову“. И Третій Вселенскій Соборъ, воспрещая 8-мъ своимъ правиломъ епископамъ простирать власть на епархію, которая прежде и сначала не была подъ рукою ихъ или ихъ предшественниковъ, присовокупилъ: „да не преступаются правила отецъ, да не вкрадывается, подъ видомъ священнодѣйствія, *надменность власти мірскія*“. Вопреки этому папы утверждаютъ, будто свѣтскія владѣнія имъ необходимы для лучшаго достиженія цѣлей религіозныхъ.

И какая же судьба постигла папскія владѣнія? Что случилось съ мірскою властію папъ?

Не чужіе, или иновѣрные народы, а собственные сыны Латинской церкви отняли у главы своего его область, не оставивши ему даже и одного Рима. Папскія войска, отбивая нападеніе французовъ и итальянцевъ, проливали кровь своихъ братьевъ по вѣрѣ и по крови. Почему папа не приказалъ своимъ воинамъ положить оружіе и не предотвратилъ безполезнаго кровопролитія? Папа признаетъ себя преемникомъ Петра, а забылъ слова, сказанныя Христомъ Петру: *Возврати мечъ твой въ его мѣсто; ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ* (Матѳ. 26, 52). И теперешній папа, преемникъ Пія IX, при которомъ это произошло,

---

пенію А. Н. Муравьева: „Слово Каѳолическаго православія римскому католичеству“, подъ заглавіемъ: *„О наслѣдіи Святаго Петра или державной области папской;* въ статьяхъ Н. К. Соколова: *О мірской власти епископовъ Римскихъ,* въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцовъ, ч. 18. 1959 г., и А. Воронова: *О происхожденіи свѣтской власти папъ,* въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1862 г. №№ 1 и 2.

не можетъ примириться съ мыслію, что у него нѣтъ мірскихъ владѣній, и враждуетъ противъ свѣтскаго правительства того народа, среди котораго самъ живетъ и который исповѣдуетъ латинскую вѣру.

Должно упомянуть, что ученія о главенствѣ надъ Церковію, о непогрѣшимости и о свѣтской власти папъ собственно не относятся къ вѣроученію, суть ученія по самому предмету своему не догматическія, а каноническія, правильнѣе сказать, противо-каноническія. Но сами латиняне ученія о главенствѣ и о непогрѣшимости папъ признаютъ догматами, а потому и въ полемикѣ противъ латинянъ необходимо обращать на эти ученія самое серьезное вниманіе. Можно сказать даже болѣе: эти ученія имѣютъ первостепенную важность, такъ какъ они оказываютъ огромное вліяніе на вѣроученіе, нравоученіе, управленіе и вообще на весь строй, характеръ и духъ Латинской церкви, на составъ ея ученія и на направленіе ея жизни и дѣйствованія. По силѣ своего вліянія эти ученія гораздо важнѣе догматическихъ заблужденій латинянъ, напр., ученія объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына, ученія о непорочномъ зачатіи Богоматери и др.; а такъ какъ ученія о главенствѣ и непогрѣшимости папъ въ то же время лживы, то при своей вліятельности они опаснѣе и вреднѣе догматическихъ заблужденій Латинской церкви. Не даромъ наши старинные полемисты ученіе о главенствѣ папы признавали „всему злу главизной“. Еще болѣе опаснымъ и вредоноснымъ стало ученіе о главенствѣ папъ теперь, когда къ нему присоединилось завершающее его ученіе о непогрѣшимости папъ. Принявши это безразсудное ученіе и объявивши его даже догматомъ, папы поставили свою церковь на путь еще болѣе опасный и скользкій, чѣмъ тотъ, по которому она шла до провозглашенія этого догмата. Вотъ почему мы обратили особенное вниманіе на ученія о главенствѣ и о непогрѣшимости папъ. Что касается до ученія о свѣтской власти папъ, то оно менѣе вредно и менѣе заслуживаетъ вниманія.

Вотъ сколько новшествъ допущено Латинскою церковію, а лучше сказать, папами. Новшества эти весьма существенны: они представляютъ весьма важныя измѣненія вѣры и устройства древней вселенской Церкви. Иное латинянами

прибавлено, иное отвергнуто, иное извращено. Эти прибавленія, измѣненія и отступленія не могутъ быть оправданы ни Священнымъ Писаніемъ, ни ученіемъ святыхъ отцовъ, ни опредѣленіями и правилами соборовъ, ни практикою всей вселенской Церкви первыхъ девяти вѣковъ, ни, наконецъ, даже здравымъ разумомъ; а иныя изъ нихъ даже явно противорѣчатъ и Священному Писанію, и Священному Преданію, и практикѣ древней вселенской Церкви, и свидѣтельствамъ исторіи, и здравому смыслу. Всѣ добавленія, измѣненія и отступленія въ вѣрѣ и церковномъ устройствѣ сравнительно съ вѣрою и устройствомъ древней вселенской Церкви Латинская церковь произвела безъ согласія съ православными восточными церквами. Съ этими церквами она порвала общеніе,—порвала безъ достаточныхъ основаній, самочинно и произвольно и потому незаконно. Будучи сама виновной въ злѣ раздѣленія Церкви, она нисколько не сознаетъ этой вины, и даже сваливаетъ эту вину на Восточную Церковь, несправедливо называя ее схизматическою церковію, между тѣмъ какъ послѣдняя вѣруетъ и всегда вѣровала совершенно согласно съ вселенскою Церковію первыхъ девяти вѣковъ. Все это ясно показываетъ, что Латинская церковь, руководимая папами, въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ учила и дѣйствовала такъ, какъ учили и поступали тѣ, которыхъ древняя вселенская Церковь за такой образъ ученія и способъ дѣйствованія признавала еретиками и раскольниками, изобличала и осуждала ихъ, отлучала отъ общенія съ собою, анаѳематствовала.

Говорить-ли о другихъ многочисленныхъ нововведеніяхъ, допущенныхъ папами въ вѣроученіи, въ церковномъ устройствѣ и управленіи и въ Богослуженіи? Правда, эти догматическія, или догматико-богословскія, каноническія и литургическія особенности менѣе важны, нежели разсмотрѣнныя; однако позволимъ себѣ напомнить латинянамъ, что древняя вселенская Церковь не относилась безразлично и къ менѣе важнымъ отступленіямъ отъ общепринятыхъ и общеобязательныхъ ученій, правилъ, порядка и обычаевъ. Такъ, Шестой Вселенскій Соборъ осуждаетъ нѣкоторые обычаи Римской церкви, напр., обязательное безбрачіе священниковъ, постъ въ субботу, даже угрожая отлученіемъ за субботній постъ. Уже самая многочисленность нововведеній

догматическихъ, каноническихъ и литургическихъ, допущенныхъ Латинскою церковію, показываетъ, какъ далеко отступила она отъ чистоты православной истины древней вселенской Церкви.

И мало того, что Латинская церковь допустила противныя православной истинѣ вселенской Церкви прибавленія, измѣненія и убавленія, но и все ея вѣроученіе, богословствованіе и практика пропитаны мірскими началами—фанатическою нетерпимостію, одностороннимъ юридизмомъ и даже раціонализмомъ и находятся подъ тяжкимъ гнетомъ папистическаго деспотизма. Это неоднократно было раскрываемо въ сочиненіяхъ лучшихъ богослововъ Православной Русской церкви: Архіепископа Никанора, профессора Н. Я. Бѣляева, протоіерея А. А. Лебедева, протоіерея А. М. Иванцова, генерала А. А. Кирѣева, а также А. С. Хомякова и другихъ славянофиловъ. Нельзя не опасаться, что этотъ мірской, неевангельскій духъ нетерпимости, деспотизма, юридизма и раціонализма и въ грядущія времена будетъ приводить латинянъ къ новымъ и новымъ отступленіямъ отъ православія вселенской Церкви, тѣмъ болѣе, что новый догматъ о папской непогрѣшимости открываетъ произволу папъ совершенно безграничный просторъ, какого они не имѣли прежде.

Представимъ въ заключеніе, для наглядности, вкратцѣ различіе между теперешнею Латинскою и древнею вселенскою Церковію въ видѣ параллели.

Древняя вселенская Церковь не имѣла догмата объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына: Латинская церковь исповѣдуетъ его; древняя Церковь запретила дѣлать какія бы то ни было прибавки къ Символу: Латинская церковь внесла въ него Filioque; древняя Церковь совсѣмъ не знала ученія о непорочномъ зачатіи Богоматери: Латинская церковь изобрѣла это ученіе и объявила его догматомъ; въ древней Церкви никто никогда не слыхалъ о почитаніи сердца Іисусова: Латинская церковь изобрѣла это ученіе и почитаніе [1]); въ древней Церкви крещеніе совершалось чрезъ погруженіе

[1]) Подробно это ученіе изложено и опровергнуто въ сочиненіи протоіерея А. Лебедева: *„О латинскомъ культѣ сердца Іисусова, или разности въ способахъ воззрѣнія и въ ученіи о любви церквей Восточной и Западной.* Полемико-догматическое изслѣдованіе. Варшава. 1882 г.

и только въ крайности было дозволено обливаніе: Латинская церковь безъ всякой надобности исключеніе сдѣлала правиломъ, а правило отвергла [1]); древняя Церковь всѣхъ христіанъ причащала Тѣломъ и Кровью Христа: Латинская церковь мірянъ причащаетъ только Тѣломъ; древняя Церковь причащала квасным хлѣбомъ: Латинская церковь причащаетъ опрѣсноками; древняя Церковь вѣровала, что преложеніе даровъ совершается во время призыванія Святаго Духа: Латинская церковь учитъ, что преложеніе совершается во время произнесенія евхаристическихъ словъ Іисуса Христа; древняя Церковь эпитиміямъ придавала значеніе исправительное: Латинская церковь приписываетъ имъ значеніе карательное; древняя Церковь не учила ни о сверхдолжныхъ заслугахъ святыхъ, ни о чистилищѣ: Латинская церковь приняла эти ученія; древняя Церковь была управляема соборами, — вселенскими, помѣстными, областными: Латинскою церковію управляетъ папа, и отъ соборнаго устройства и управленія древней Церкви въ ней осталась одна тѣнь; древняя Церковь состояла изъ независимыхъ одна отъ другой, самостоятельныхъ частныхъ церквей: папы уничтожили самостоятельность и независимость всѣхъ западныхъ церквей, всѣ ихъ слили въ одну Латинскую, или папистическую, или такъ называемую Римско-католическую церковь и подчинили ее своей власти; древняя Церковь запрещала епископамъ простирать свою власть на епархіи, которыя прежде и сначала не были подъ ихъ рукою или подъ рукою ихъ предшественниковъ: папы подчинили себѣ не епархіи только, а цѣлыя церкви на всемъ Западѣ, которыя прежде не были подъ рукою папъ, и усиливаются захватить и всѣ восточныя церкви; въ древней Церкви папа не былъ признаваемъ главою вселенской Церкви и въ дѣйствительности не былъ главою ея: въ Латинской церкви папа признается главою ея и дѣйствительно подчинилъ ее своей власти, а сами папы считаютъ себя главою всего

---

[1]) О дѣйствительности крещенія „поливательнаго“ сочиненіе Ѳеофана Прокоповича, выдержавшее въ прошломъ столѣтіи три изданія, подъ заглавіемъ: *Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ*... 1-е изд. Спб. 1724 г.; Іеромонаха Михаила *О крещеніи чрезъ погруженіе и обливаніе* въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцевъ“. 1855 г. Ч. 14.

христіанскаго міра и ученіе о своемъ главенствѣ провозгласили догматомъ; въ древней Церкви никто и никогда не признавалъ папъ непогрѣшимыми, даже и сами они не считали себя непогрѣшимыми: въ Латинской церкви непогрѣшимость папъ теперь признана догматомъ; въ древней Церкви никто и не думалъ приписывать Римскимъ и инымъ епископамъ право на свѣтскую власть, сами Римскіе епископы не приписывали себѣ этого права, и въ дѣйствительности никто изъ Римскихъ и иныхъ епископовъ не имѣлъ свѣтскихъ владѣній: въ Латинской церкви папы имѣли свою область, не хотѣли отдать ее добровольно и въ принципѣ они признаютъ своимъ законнымъ правомъ и принадложностію своего сана обладаніе мірскимъ царствомъ; древняя Церковь не придавала никакой важности Вульгатѣ: Латинская церковь признала этотъ переводъ Библіи самоподлиннымъ текстомъ; древняя Церковь проповѣдывала Евангеліе и совершала Богослуженіе на всякихъ языкахъ, чтобы всѣмъ были понятны Писаніе, проповѣдь, Богослуженіе: Латинская церковь имѣетъ Библію и совершаетъ Богослуженіе на мертвомъ, непонятномъ латинскомъ языкѣ, не смотря на то, что на немъ не было написано ни одной священной книги; древняя Церковь воспретила обязывать духовныхъ лицъ безбрачіемъ: Латинская церковь установила обязательное безбрачіе для всего духовенства [1]). Опускаемъ разности между древнею вселенскою и теперешнею Латинскою церковію менѣе существенныя.

Отступивши отъ древней вселенской Церкви во многомъ важномъ и во многомъ менѣе важномъ въ вѣроученіи, въ устройствѣ, въ управленіи и въ богослуженіи, измѣнивши древніе догматы, измысливши новые, уча и дѣйствуя во многомъ не согласно съ ученіемъ Писанія, правильно понимаемымъ, и даже вопреки Писанію, а также вопреки ученію и практикѣ древней вселенской Церкви, и упорствуя въ своихъ заблужденіяхъ, Латинская церковь стала еретической. Отдѣлившись-же отъ древней вселенской Церкви,

---

[1]) *Бракъ и безбрачіе лицъ духовныхъ*, Арх. Сергія въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцовъ. 1860 г. Ч. 19; *Целибатъ или обязательное безбрачіе римско-католическаго духовенства*, А. С. Виноградова въ Православномъ Обозрѣніи. 1880 г. № 6—7 и 1881 г. № 6—7.

отступивши отъ своей собственной матери—древней православной Римской церкви въ ученіи и практикѣ, живя въ разобщеніи съ Восточными православными церквами, Латинская церковь стала раскольническою. А главными виновниками еретичества или отпаденія Латинской церкви отъ православной истины и раскола ея или разобщенія съ православною Церковію были и теперь остаются папы.

Показавши еретичество Латинской церкви и въ особенности папъ и духовенства этой церкви, мы пролагаемъ правильный путь для принципіальнаго и практическаго рѣшенія вопроса о соединеніи Православной Церкви съ Латинскою, даемъ основу для твердаго и вѣрнаго рѣшенія вопросовъ о томъ, какъ православные должны отнестись къ призывамъ папы возсоединиться съ его церковію, каково должно быть истинное соединеніе церквей, и можно-ли имѣть хотя малую надежду на осуществимость въ настоящее время истиннаго соединенія Православной и Латинской церквей, или можно-ли разсчитывать, что если не теперь, то по крайней мѣрѣ въ будущемъ состоится это желанное соединеніе.

Если вы признаёте насъ раскольниками и еретиками, скажутъ намъ латиняне, то почему же вы не вразумляете насъ, почему не обращаете насъ въ свою вѣру, почему не хлопочете о томъ, чтобы присоединить насъ къ своей Церкви? Отвѣтъ на этотъ вопросъ у латинянъ всегда готовъ, всегда одинъ и тотъ же: Православная Церковь потому не хлопочетъ о соединеніи церквей, что она мертва, а мертва она потому, что давно живетъ въ расколѣ съ Латинскою церковію, которая, по ихъ мнѣнію, есть единая истинная и живая церковь. Не у однихъ латинянъ, а и у протестантовъ, вообще на всемъ Западѣ столь глубоко укоренилось и широко распространилось убѣжденіе въ мертвенности Православной Церкви, что едва-ли можно сомнѣваться въ искренности латинянъ, когда они упрекаютъ Православную Церковь въ безжизненности. Но этотъ взглядъ на нашу Церковь не вѣренъ; онъ есть плодъ церковной и всякой иной вражды Запада къ Востоку, плодъ самомнѣнія Запада и совершеннаго незнанія имъ Востока; этотъ взглядъ есть ложь и предразсудокъ, а не безпристрастная истина. Уже одно то, что православный Востокъ сохранилъ въ неприкосновенности и чистотѣ воспринятую имъ

отъ древней Церкви вѣру, свидѣтельствуетъ о жизненности и цвѣтущемъ здоровьѣ тѣла Православной Церкви. И это не смотря на тяжкое иго мухаммеданства, которое давитъ православный Востокъ вотъ уже много вѣковъ. Въ частности и Россія цѣлые два вѣка страдала подъ гнетомъ полудикой монгольской орды. Безчисленныя орды желтой расы и фанатичныхъ послѣдователей лжепророка были задержаны православными народами Востока и не разлились, подобно всесокрушающимъ волнамъ бурнаго многоводнаго потока, по странамъ Запада. Востокъ страдалъ, а Западъ, защищенный отъ нашествія варваровъ, какъ бы плотиною, христіанскими народами Востока, благоденствовалъ. Не удивительно, что Западъ далеко опередилъ Востокъ въ развитіи всѣхъ сторонъ жизни, и въ частности въ богословіи. Но въ томъ особенно и сказалась жизненность и необыкновенная твердость православной вѣры, что народы Востока сохранили ее и ея мощною силою спасли себя, свою національность, а нѣкоторые изъ нихъ, именно Русскіе, даже вышли побѣдителями изъ этой гигантской борьбы, и теперь уже сами распространяютъ свѣтъ христіанства между потомками прежнихъ своихъ властителей. Русскій народъ въ борьбѣ съ Монголами спасенъ отъ окончательнаго уничтоженія и отъ политической смерти преимущественно силою православной вѣры, духовнымъ могуществомъ Православной Церкви. Преисполненный чувствами недовѣрія и нерасположенія къ Востоку, ослѣпленный лживыми вѣроисповѣдными ученіями, эгоистично погруженный въ свои интересы и потому равнодушный къ чуждымъ ему пользамъ Востока, напыщенный своимъ умственнымъ превосходствомъ предъ Востокомъ, Западъ ничего этого не знаетъ и не хочетъ знать, да пока и не имѣетъ возможности хорошо знать это, а потому продолжаетъ выкрикивать на разные лады все одинъ и тотъ же припѣвъ: Восточная церковь мертва, она безжизненный трупъ.

Называя Православную Церковь мертвою, люди Запада, между прочимъ, имѣютъ въ виду скудость богословской литературы на Востокѣ, которая можетъ казаться особенно жалкою въ сравненіи съ богатою богословскою литературою Запада. Безспорно, богословская производительность въ во-

сточныхъ церквахъ не значительна. Но это происходитъ вовсе не отъ того, что онѣ содержатъ не латинскую, а православную вѣру, а главнымъ образомъ отъ тѣхъ неблагопріятныхъ для развитія науки внѣшнихъ условій, въ которыхъ христіанскіе народы Востока долго находились, а иные доселѣ находятся. Однако уже и теперь въ русской богословской литературѣ есть такія творенія, которыя по талантливости и ученымъ достоинствамъ могутъ быть поставлены въ уровень съ лучшими произведеніями богословія Латинской церкви. Митрополитъ Платонъ, Иннокентій, Херсонскій, Филаретъ Московскій, Макарій, Митрополитъ Московскій, какъ богословы-писатели, не ниже Боссюэта. Но латиняне ихъ не знаютъ и не желаютъ знать. Какъ и во многомъ другомъ, широта и безпристрастіе православной истины и вѣроисповѣдная односторонность и оцѣпенѣлая узость латинства обнаруживаются въ томъ, что мы, православные, не пренебрегаемъ изучать творенія французскихъ Боссюэтовъ, а латиняне не по незнанію только русскаго языка, а вслѣдствіе пренебреженія ко всему православному не удостоиваютъ и заглянуть въ творенія русскихъ Боссюэтовъ.

Латиняне не знаютъ насъ [1]), презираютъ насъ, ненавидятъ насъ [2]), и намъ же поставляютъ въ вину, что мы не хлопочемъ о соединеніи церквей. Элементарное благоразуміе требуетъ хлопотать о какомъ нибудь дѣлѣ только тогда, когда есть хотя малая надежда на успѣхъ. Но найдется-ли хотя одинъ православный человѣкъ, столь наивный и простодушный, который повѣрилъ бы, что въ настоящее время можно достигнуть какого нибудь успѣха въ попыткахъ присоединить Латинскую церковь, или даже только часть ея, къ Православной церкви.

Какія мѣры можетъ предпринять Православная Церковь для вразумленія латинянъ и для подготовленія ихъ къ соединенію съ нею? Писать полемическія сочиненія противъ латинянъ? Богословы ея въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ написали не сотни, а тысячи сочиненій, въ которыхъ доказывали „неправости“ папежской вѣры. Но эти сочиненія

---

1) Для васъ безмолвны Кремль и Прага (Стихъ Пушкина).

2) И ненавидите вы насъ. Пушкинъ.

приносили и доселѣ приносятъ только ту пользу, что они поставляютъ препону латинской пропагандѣ среди православныхъ, предохраняютъ послѣднихъ отъ совращенія въ латинство. А что касается до латинянъ, то они слишкомъ горды и слишкомъ презираютъ насъ, чтобы они стали читать эти сочиненія, и слишкомъ предубѣждены противъ насъ, чтобы, читая ихъ, могли вразумиться и перейти изъ своей вѣры въ православную. Отдѣльныя лица изъ латинянъ, конечно, обращались иногда въ православіе. Какъ бы то ни было, но полемическая литература Востока противъ Латинской вѣры на столько значительна, что по ней уже никакъ нельзя составить понятіе о Православной Церкви, какъ будто бы она безжизненна.

Не послать-ли православныхъ миссіонеровъ въ Австрію и Баварію, въ Италію и Испанію, во Францію и Ирландію, а также и въ Америку, чтобы они на улицахъ и площадяхъ, въ селахъ и городахъ проповѣдывали православное ученіе и доказывали превосходство его предъ латинскою вѣрою? Но какой изъ этого будетъ прокъ? Напр., въ Австріи этихъ миссіонеровъ засадятъ въ тюрьму, или вышлютъ за границу; еще худшей участи могутъ они подвергнуться въ Италіи и въ Испаніи отъ тамошнихъ іезуитовъ; да и въ самыхъ свободныхъ странахъ, каковы Франція и Америка, православные миссіонеры не обошлись бы безъ напастей. Да что говорить о заграничныхъ царствахъ: даже въ подвластной Россіи Польшѣ ревнителямъ православія приходилось иногда очень и очень плохо. Разъ намъ случилось ѣхать по Брестской дорогѣ. Оказалось, что одинъ изъ попутчиковъ нѣсколько лѣтъ былъ въ услуженіи у ксендза. Мы начали спрашивать его, какъ живутъ ксендзы. „Разно, отвѣчалъ онъ: иные кутятъ и въ карты играютъ, а другіе ведутъ хорошую, строгую жизнь“. Строго живутъ, вѣроятно, старые? спросили мы. „Нѣтъ, это не отъ лѣтъ, а отъ характера зависитъ, отвѣчалъ онъ; есть и молодые хорошо живутъ“. Но интересно было не самое содержаніе разговора,—кто же не знаетъ, что среди ксендзовъ есть и хорошіе и дурные люди?—а то, что мой собесѣдникъ, не смотря на то, что говорилъ тихо, такъ что при грохотѣ мчавшагося поѣзда, могли слышать его только человѣка два—три, боязливо оглядывался по сторонамъ. Это

было не въ Польшѣ, а въ западномъ краѣ, гдѣ нибудь около Минска. Въ вагонѣ не было не только ни одного ксендза, но даже не замѣтно было, чтобы былъ хотя одинъ Полякъ. Притомъ же въ вагонѣ никто не могъ знать личности моего собесѣдника, уже довольно далеко отъѣхавшаго отъ мѣстожительства своего. Безъ сомнѣнія, не духовною силою Слова Божія ксендзы могли внушить такой страхъ къ себѣ. Русскіе безстрашны, какъ показали всѣ войны, въ которыхъ они участвовали. Но безстрашнымъ можно и выгодно быть только въ борьбѣ съ честнымъ врагомъ, который нападаетъ открыто; а поможетъ-ли храбрость въ борьбѣ съ врагомъ тайнымъ и коварнымъ, который не постыдится подстрѣлить изъ за угла. Папы мнятъ быть преемниками Петра, а почему-то мало они внушали польскимъ ксендзамъ слова Іисуса Христа, сказанныя Петру: *Возврати мечъ твой въ его мѣсто; ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ* (Матѳ. 26, 52)? И изъ нашихъ иные иногда обвиняютъ православное духовенство Западнаго края въ косности и недостаткѣ пастырской ревности, забывая или не зная, что тамъ не безопасно проявлять ревность по православію. Если въ такомъ невыгодномъ положеніи находится православіе въ сравненіи съ латинскою вѣрою даже въ Бѣлоруссіи, гдѣ православіе есть господствующее вѣроисповѣданіе, то могутъ-ли православные ожидать успѣха отъ своей проповѣди въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствующая вѣра есть латинская? Появленіе тамъ миссіонеровъ православія только усилило бы непріязнь къ намъ латинянъ и взаимное раздраженіе и недовольство и не подготовило бы, а скорѣе отдалило бы успѣхъ дѣла соединенія церквей.

Единственное, по нашему мнѣнію, дѣло, которое Православная Церковь въ настоящее время можетъ предпринять съ надеждою на нѣкоторый успѣхъ, это начать издавать на французскомъ языкѣ въ Парижѣ богословскій журналъ, главною задачею котораго было бы общедоступное изложеніе, теоретическое и историческое, православныхъ догматовъ, особенно тѣхъ, которые Латинская церковь понимаетъ иначе, нежели Православная Церковь, не правильно. Чрезъ этотъ журналъ Французы могли бы, если имъ угодно, знакомиться съ вѣроученіемъ, а также съ обрядами и обычаями Православной Церкви. Если какая изъ латинскихъ церквей

можетъ отнестись съ нѣкоторымъ вниманіемъ и благоволеніемъ къ проповѣди православія, такъ это именно церковь Французская. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ настоящее время Францію сближаютъ съ Россіею политическіе интересы: и независимо отъ политическихъ симпатій Французская церковь можетъ проявить болѣе сочувствія къ православію, нежели любая иная изъ латинскихъ церквей. Она всегда тяготилась опекою папской куріи, даже дѣлала попытки освободиться отъ ига Рима, и въ ней власть папы меньше, чѣмъ въ какой другой изъ латинскихъ церквей. И іезуиты никогда не имѣли въ ней столь сильнаго вліянія, какъ въ Италіи, или Испаніи. Пусть и не будетъ имѣть успѣха этотъ журналъ, все-таки нужно дать возможность Западу знакомиться съ православіемъ, чтобы онъ не могъ съ упрекомъ сказать Востоку: *Какъ вѣровать въ Того, о Комъ не слыхали? Какъ слышать безъ проповѣдующаго?* (Рим. 10, 14). *Исаія говоритъ: Господи! кто вѣровалъ слышанному отъ насъ?* (53, 1; Римл. 10, 16). А между тѣмъ онъ же отъ лица Бога говоритъ: *Цѣлый день Я простиралъ руки Мои къ народу непослушному и непокорному* (65, 2; Римл. 10, 21).

Какъ необходимо Православной Церкви имѣть свой богословскій органъ на Западѣ, это можно пояснить на примѣрѣ Синодальнаго и Патріаршаго Посланія Константинопольской Церкви, изданнаго недавно этою Церковію въ отвѣтъ на разсматриваемую нами энциклику папы Льва XIII. Доказавши въ этомъ Посланіи, что Восточная церковь исповѣдуетъ истинную вѣру, согласную съ Священнымъ Писаніемъ, Апостольскимъ Преданіемъ, ученіемъ святыхъ отцовъ и вѣроопредѣленіями и правилами Семи Вселенскихъ Соборовъ, и что, напротивъ, Западная Церковь съ 9-го вѣка и послѣ ввела у себя разныя еретическія ученія и новшества и отдѣлилась и удалилась отъ истинной и православной Христовой Церкви, патріархъ Анѳимъ и соборъ митрополитовъ въ заключеніе убѣждаютъ „Христолюбивые народы славныхъ странъ Запада обратиться и придти опять къ древнему и неповрежденному церковному ученію, чтобы достигнуть вѣчнаго спасенія во Христѣ“. Посланіе это —прекрасное, истинно апостольское; но спрашивается, какъ Христолюбивые народы Запада могутъ ознакомиться съ его со-

держаніемъ? Вѣдь не станутъ же богословы Латинской церкви переводить и печатать на страницахъ своихъ журналовъ это Посланіе? Имъ гораздо выгоднѣе замолчать его. Не станутъ печатать его и въ протестантскихъ журналахъ; потому что хотя оно направлено собственно противъ новшествъ Римской церкви, но нѣкоторыя изъ этихъ новшествъ, какъ, напр., ученіе объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына, приняты и протестантами, и притомъ протестанты не любятъ православныхъ не меньше, нежели латинянъ. Такимъ образомъ Патріаршее Посланіе, обращенное къ народамъ Запада, не дойдетъ до нихъ. Они не только не узнаютъ содержанія его, но не услышатъ и о самомъ существованіи его. А если бы Православная Церковь имѣла свой печатный органъ на Западѣ, издаваемый на общераспространенномъ, т. е., французскомъ, языкѣ, то Патріаршее Посланіе было бы напечатано на страницахъ его и не было бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ для народовъ Запада.

Кстати напомнимъ, что за границею уже былъ издаваемъ православный журналъ; разумѣемъ *L'Union Chretienne* (Христіанское единеніе), который въ шестидесятыхъ годахъ издавалъ въ Парижѣ настоятель тамошней православной церкви Протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильсвъ. Мы не знаемъ, имѣлъ-ли этотъ журналъ успѣхъ, или нѣтъ. Но насъ не должно смущать, если онъ даже и не имѣлъ успѣха. Отношеніе Франціи къ Россіи въ шестидесятыхъ годахъ было совершенно противоположно тому отношенію, какое она имѣетъ къ Россіи теперь. Тогда Франція питала къ Россіи нескрываемую непріязнь и презрѣніе и шумно заявляла сочувствіе и поддержку мятежническимъ движеніямъ Польши противъ Россіи; а теперь во всей Франціи не найдется ни одного Француза, который осмѣлился бы публично заявить свое сочувствіе Польшѣ и непріязнь Россіи. Мы, однако, не скрываемъ, что православный богословскій журналъ за границею широкаго распространенія имѣть не будетъ. Еще менѣе мы можемъ обольщать себя надеждою, что латиняне станутъ переходить въ православіе, если Православная Церковь будетъ предпринимать усиленныя мѣры къ ихъ обращенію. Не наступило еще время для распространенія между народами Запада сознанія, что свѣтъ идетъ

съ Востока. Въ настоящее время у народовъ Запада еще слишкомъ много гордости, самомнѣнія и презрѣнія къ Востоку, чтобы они могли не признать эту мысль нелѣпою.

Если Латинская церковь не есть правовѣрующая церковь, то сами собою падаютъ возводимыя латинянами на православныхъ христіанъ обвиненія въ томъ, будто послѣдніе, отказываясь отъ соединенія съ Латинскою церковію, тѣмъ самымъ противятся волѣ Христа, выраженной въ первосвященнической молитвѣ и въ притчѣ о добромъ Пастырѣ. Согласно съ истиннымъ смысломъ этихъ мѣстъ Писанія и мы желаемъ и молимъ Бога, чтобы всѣ христіане и даже всѣ люди пришли къ единству истинной вѣры и составили такое же единодушное, связанное братскою любовію и истинною единою вѣрою общество, какова была Церковь послѣ сошествія Святаго Духа. Но отъ желаній и надеждъ до осуществленія ихъ—цѣлая пропасть. И хотя мы обязаны всячески содѣйствовать осуществленію этихъ возвышенныхъ желаній и прекрасныхъ надеждъ, но это нисколько не обязываетъ насъ вступать въ единеніе съ неправовѣрующими христіанами, а иначе мы поступали бы вопреки ученію Іисуса Христа и Апостоловъ, выраженному въ вышеприведенныхъ мѣстахъ Священнаго Писанія, вопреки постоянному дѣйствованію древней вселенской Церкви и даже вопреки той цѣли, къ достиженію которой мы бы стремились, т. е. цѣли соединенія всѣхъ въ единство вѣры. Лжевѣрующихъ христіанъ не сдѣлаешь правовѣрующими чрезъ то, что примешь ихъ въ церковное общеніе съ собою. Впрочемъ и самъ папа не отрицаетъ, что единеніе должно быть полнымъ и совершеннымъ, должно состоять не въ нѣкоторомъ только согласіи въ догматахъ вѣры и въ общеніи братской любви, но и въ единствѣ вѣры и управленія.

Но если и мы и папа согласны въ томъ, что для соединенія христіанъ въ одно общество требуется единство вѣры, то естественно возникаетъ вопросъ, существуетъ-ли единство вѣры между Латинскою и Восточною Церковію? Если оно существуетъ, то въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, почему намъ не соединиться съ Латинскою церковію въ одну Церковь? Если же существуетъ, напротивъ, разногласіе въ вѣрѣ, то, кто бы ни былъ виновенъ въ происхожденіи послѣдняго, мы или латиняне, или мы и они, во всѣхъ этихъ

случаяхъ возникаетъ дальнѣйшій вопросъ о томъ, можно-ли и какимъ образомъ можно устранить разногласіе и придти къ единству въ вѣрѣ, а чрезъ это и къ соединенію церквей?

Это—важнѣйшіе вопросы въ дѣлѣ соединенія церквей. Поэтому читатель энциклики естественно ожидаетъ, что папа обсудитъ ихъ съ нарочитою заботливостію и обстоятельностію и дастъ рѣшеніе, соотвѣтствующее достоинству столь высокаго лица и столь торжественнаго посланія. Но читателю приходится разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Папа совсѣмъ не обсуждаетъ, не рѣшаетъ и даже не ставитъ этихъ вопросовъ. Онъ только вскользь, какъ бы мимоходомъ замѣчаетъ, что восточныя Церкви отдѣляются отъ Латинской не въ силу великаго разногласія, и что, за исключеніемъ немногаго, латиняне совершенно согласны съ ними во всемъ прочемъ. О столь важномъ и первостепенномъ предметѣ, сужденіе о которомъ должно было бы занять половину энциклики, папа бросилъ одну неопредѣленную фразу. Онъ отлично знаетъ о первостепенной важности этихъ вопросовъ, но ему крайне не удобно и не выгодно распространяться о нихъ, и потому онъ политично обходитъ ихъ, стушевываетъ, превращаетъ какъ бы въ ничто. Папа обязанъ былъ поименовать всѣ, или по меньшей мѣрѣ главнѣйшія, догматическія особенности Латинской Церкви, которыхъ нѣтъ въ Восточной Церкви и которыя послѣдняя или считаетъ заблужденіями, или не признаетъ за догматы, и затѣмъ доказать, что въ этихъ особенностяхъ содержится истинное ученіе, и что онѣ суть догматы, что, поэтому, существованіе ихъ въ Латинской Церкви не препятствуетъ ей быть истинною, апостольскою Церковію, и что,—дальнѣйшій выводъ,—исповѣданіе ихъ Латинскою Церковію не можетъ служить препятствіемъ для соединенія восточныхъ церквей съ Латинскою церковію. Но доказать это папа не можетъ и потому онъ предпочитаетъ замять дѣло. Но вопросы о догматическихъ разностяхъ между Православною и Латинскою церквами, о необходимости устраненія ихъ для единства вѣры, о возможности устраненія ихъ и о способахъ устраненія слишкомъ важны, когда рѣчь идетъ о соединеніи церквей, и важность ихъ слишкомъ для всякаго очевидна, чтобы можно было совершенно замолчать ихъ. Поэтому и папа, не смотря на крайнее неудобство для

него входитъ въ обсужденіе этихъ вопросовъ, кое-что говоритъ по поводу ихъ, а лучше сказать, показываетъ только видъ, будто рѣшаетъ ихъ, отводитъ глаза скользкими, эластичными фразами.

На вопросъ, существуетъ-ли полное единство вѣры между Латинскою и Восточною Церковію, папа не осмѣливается дать безусловно-утвердительный отвѣтъ; но, съ другой стороны, онъ не даетъ на него и прямо отрицательнаго отвѣта, а отвѣчаетъ какъ-то полуотрицательно, говоритъ такимъ языкомъ, на какомъ обыкновенно изъясняются дипломаты въ палатахъ, когда въ защищаемомъ ими положеніи что нибудь обстоитъ не ладное, или адвокаты въ судахъ, когда они защищаютъ нечистое дѣло. Тѣ и другіе въ этихъ случаяхъ лжи даютъ видъ истины фразами: хотя есть то и то, но есть также то-то и то-то. Папа говоритъ: *„за исключеніемъ немногаго, мы на столько согласны* съ восточными церквами во всемъ прочемъ, что при самой защитѣ католической вѣры мы не рѣдко заимствуемъ свидѣтельства и доказательства изъ ученія, изъ нравовъ и обрядовъ, которыхъ держатся восточные“. Вся фраза, и сама по себѣ, и по связи съ предшествующими ей словами, производитъ такое впечатлѣніе, что папа признаетъ почти полное согласіе между латинянами и восточными и въ ученіи, и въ нравахъ, и въ обрядахъ, и что хотя между ними есть нѣчто, въ чемъ они между собою не согласны, но это нѣчто столь не значительно, что объ этомъ, за исключеніемъ ученія о главенствѣ папы, не стоитъ и разсуждать, и что это несогласіе въ *немногомъ* не можетъ служить препятствіемъ къ соединенію восточныхъ церквей съ Латинскою церковію. Стараясь по возможности умалить значеніе вопроса о разностяхъ между Латинскою и Православною церковію, папа изображаетъ предметъ этотъ такъ, что хотя различія между Латинскою и Восточными церквами и есть, но они таковы, что какъ будто ихъ и нѣтъ, такъ что въ нихъ заключается развѣ самое малое препятствіе къ воссоединенію христіанскаго Востока съ Латинскою церковію.

Высказывая мысль о незначительности различія между Латинскою и Восточною Церковію, папа не новое что-нибудь изрекаетъ: напротивъ, это давняя и постоянная манера латинянъ представлять различія между этими двумя

церквами не существенными и какъ бы не стоющими вниманія. Левъ Алляцій, писатель 17-го вѣка, посвятилъ обширное и ученѣйшее сочиненіе, подъ заглавіемъ: *De Ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione, Lib. 3* (О постоянномъ согласіи церкви Западной и Восточной, въ трехъ книгахъ), доказательству положенія, что между Церквами Восточною и Западною нѣтъ такихъ пунктовъ разногласія, въ которыхъ бы онѣ не могли придти къ согласію [1]). Еще почти два вѣка тому назадъ нашъ русскій догматистъ и полемистъ Ѳеофанъ Прокоповичъ замѣтилъ эту манеру латинянъ и призналъ ее очень опасною для православныхъ. Дѣйствительно, латиняне пускаютъ въ оборотъ мысль о полномъ почти безразличіи между своею и Православною Церковію съ коварною цѣлію совратить православныхъ въ свою вѣру. Это—сѣть, въ которую они не безъ успѣха улавливаютъ простодушныхъ людей изъ православныхъ. Прибѣгая къ такому способу дѣйствія латиняне какъ бы такъ разсуждаютъ: если мы будемъ говорить, что наша церковь имѣетъ много отличительныхъ отъ Восточной Церкви особенностей, догматическихъ и всякихъ другихъ, и что нѣкоторыя изъ этихъ особенностей весьма существенны, то въ такомъ случаѣ обратить въ нашу вѣру восточныхъ христіанъ можно будетъ не иначе, какъ предварительно доказавши имъ то и убѣдивши ихъ въ томъ, что эти особенности составляютъ преимущество нашей церкви предъ ихъ церковію, что онѣ—принадлежность истинной Церкви Христовой, что православная Церковь, не имѣя этихъ особенностей, не есть церковь истинная, не можетъ дать своимъ членамъ спасенія, и что поэтому они должны перейти въ нашу церковь, иначе они не спасутся. А легко-ли и можно-ли это до-

---

[1]) Левъ Алляцій родился на островѣ Хіосѣ отъ православныхъ Грековъ и самъ былъ сначала православнымъ, но судьба занесла его въ Калабрію еще девятилѣтнимъ мальчикомъ. Находясь въ странѣ латинянъ, онъ, вѣроятно мало-по-малу, олатинился. Въ его лицѣ Православная Греческая Церковь потеряла, а Латинская пріобрѣла крупное дарованіе и выдающагося писателя. Свои таланты и въ частности обширныя познанія въ греческой богословской литературѣ онъ посвятилъ на служеніе церкви Латинской. Упомянутое сейчасъ сочиненіе, вышедшее въ свѣтъ въ 1648 г., есть самое ученое изъ всѣхъ его сочиненій. Оно наполнено выдержками изъ рукописныхъ сочиненій греческой литературы.

казать? Латиняне, не смотря на то, что имъ своя вѣра, понятное дѣло, дороже всякой чужой вѣры, и что они не могутъ къ своей вѣрѣ относиться безъ пристрастія, а къ чужимъ церквамъ безъ предубѣжденія, однако инстинктивно чувствуютъ, что они не могутъ доказать восточнымъ христіанамъ превосходство своей вѣры предъ ихъ вѣрою. Сознавая, что они будутъ терпѣть неудачи въ пропагандѣ своей вѣры среди восточныхъ христіанъ, если будутъ описывать имъ различія между своею и ихъ церковію въ истинномъ свѣтѣ, они называютъ эти различія не важными, ничтожными.

И мало того, что они говорятъ это: они показываютъ это и самымъ дѣломъ, дозволяя восточнымъ христіанамъ оставаться при своихъ обрядахъ и не принимать не только обрядовыхъ, но даже и догматическихъ особенностей Латинской церкви, лишь бы только они согласились присоединиться къ Латинской церкви и признали своимъ верховнымъ главою папу.

Ту же манеру рѣчи и тотъ же способъ дѣйствованія латиняне примѣняютъ и къ дѣлу соединенія церквей. Призывая восточныхъ къ возсоединенію съ своею церковію, латиняне говорятъ имъ: различіе между нашею и вашею церковію столь незначительно, что вамъ ничего не стоитъ присоединиться къ нашей церкви, отъ которой вы нѣкогда отдѣлились и доселѣ пребываете въ расколѣ съ нею, въ схизмѣ. Быть можетъ, вы думаете, что присоединившись къ намъ, вы перестанете быть самими собою; совсѣмъ нѣтъ: Греки останутся Греками, Русскіе не перестанутъ быть Русскими, восточные христіане пребудутъ восточными христіанами. Вся перемѣна будетъ состоять только въ томъ, что вы составите съ нами одну церковь и признаете своимъ верховнымъ главою главу нашей церкви—папу.

Къ такому избитому у латинянъ способу дѣйствованія прибѣгаетъ и папа въ своей энцикликѣ. Сказавши, что разногласіе между латинянами и восточными христіанами не велико и заключается въ немногомъ, папа этимъ даетъ знать восточнымъ, что возсоединиться имъ съ латинскою церковію очень легко.

Однако какъ бы ни были незначительны, количественно и качественно, различія между Латинскою и Восточною цер-

ковію, всетаки они есть, и восточнымъ всетаки не очень легко отказаться отъ своихъ особенностей и не очень легко принять латинскія особенности. Но папа такъ добръ и одушевленъ столь пламеннымъ желаніемъ привлечь къ себѣ восточныхъ христіанъ, что онъ не хочетъ затруднять ихъ даже и малою тяжестію. „Нѣтъ основанія для васъ опасаться, обращается онъ къ нимъ, чтобы, вслѣдствіе этого соединенія или мы, или наши преемники умалили что нибудь изъ вашихъ правъ, патріаршихъ привилегій и обрядовыхъ установленій каждой церкви; ибо всегда было и всегда будетъ въ намѣреніи и дисциплинѣ апостольской каѳедры правиломъ признавать полное значеніе за отличительными нравами и обычаями каждаго народа“. Такимъ образомъ, по завѣренію папы, восточные христіане чрезъ соединеніе съ Латинскою церковію ничего не потеряютъ и ничего не перемѣнятъ ни въ церковныхъ обрядахъ, обычаяхъ и нравахъ, ни въ правахъ и въ привилегіяхъ. Все свое останется при нихъ.

Но на самомъ дѣлѣ эти обѣщанія—пустыя слова, заискивающая лесть. Папы не могутъ ихъ исполнить, если бы даже и желали исполнить. Исполненіе этихъ обѣщаній стоитъ въ зависимости отъ рѣшенія вопроса о томъ, могутъ-ли восточные христіане въ случаѣ соединенія съ Латинскою церковію не принять особенностей ея, которыхъ нѣтъ въ Православной Церкви. Если они могутъ не принять ихъ, то въ такомъ разѣ нѣтъ препятствія къ тому, чтобы они удержали все свое. Но если они обязаны принять всѣ, или нѣкоторыя особенности Латинской церкви, то какимъ образомъ они сохранятъ въ неприкосновенности все свое? Если, наприм., они примутъ ученіе объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына, то ихъ теперешнее ученіе, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца тѣмъ самымъ уже упраздняется; или если въ Православной церкви станутъ причащать мірянъ подъ однимъ видомъ Тѣла Христова, то она уже лишится своего обычая причащать и мірянъ подъ обоими видами. И такъ вопросъ о томъ, сохранитъ-ли Православная Церковь все свое въ случаѣ соединенія ея съ Латинскою церковію, можетъ быть рѣшенъ только послѣ предварительнаго рѣшенія вопроса о томъ, можетъ-ли Православная Церковь не принять особенностей

Латинской церкви, или она обязана принять ихъ. Посмотримъ, какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ папа въ энцикликѣ.

Папа почти совсѣмъ обходитъ этотъ вопросъ, рѣшая только часть его. Признавая главнымъ предметомъ разногласія между Латинскою и Восточною церковію только ученіе о главенствѣ папы, Левъ XIII старается доказать, что и въ первые вѣка христіанства папа былъ главою Церкви, и что поэтому Восточная Церковь въ случаѣ соединенія ея съ Латинскою церковію обязана будетъ признать папу своимъ главою. Не одинъ Левъ XIII, но и всѣ папы и всѣ латиняне въ теченіе послѣдней тысячи лѣтъ учили, что папа есть глава Церкви, а отсюда уже само собою вытекаетъ требованіе, что всякія христіанскія церкви и общества, присоединяющіяся къ Латинской церкви, должны признать папу своимъ главою. Что касается до вопроса о томъ, обязана-ли Православная Церковь принять, въ случаѣ соединенія съ Латинскою церковію, другія важнѣйшія особенности этой послѣдней, напр., ученіе объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына (Filioque), включеніе этого ученія въ символъ вѣры, ученіе о чистилищѣ, догматы о непорочномъ зачатіи Богоматери и о непогрѣшимости папы, обычай причащенія мірянъ подъ видомъ только одного хлѣба и многое другое, то на этотъ первостепенный по важности вопросъ въ энцикликѣ никакого отвѣта не дано.

Да и можетъ-ли папа отвѣтить на этотъ вопросъ?

Если папа скажетъ, что восточные христіане могутъ и не принять этихъ догматовъ Латинской церкви, то это будетъ противорѣчить собственному заявленію папы, что „истинное единеніе между христіанами состоитъ въ единствѣ вѣры“; а какое же это будетъ единство въ вѣрѣ, если православные, соединившись съ Латинскою церковію, не будутъ принимать многихъ латинскихъ догматовъ? Какая это будетъ единая церковь, если въ ней одни будутъ признавать папу непогрѣшимымъ, а другіе будутъ считать это ученіемъ ложнымъ; если одни будутъ причащаться подъ однимъ видомъ, а другіе подъ двумя видами? Если папа скажетъ, что восточныя церкви, присоединяющіяся къ Латинской церкви, не будутъ принуждаемы къ принятію латинскихъ догматовъ лишь по снисхожденію къ ихъ немощной совѣсти, то мы скажемъ ему, что древняя вселенская

Церковь не имѣла обычая проявлять такого рода снисхожденіе. Никогда она не принимала къ себѣ людей на правахъ, такъ сказать, полувѣрія, никогда она вступающимъ въ нее не дозволяла иное въ ея вѣроученіи принимать, а другое не принимать, но всегда требовала, чтобы обращающіеся къ ней принимали и исповѣдывали всю ея вѣру. Разногласившимъ съ нею въ пониманіи хотя бы одного догмата она изъясняла и доказывала истинность своего пониманія и неправильность ихъ воззрѣнія и предлагала имъ отказаться отъ своего лживаго пониманія и исповѣдывать вмѣстѣ съ нею едиными усты и единымъ сердцемъ одну истинную вѣру. Если они соглашались на это, она не порывала съ ними общенія, продолжая признавать ихъ своими истинными членами; но если они упорствовали въ своемъ заблужденіи, то она отлучала ихъ отъ себя и предавала проклятію ихъ самихъ и ихъ лжеученіе. Точно такъ же поступала она и въ томъ случаѣ, когда еретики отвергали какой либо изъ исповѣдуемыхъ ею догматовъ. Безъ сомнѣнія, такого же образа дѣйствія должна держаться Церковь и теперь. Да иначе Церковь и не можетъ дѣйствовать. Если бы она стала принимать въ свою среду, или удерживать у себя разногласящихъ съ нею въ догматическомъ ученіи и упорствующихъ въ разногласіи съ нею, то она перестала бы быть единымъ обществомъ истинновѣрующихъ и единовѣрующихъ, а состояла бы изъ множества разновѣрующихъ партій. Но такое общество даже и существовать не можетъ. Православная Церковь потому и не добивается соединенія съ Латинскою церковію (двѣ попытки соединенія были предприняты по политическимъ видамъ), что она знаетъ, что для соединенія нужно полное согласіе въ вѣрѣ, и въ то же время она знаетъ, что латиняне не откажутся отъ своихъ догматическихъ заблужденій, не примутъ православія во всей его чистотѣ, а безъ этого невозможно никакое соединеніе церквей. И Русская Церковь приняла пожелавшихъ вступить въ единеніе съ нею старообрядцевъ на правахъ *единовѣрія*, т. е., она согласилась принять ихъ въ общеніе съ собою потому и на томъ основаніи, что они въ догматахъ вѣруютъ съ нею согласно, а обряды, по снисхожденію къ ихъ немощной совѣсти, она дозволяетъ имъ имѣть отличные отъ ея соб-

ственныхъ обрядовъ. Разнообрядность можноеще допустить въ единой истинной Церкви, но отнюдь не *разнсвѣріе*.

Или, можетъ быть, папа скажетъ, что догматы, исповѣдуемые Латинскою церковію и отвергаемые Православною Церковію, не важны, такъ что можно дозволить соединяющимся съ Латинскою церковію церквамъ не принимать ихъ не по снисхожденію только къ немощи присоединяющихся, но еще и въ силу неважности самихъ этихъ догматовъ?

Но можетъ-ли глава Латинской церкви признать не важными именно догматы своей церкви? Можетъ-ли онъ во всеуслышаніе заявить и объявить, что, напр , латинскіе догматы о непогрѣшимости папы, объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына, о непорочномъ зачатіи Богоматери не важны? Если бы папа сказалъ это, то онъ отсѣкъ бы голову и папамъ и Латинской церкви. Правда, назвавши разногласіе между своею церковію и восточными церквами не великимъ, папа, повидимому, склоненъ признать догматическія особенности своей церкви и дѣйствительно не важными; но на самомъ дѣлѣ это только одна уловка, изворотъ, къ которому папа прибѣгаетъ только для того, чтобы дѣло соединенія церквей не казалось православнымъ труднымъ и невозможнымъ: папа, оставаясь папою, не можетъ не признать ихъ важными.

Если, наконецъ, папа, въ силу своего собственнаго заявленія, что истинное единеніе есть единство вѣры, и въ силу необходимости признать догматическія особенности Латинской церкви важными, признаетъ неизбѣжность для восточныхъ церквей принятія латинскихъ догматовъ въ случаѣ соединенія этихъ церквей съ Латинскою церковію; то это будетъ прямой и искренній взглядъ на дѣло. Само собою понятно, что латиняне признаютъ свою церковь истинною, и даже ее только одну они и признаютъ истинною церковію, слѣдовательно, признаютъ истиннымъ и все ея вѣроученіе, а потому не могутъ дозволить присоединяющимся къ ихъ церкви церквамъ не принять ихъ догматовъ, не могутъ отъ присоединяющихся не требовать, чтобы они вѣровали такъ, какъ вѣруютъ сами латиняне.

Но вотъ это-то требованіе и составляетъ камень преткновенія въ дѣлѣ соединенія церквей съ Латинскою церковію.

И камень этотъ столь огроменъ и тяжелъ, что сдвинуть его нѣтъ никакой возможности; и латиняне или предпочитаютъ доказывать, что это совсѣмъ ничтожный камень, или стараются какъ нибудь обойти его, хотя на самомъ дѣлѣ и обойти его столь же невозможно, какъ сдвинуть съ мѣста, или доказать его ничтожность.

Папа пытается доказать, что камень преткновенія такъ малъ, что его какъ будто и вовсе нѣтъ, старается показать маловажность разногласія между Латинскою и восточными церквами; но посмотрите, на какомъ пустомъ основаніи утверждаетъ онъ эту мысль. „Мы настолько согласны съ восточными, говоритъ папа, что при самой защитѣ католической вѣры мы нерѣдко заимствуемъ свидѣтельства и доказательства изъ ученія, изъ нравовъ и обрядовъ, которыхъ держатся восточные“. Какое жалкое доказательство! Святые отцы и другіе христіанскіе богословы нерѣдко приводили свидѣтельства и доказательства въ пользу своего ученія изъ языческой философіи: значитъ-ли это, что они держались одинаковой вѣры съ языческими философами? Аріане расходились съ православными только въ ученіи о природѣ Сына Божія и объ отношеніи Его къ Отцу, а касательно всѣхъ другихъ предметовъ христіанскаго вѣроученія они могли заимствовать свидѣтельства и доказательства у православныхъ: значитъ-ли это, что между аріанами и православными не было великаго разногласія въ вѣрѣ?

Нельзя и обойти этотъ камень, лежащій на пути, по которому православный Востокъ могъ бы прійти въ Римъ. Обходъ этотъ состоялъ бы въ томъ, чтобы совсѣмъ не касаться латинскихъ догматовъ, какъ бы забыть ихъ на время. Но это не возможно ни для православныхъ, ни для самихъ латинянъ. Латиняне, если и могутъ еще на первыхъ порахъ не требовать отъ православныхъ признанія нѣкоторыхъ латинскихъ догматовъ, не могутъ не требовать отъ нихъ принятія ученія о главенствѣ папы, потому что и самое соединеніе другихъ церквей съ Латинскою церковію они понимаютъ преимущественно какъ подчиненіе послѣднихъ папѣ. Безъ признанія главенства папы надъ Церковію, безъ подчиненія ему, по ученію латинянъ, не можетъ быть никакого соединенія христіанскихъ церквей съ ихъ церковію, хотя бы во всемъ прочемъ онѣ были вполнѣ со-

гласны съ латинянами. Съ другой стороны, и православные никогда не вступятъ въ общеніе и союзъ съ Латинскою церковію, не обсудивши и не рѣшивши предварительно вопроса о принятіи, или непринятіи ими латинскихъ догматовъ. Такимъ образомъ если бы даже латиняне дозволили, а православные согласились обойти этотъ камень (допускаемъ невозможное), то такой обходъ, вопреки поговоркѣ: „всѣ дороги ведутъ въ Римъ“, не привелъ бы православныхъ въ Римъ, къ подножію папы, въ лоно Латинской церкви.

Столь же невозможно и сдвинуть этотъ тяжелый камень съ дороги между Востокомъ и Западомъ и расчистить путь. Его не могутъ сдвинуть ни православные, ни латиняне.

Если бы его сдвинули православные, это означало бы, что они принимаютъ всѣ латинскіе догматы.

По спрашивается, могутъ ли они взять на себя эту огромную тяжесть? И для чего они пожелаютъ взвалить ее на свои плечи? Можно еще понять, что это бремя несутъ латиняне и вообще христіане Запада, хотя и они несутъ его не безропотно, о чемъ упоминаетъ и папа въ своей энцикликѣ, а многіе изъ нихъ,—протестанты, старокатолики и свободомыслящіе,—и совсѣмъ отказались гнуться подъ тяжкимъ игомъ папства. Вѣдь латинянъ связываютъ неразрывными узами съ папствомъ многовѣковая совмѣстная жизнь, вѣковыя преданія. Латинскую церковь безъ папы даже трудно и представить. Папы воспитали, возрастили и расширили ее. Папство сообщило ей особый характеръ, ярко отличающій ее отъ всѣхъ другихъ христіанскихъ церквей. Латинскіе догматы зародились, развились и утвердились въ Латинской церкви; они—плоть отъ плоти ея и кость отъ костей ея, а свое и не мыто, да бѣло. Западные народы, особенно романскіе,—прямые наслѣдники древняго языческаго Рима, и Латинская церковь получила отъ него крупное наслѣдство. Напр., Священное Писаніе она имѣетъ на латинскомъ языкѣ и на немъ же совершаетъ свое Богослуженіе; богословіе ея пропитано юридическимъ духомъ, воспринятымъ изъ римскаго права; папа съ своими притязаніями на свѣтскую власть, на владычествованіе надъ вселенскою Церковію и надъ всѣмъ міромъ, на непогрѣшимость есть сколокъ римскаго цезаря. Общее наслѣдство,

разумѣется, такъ сказать, по неволѣ сближаетъ съ Латинскою церковію народы Запада, особенно народы южной Европы.

Но что связываетъ насъ—православныхъ съ Латинскою церковію, съ латинскими догматами и въ частности съ папствомъ? Ничто. Если бы въ одинъ прекрасный день все вообще латинство мгновенно исчезло съ лица земли, то что потеряла бы Православная Церковь? Почти ничего. Зачѣмъ и для чего православные народы Востока примутъ ученія чужія, не имѣющія никакой связи съ вѣковыми преданіями этихъ народовъ, несродныя съ ихъ духомъ и складомъ жизни, или даже антипатичныя имъ? Почему и для чего они признаютъ эти ученія за догматы, когда для этого нѣтъ достаточныхъ основаній ни въ Священномъ Писаніи, ни въ ученіи древней вселенской Церкви? Какая имъ необходимость къ своей чистой православной истинѣ примѣшать латинскія измышленія и папистическія заблужденія, всю вообще латинскую ложь? Какой пользы они могутъ ожидать отъ такого ненужнаго, неестественнаго, безразсуднаго и незаконнаго смѣшенія? Неужели сто милліоновъ православныхъ на столько помрачатся въ своемъ разсудкѣ, дойдутъ до такого умственнаго и нравственнаго отупѣнія, до такой путаницы въ религіозныхъ понятіяхъ, до такого забвенія или непониманія и Писанія, и Преданія, и исторіи, и своихъ собственныхъ жизненныхъ интересовъ, что они свою православную, апостольскую, истинную вѣру, которую, притомъ, они, по милости Божіей, содержатъ искони, пожелаютъ промѣнять на чуждую имъ, ненужную и вредную латинскую ложь! Мы надѣемся и даже увѣрены въ томъ, что никогда-никогда заманчивая и вмѣстѣ обманчивая мысль о соединеніи церквей не расположитъ Православную Церковь хотя мало поступиться содержимою ею истиною, никогда она не пойдетъ на сдѣлки съ Латинскою церковію въ ущербъ чистоты и полноты своего вѣроученія, никогда не приметъ ни одного изъ заблужденій Латинской церкви; ибо она есть настоящая апостольская Церковь, и потому есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). Да пребываетъ же наша Русская и вся Православная Церковь такимъ твердымъ столпомъ истины во всѣ вѣка, и пусть будутъ безсильно разбиваться объ этотъ столпъ волны че-

ловѣческой лжи и лести, суетныхъ мечтаній, корыстныхъ разсчетовъ и земныхъ интересовъ! Нелицемѣрная и неподкупная любовь Православной Церкви къ истинной вѣрѣ представляетъ и всегда будетъ представлять неодолимое препятствіе къ соединенію ея съ Латинскою церковію.

Не могутъ сдвинуть съ пути камень претыканія и сами латиняне. Если бы они сдвинули его, это значило бы, что они отказываются отъ измышленныхъ ими ложныхъ догматовъ, признаютъ ихъ заблужденіями. Въ такомъ случаѣ камень былъ бы сдвинутъ съ пути, дорога была бы углажена. Но тогда эта дорога вела бы уже не съ Востока къ Риму, а, наоборотъ, изъ Рима на Востокъ, тогда не православные пришли бы въ Римъ, а латиняне пришли бы на Востокъ, возсоединились бы не православные съ Латинскою церковію, а латиняне съ Православною Церковію; говоря иначе, Латиняне сдѣлались бы православными. Собственно это и есть единственный желательный и правильный исходъ дѣла соединенія церквей, настоящее законное рѣшеніе вопроса о соединеніи церквей. Пока сами латиняне не сдвинутъ этого камня собственными руками, до тѣхъ поръ не можетъ состояться церковнаго соединенія православнаго Востока съ латинскимъ Западомъ. А если бы, сверхъ ожиданія, въ силу какихъ либо чрезвычайныхъ несчастныхъ обстоятельствъ такое соединеніе и состоялось, то, какъ соединеніе вынужденное, насильственное, неестественное и незаконное, оно было бы не прочно, недолговѣчно и принесло бы обѣимъ сторонамъ не добро, а зло, не благо, а величайшія несчастія. И такъ для настоящаго истиннаго и плодотворнаго соединенія Запада и Востока необходимо нужно, чтобы сами латиняне отказались отъ своихъ догматическихъ заблужденій.

А могутъ-ли они это сдѣлать?

Кто знаетъ, какъ цѣпко, какъ упорно держатся религіозныя заблужденія, кто, въ частности, знакомъ съ исторіей папства и Латинской церкви и знаетъ, какъ крѣпко укоренились въ папахъ и въ латинскомъ духовенствѣ догматическія заблужденія, кому извѣстно, что условія происхожденія послѣднихъ глубоко заложены въ историческихъ судьбахъ и въ сложившемся характерѣ романскихъ народовъ, кто понимаетъ самое существо латинской вѣры, тотъ ни на

одну минуту не усумнится сказать, что латиняне ни въ настоящее время, ни въ ближайшемъ будущемъ отъ своихъ заблужденій не отрекутся и не могутъ отречься, а потому и соединеніе Латинской церкви съ православною ни теперь, ни въ ближайшемъ будущемъ состояться не можетъ. Если не народъ Латинской церкви, то по крайней мѣрѣ папы и латинское духовенство на столько сжились и срослись съ своими догматическими заблужденіями, что не могутъ сознать лживости своихъ латинскихъ догматовъ, а потому и не подумаютъ отказаться отъ нихъ. Долговременное и упорное принятіе лжи за истину и привычка къ лжи составляютъ какъ бы органическое препятствіе къ соединенію Латинской церкви съ Православною.

Не легче, а, пожалуй, даже труднѣе для Православной Церкви придти къ соглашенію и союзу съ Латинскою церковію въ вопросѣ объ управленіи, т. е., о папскомъ главенствѣ надъ всею Церковію. Въ этомъ вопросѣ между Православною и Латинскою церковію существуетъ полное разногласіе, доходящее до противоположности.

Папы, а за ними и Латинская церковь утверждаютъ, что основаніе Церкви вселенской есть Апостолъ Петръ, что онъ былъ княземъ всѣхъ Апостоловъ и главою всей Церкви, которою онъ будто бы управлялъ, будучи епископомъ Римскимъ въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ.

Напротивъ, Православная Церковь и православное богословіе ничего этого не признаютъ, и латиняне не могутъ представить такихъ твердыхъ доводовъ въ пользу своего ученія о Петрѣ, которые могли бы перемѣнить взглядъ Православной Церкви на этотъ предметъ и склонить ее къ принятію ихъ ученія.

Папы и Латинская церковь признаютъ папу преемникомъ Петра, какъ епископа Римскаго и какъ главы всей Церкви; они называютъ и считаютъ папу намѣстникомъ Бога и Христа на землѣ и видимымъ главою надъ всею Церковію; по ихъ ученію всѣ епископы, митрополиты, патріархи и управляемыя ими церкви должны подчиняться папѣ, какъ своему главѣ.

Напротивъ, Православная Церковь учитъ, что единый глава Церкви есть Іисусъ Христосъ, что главою Церкви не былъ даже и Апостолъ Петръ, что ни папа и никакой

другой епископъ, и никто изъ людей не есть глава Церкви, не можетъ и не долженъ быть главою Церкви. Незыблемыя основы ученія, что папа не есть глава Церкви, заключаются въ томъ, что въ нераздѣленной Церкви, въ первые девять вѣковъ, управленіе Церкви было соборное, а не единоличное, что верховною властію въ Церкви былъ вселенскій соборъ, что вселенскому собору папы подчинялись наравнѣ со всѣми прочими епископами и не дерзали отвергать опредѣленія его, хотя бы они были и не согласны съ ихъ личнымъ мнѣніемъ, что самостоятельныя помѣстныя церкви были совершенно независимы одна отъ другой въ своемъ внутреннемъ управленіи и всѣ онѣ подчинялись только и исключительно вселенскому собору, что папа, подобно другимъ епископамъ — представителямъ самостоятельныхъ церквей, управлялъ только Римскою церковію, что другія церкви на Западѣ въ теченіе многихъ вѣковъ были независимы отъ папъ и предстоятели этихъ церквей и помѣстные ихъ соборы противодѣйствовали притязаніямъ нѣкоторыхъ папъ на вмѣшательство въ ихъ дѣла и порицали дѣйствія папъ, не согласныя съ опредѣленіями соборовъ, что всѣ восточныя церкви всегда были вполнѣ независимы отъ папъ, и эту независимость, согласную съ древними обычаями всей вселенской Церкви и съ соборными правилами, сохраняютъ онѣ, по милости Божіей, даже и до настоящаго времени, и соблюдутъ ее, при помощи Божіей, и во всѣ грядущіе вѣка.

Не довольствуясь притязаніями на главенство надъ всею Церковію, папа Пій IX, въ наши уже дни, провозгласилъ, что папа есть глава Церкви непогрѣшимый. Это никогда не слыханное не только въ древней Церкви, но даже и въ новое время ученіе столь странно и безразсудно, что оно даже въ самой Латинской церкви многими встрѣчено было несочувственно, а иными и прямо непріязненно. Даже папа Левъ XIII въ обсуждаемой нами энцикликѣ заблаговразсудилъ совсѣмъ умолчать объ этомъ ученіи, понимая, какъ трудно восточнымъ церквамъ принять это ученіе. Разумѣется, онѣ ни теперь, ни когда бы то ни было не допустятъ убѣдить себя въ истинности этого неслыханнаго догмата, этого безразсуднаго ученія, которое не заслуживаетъ даже и опроверженія.

Въ первые девять вѣковъ епископамъ Римскимъ принадлежало первенство чести, но не власти; среди епископовъ прочихъ самостоятельныхъ церквей епископъ Римскій былъ первый между равными, собратъ ихъ. Но въ настоящее время, если бы Латинская церковь даже сдѣлалась православною церковію, не было бы достаточнаго основанія предоставить папѣ даже и первенство чести среди прочихъ предстоятелей самостоятельныхъ церквей; потому что въ древности первенство чести было признано за Римскими епископами ради царствующаго града Рима, а въ настоящее время Римъ—столица не всемірной Римской имперіи, какимъ онъ былъ тогда, а маловажнаго Итальянскаго королевства. Въ случаѣ принятія Латинскою церковію православія папа остался бы предстоятелемъ и главою этой своей Западной церкви, по чести равнымъ съ патріархами восточныхъ церквей и съ Святѣйшимъ Синодомъ Россійской церкви. Но такъ какъ ни папа, ни подчиненная ему церковь вовсе и не думаютъ принимать православіе, то въ настоящемъ своемъ положеніи папа въ глазахъ Православной Церкви есть не больше, какъ епископъ церкви неправославной, неистинной, раскольнической и даже еретической. Для Православной Церкви голосъ папы, равно какъ и ученіе его церкви, не имѣютъ ни малѣйшаго значенія и авторитета. Напр., для насъ лично голосъ папы имѣетъ меньше авторитета и внушаетъ меньше довѣрія, чѣмъ слова умнаго русскаго мужика; потому что хотя послѣдній мало знаетъ и мало понимаетъ ученіе вѣры, но всетаки онъ—православный, не имѣетъ никакихъ еретическихъ мнѣній, душа его открыта для воспринятія истины, а первый зараженъ унаслѣдованными, укоренившимися и потому упорными и неисцѣльными и притомъ весьма важными догматическими и иными заблужденіями. Для насъ, православныхъ, Латинская церковь есть церковь апостольская по своему происхожденію, славная въ своей прежней жизни, и даже и въ настоящее время обширная и блистающая ученостію, но, къ сожалѣнію, уже давно отломившаяся отъ дерева истинной Христовой вселенской Церкви, ставшая на ложный путь и, чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ болѣе удаляющаяся отъ царственнаго пути, по которому шла она сначала вмѣстѣ со всею вселенскою Церковію и по которому и доселѣ про-

должаетъ идти истинная наслѣдница единой древней Церкви Христовой, Церковь Восточная, Православная. А папы для насъ, православныхъ, суть епископы и предстоятели этой раскольнической и еретической Латинской церкви, первовиновники ея заблужденій и ея раскола и ея упорнаго пребыванія въ ереси и въ расколѣ. Изъ латинянъ они—первые и главные расколоучители и еретики, первые и главные во всѣхъ отношеніяхъ.

Теперь спрашивается, есть-ли хотя какая нибудь тѣнь надежды на то, чтобы Православная Церковь могла въ настоящее время столковаться съ папою и съ Латинскою церковію по вопросу объ управленіи Церковію, когда папа, а за нимъ и Латинская церковь учатъ, что папа есть преемникъ Петра, намѣстникъ Бога и Христа на землѣ, видимый и непогрѣшимый глава всей Церкви, и когда они главенство и непогрѣшимость папы признаютъ догматами, а Православная Церковь не только отвергаетъ всѣ эти ученія, какъ совершенно ложныя, но и не можетъ не признать папы раскольникомъ и еретикомъ и даже первовиновникомъ раскола и еретичества всей его церкви?

Можно еще ожидать, что когда нибудь на папскомъ престолѣ будетъ сидѣть такой человѣкъ, который ради соединенія съ Православною Церковію своей церкви рѣшится признать догматы своей церкви, отвергаемые Православною Церковію, за частныя мнѣнія, и тѣмъ подготовитъ почву для соединенія этихъ церквей; но надѣяться на то, чтобы какой либо изъ папъ отказался отъ притязаній на главенство надъ всею Церковію, положительно невозможно. Неисцѣльное упорство папъ въ притязаніяхъ на главенство надъ Церковію создаетъ два препятствія къ соединенію Латинской церкви съ Православною. Во-первыхъ, подъ главенствомъ непогрѣшимаго папы Латинской церкви крайне трудно, даже не возможно, освободиться отъ укоренившихся въ ней и укорененныхъ папскою системою заблужденій; возможно даже, что папы къ старымъ заблужденіямъ будутъ присоединять новыя и расширять пропасть между своею церковію и Церковію Православною чрезъ удаленіе отъ чистоты апостольской вѣры. Во-вторыхъ, обязательство для Православной Церкви признать главенство папы въ случаѣ соединенія ея съ Латинскою церковію уничтожитъ независимость и

свободу Православной Церкви, ввергнетъ ее въ рабство,— въ страшное рабство лжи. *Истина сдѣлаетъ васъ свободными* (Іоан. 8, 32), сказалъ Іисусъ Христосъ. Эту истину, содержащуюся въ ученіи Христа (Іоан. 8, 31), хранитъ Православная Церковь и потому она свободна. Подчинившись папѣ, признавши его главенство надъ всею Церковію, она заразъ потеряетъ и истину и свободу. А кто же пожелаетъ себѣ зла? Кто, пользуясь свободою, добровольно надѣнетъ на себя кандалы, или добровольно сядетъ въ темницу?

А можно-ли надѣяться на то, что если не теперь, то когда нибудь въ будущемъ папы и народъ Латинской церкви отступятся отъ своихъ заблужденій и примутъ православіе?

Дать рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, разумѣется, никто не можетъ: это извѣстно одному Богу; но высказать соображенія и догадки можно.

Напомнимъ себѣ то обстоятельство, что Іудеи коснѣютъ въ невѣріи въ Іисуса Христа вотъ уже почти девятнадцать вѣковъ, и еще, быть можетъ, много и очень много времени будетъ продолжаться ихъ упорное отчужденіе отъ Христа и ненависть къ Нему; но приблизится кончина міра, и тѣ Іудеи, которые будутъ жить тогда, не уйдутъ отъ своей счастливой судьбы, обратятся ко Христу, какъ предсказалъ это Апостолъ Павелъ (Римл. 11 гл.).

Для папъ и всѣхъ вообще латинянъ будетъ больше возможности принять православіе тогда, когда папство и Латинская церковь придутъ въ упадокъ. А это можетъ быть. Вспомнимъ также слѣдующее правило государственной мудрости, высказанное еще Аристотелемъ: всякій принципъ, посредствомъ котораго создалось государство, начинаетъ разрушать это послѣднее и самого себя, какъ скоро онъ доводится до крайней степени въ своемъ развитіи. Этотъ законъ примѣнимъ не къ государствамъ только, но рѣшительно ко всякимъ человѣческимъ обществамъ, учрежденіямъ и предпріятіямъ. Всякая сила, если она чрезмѣрно возвышается, если она преступаетъ нормальные предѣлы своего развитія и особенно если она злоупотребляетъ своимъ могуществомъ, подкапываетъ самое себя, внутренно разлагается и, наконецъ, рушится подъ страшнымъ напоромъ мірскихъ стихій, которыя обыкновенно съ яростію устремляются на слабѣющаго исполина, ниспровергаютъ его

и разрушаютъ. Этотъ міровой законъ жизни, безъ сомнѣнія, имѣетъ примѣненіе и къ папству и Латинской церкви, и проявляется въ ихъ судьбахъ даже съ особенною наглядностію. Папство возрастило и чрезвычайно расширило Латинскую церковь, дало ей крѣпкую организацію, сообщило ей необычайное могущество. Вмѣстѣ съ тѣмъ и само папство въ теченіе вѣковъ усиливалось все болѣе и болѣе, и въ средніе вѣка оно уже достигло чрезвычайнаго могущества. Но, опьяненное своею силою, оно стало злоупотреблять ею, стало выступать изъ предѣловъ своихъ законныхъ правъ, въ лицѣ многихъ своихъ представителей стало нарушать законы Божескіе и человѣческіе. И вотъ, какъ протестъ противъ такого чрезмѣрнаго своеволія, своевластія и беззаконія, зарождается и быстро возрастаетъ оппозиція папству и всѣмъ его злоупотребленіямъ со стороны самихъ же подданныхъ этого, повидимому, столь прочно организованнаго папистическаго царства, цѣлая третья часть ихъ отпадаетъ отъ папъ и Латинской церкви и изъ друзей дѣлается злѣйшими ихъ врагами [1]). Въ наше время папство сдѣлало новый шагъ по пути превышенія своей законной власти и силы, признавши папъ непогрѣшимыми и объявивши это ученіе догматомъ. Это вызываетъ новый протестъ противъ папства, и опять отпадаетъ отъ Латинской церкви и отъ папы, хотя и не очень многочисленное, общество старокатоликовъ и основываетъ независимую отъ папы церковь.

Мы не говоримъ уже о томъ, сколько латинянъ дѣлаются индифферентистами въ вѣрѣ и даже совершенно невѣрующими не по духу только времени, а вслѣдствіе злоупотребленій и ненормальностей, какихъ такъ много закралось въ папство и въ Латинскую церковь.

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что и въ будущемъ будутъ отпадать отъ Латинской церкви другія части ея, и отпадающіе будутъ ослаблять ее и отпаденіемъ отъ нея и нападеніями на нее. Западные Славяне уже обнаружили склонность къ отпаденію отъ латинской вѣры [2]).

Обыкновенно папство считаютъ силою могущественною,

---

[1]) Проф. Надлера. Причины и первоначальное проявленіе оппозиціи католицизму въ Чехіи и въ Западной Европѣ въ концѣ 14 и въ началѣ 15 в. 1864 г.

[2]) См. брошюру Липранди (Волынецъ). *Зачатки раскатоличенія западнаго славянства.*

даже непобѣдимою. И изъ Русскихъ, какъ это ни странно, иные говорятъ это, пишутъ и какъ будто плѣняются могуществомъ папства. Это можно объяснить такъ, что люди обыкновенно плѣняются внѣшнимъ блескомъ и не замѣчаютъ внутренняго величія. Увлекающіеся величіемъ папства, вѣроятно, не знаютъ, что хотя папство—исполинъ, но внутренности этого исполина уже попорчены серьезною болѣзнію, которая стала хроническою и должна быть причислена къ неизлѣчимымъ болѣзнямъ. Разумѣемъ ложь, которая глубоко въѣлась въ систему папства. Вотъ и настоящая энциклика носитъ названіе *апостольскаго* посланія святѣйшаго папы, а между тѣмъ сколько въ ней *лжи*! Развѣ Апостолы позволяли себѣ лгать въ своихъ посланіяхъ, или даже въ обыкновенной бесѣдѣ? А что эта ложь въ однихъ случаяхъ есть плодъ самообольщенія и потому не намѣренна, а въ другихъ случаяхъ хотя и намѣренна, но искусно прикрыта фразами, то отъ этого злотворность ея не умаляется. Да, велико могущество папъ, но оно напоминаетъ могущество римскихъ цезарей, которые владѣли полвселенной, а всетаки не могли спасти своей имперіи отъ внутренняго разложенія, внѣшняго распаденія и окончательнаго разрушенія. Высока и огромна башня папскаго величія, а всетаки никогда они не достроятъ ея до небесъ, никогда не соединятся всѣ народы земли около этой башни. А если папы, подобно строителямъ Вавилонской башни, будутъ упорствовать въ построеніи ея, то она, выстроенная изъ недоброкачественнаго матеріала, рухнетъ отъ собственной своей громоздкой тяжести и отъ натиска стихій міра, и будетъ *паденіе* ея великое, какъ паденіе дома, построеннаго не на камнѣ, а на пескѣ. *Пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ, и было паденіе его великое* (Матѳ. 7, 26. 27). И какъ о Нимродѣ было сказано: *Сей началъ быть силенъ на землѣ. Онъ былъ сильный звѣроловъ предъ Господомъ; потому и говорится: сильный звѣроловъ, какъ Нимродъ, предъ Господомъ* (Быт. 10, 9): такъ, быть можетъ, и о папахъ когда нибудь станутъ говорить: „О, это были сильные ловцы людей!“ Много они поймали людей и еще много уловятъ ихъ; но удержатъ-ли они до конца уловленное? Сомнительно, если обсудить, каковы эти ловцы, и какова ихъ ловитва.

Ловцы бываютъ разные. И Апостолы, по обѣтованію Іисуса Христа (Матѳ. 4, 19), сдѣлались ловцами людей и своею евангельскою проповѣдію уловили въ мрежу Церкви цѣлые народы; а съ другой стороны, Римскіе цезари и мухаммеданскіе калифы также уловили, но только огнемъ и мечемъ, множество народовъ—первые въ свое царство, а послѣдніе въ свое царство и въ свою вѣру; и Нимродъ замышлялъ объединить подъ своею властію всѣ народы міра. Различны ловцы, не одинаковы способы ловитвы, различны и конечные результаты ловли. Это хорошо выражено въ слѣдующей церковной пѣснѣ: *Языцы иногда размѣсишася дерзости ради столпотворенія: языцы же нынѣ просвѣтишася славы ради благоразумія. Тамо бо осуди нечестивыя согрѣшенія: здѣсь же просвѣтилъ есть Христосъ ловцы Духомъ. Тогда упражняшеся разньство на томленіе: нынѣ обновляется согласіе ко спасенію душамъ нашимъ* [1]). Папы—ловцы смѣшаннаго характера. Распространяя христіанство среди язычниковъ, они подражаютъ Апостоламъ; однако даже и въ этомъ благомъ дѣлѣ они кореннымъ образомъ отличаются отъ Апостоловъ тѣмъ, что Апостолы распространяли истинное христіанство, а папы распространяютъ христіанство, извращенное лживыми мнѣніями человѣческими. По властолюбію и притязанію владычествовать надъ всѣмъ міромъ папы—Нимроды и водятся духомъ, совершенно противоположнымъ тому духу, который жилъ въ Апостолахъ и пребываетъ во всѣхъ истинныхъ послѣдователяхъ Христа. Апостолы и всѣ истинные послѣдователи Христа помнили и соблюдали слова Его: *Не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ Учитель Христосъ; вы же вы братья. И отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ: ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ. И не называйтесь наставниками: ибо одинъ у васъ Наставникъ Христосъ. Большій изъ васъ, да будетъ вамъ слуга* (Матѳ. 23, 8—11). И, дѣйствительно, развѣ кто нибудь изъ Апостоловъ предъявлялъ права на обладаніе всею вселенною, хотя бы чисто духовное? Соединяя съ духовною властію свѣтскую власть, папы уподобляются Римскимъ цезарямъ, которые были и царями надъ

[1]) Стихира на стиховнѣ въ праздникъ Пятидесятницы.

вселенною и верховными жрецами, а называя себя намѣстниками Бога на землѣ, папы подражаютъ даже худшимъ, безумнымъ цезарямъ, въ родѣ Калигулы и Нерона, которые поставляли себя наравнѣ съ богами и требовали себѣ божескихъ почестей отъ народа. Во всемъ этомъ папы уже безмѣрно далеко отступаютъ отъ Апостоловъ, которые называли себя только *служителями Христовыми* (Еф. 4, 1) и которые не имѣли никакой свѣтской власти, и даже никакого имущества, и не желали имѣть ихъ; потому что подражали Христу, Который не имѣлъ *гдѣ приклонить голову* (Матѳ. 8, 20) и Который на просьбу нѣкоего человѣка: *Учитель! скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство, сказалъ: кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ* (Лук. 12, 14)? А объявляя себя непогрѣшимыми, кому уподобляютъ себя папы? Въ своемъ притязаніи на всемірное владычество и на непогрѣшимость подражая Нимроду и цезарямъ, папы въ сущности подражаютъ тому, кто невидимо дѣйствовалъ чрезъ этихъ всемірныхъ владыкъ. Жестоко это слово, но не наше оно. Папа Святый Григорій Великій, порицая Константинопольскаго патріарха за присвоеніе имъ себѣ титула „вселенскій“, писалъ ему: „Что скажешь Христу, т. е., вселенскому главѣ Церкви, на испытаніи послѣдняго суда, ты, который названіемъ „вселенскаго“ стараешься подчинить себѣ всѣ его члены? Кто въ этомъ, столь развращенномъ, названіи предлагается подражанію, какъ не тотъ, который, презрѣвши легіоны Ангеловъ, въ союзѣ съ нимъ поставленныхъ, домогался вознестись на верхъ единства, чтобы никому не подчиняться и одному казаться выше всѣхъ?“ [1]) И діаволъ, бывши сначала ловцомъ Ангеловъ, сталъ потомъ ловцомъ людей (2 Тим. 2, 26); но да избавитъ Богъ всякаго подражать такому ловцу и такой ловитвѣ! *Никто не можетъ служить двумъ господамъ; нельзя служить Богу и маммонѣ* (Матѳ. 6, 24; Лук. 16, 13). Папы съ одной стороны подражаютъ Христу и Апостоламъ, а съ другой они дѣйствуютъ какъ Нимроды, цезари и калифы.

Результаты такого неестественнаго соединенія папами службы Богу и маммонѣ были самые плачевные, какъ для

---

[1]) Ер. 38.

папства, такъ и для Латинской церкви. Въ 16 вѣкѣ цѣлая треть этой церкви отпала отъ папъ и отъ латинской вѣры и основала особое исповѣданіе, которое, однако, еще дальше отступило отъ истинной Христовой вѣры и приверженцы котораго вотъ уже почти 400 лѣтъ ведутъ ожесточенную борьбу противъ папства и Латинской церкви. Затѣмъ, въ прошломъ и въ текущемъ столѣтіи множество людей отпало отъ Латинской церкви, вверглось въ бездну безбожія и усилило ряды злѣйшихъ враговъ папства и Латинской церкви. А въ послѣднее время правительства даже нѣкоторыхъ латинскихъ народовъ относились и доселѣ относятся къ папѣ, къ духовенству и къ церкви враждебно. Да, папамъ пришлось вынесть тяжкіе удары отъ своихъ же собственныхъ дѣтей!

Но исправили-ли папъ эти суровые уроки?

И да и нѣтъ. По прежнему папы заявляютъ свои притязанія на владычество надъ всѣмъ міромъ, владычество не только духовное, но и свѣтское; по прежнему употребляютъ они самыя разнообразныя средства для расширенія своей власти надъ народами; по прежнему мечтаютъ они когда нибудь достигнуть власти надъ вселенною; по прежнему частію на дѣлѣ, частію въ своихъ притязаніяхъ, а также въ выборѣ и въ примѣненіи средствъ къ осуществленію своихъ притязаній они остаются Нимродами, цезарями, или калифами. И столь глубоко убѣждены они въ законности своихъ притязаній, что, повидимому, имъ не легче разубѣдиться въ чрезмѣрности, незаконности и неосуществимости ихъ, чѣмъ слѣпорожденному ощутить и понять силу свѣта. Повидимому, имъ совершенно невозможно отрѣшиться отъ самообольщенія, что Самъ Богъ предназначилъ имъ владычество надъ міромъ, и что рано или поздно они достигнутъ его. И до какого невѣроятнаго ослѣпленія доводитъ ихъ это самообольщеніе, эта манія величія и власти! Вотъ, напр., Левъ XIII—человѣкъ умный, а меду тѣмъ онъ самообольщенно думаетъ и даже глубоко убѣжденъ, что соединеніе церквей вполнѣ возможно, и что даже наступаетъ время соединенія церквей. Онъ не хочетъ взять въ толкъ, что православный Востокъ никогда добровольно не приметъ латинской вѣры и что онъ подъ соединеніемъ церквей разумѣетъ принятіе латинянами православной вѣры.

И сколько вѣковъ должно пройти прежде, чѣмъ латиняне придутъ къ сознанію, что не они имѣютъ право диктовать Востоку условія соединенія, а Востокъ имъ, что не Востокъ долженъ олатиниться, а Западъ долженъ принять православную вѣру! Левъ XIII до такой степени ослѣпленъ мечтою, что нѣкогда весь христіанскій міръ подчинится папѣ, что совершенно не замѣчаетъ двухъ пропастей, лежащихъ между Латинскою и Православною Церковію. Первая пропасть та, что папы и вообще латиняне подъ соединеніемъ церквей разумѣютъ подчиненіе Православной Церкви папѣ и олатиненіе ея, между тѣмъ какъ Православная Церковь ни теперь, ни когда бы то ни было не подчинится папѣ и не олатинится, а потому эту пропасть нужно признать безусловно непереходимой. Другая пропасть та, что Православная Церковь не иначе можетъ соединиться съ Латинскою церковію, какъ подъ непремѣннымъ условіемъ принятія послѣднею православія. И эта пропасть, если и будетъ когда нибудь заполнена, то во всякомъ случаѣ не теперь и не въ ближайшемъ будущемъ: теперь она безусловно непереходима. Вотъ почему говорить, хлопотать и дѣйствовать по дѣлу соединенія Латинской церкви съ Православною, или Православной съ Латинскою теперь, значитъ толочь воду въ ступѣ. Но непогрѣшимые папы не понимаютъ даже этой простой вещи, — не понимаютъ потому, что, ослѣплены маніей величія, гордостію, властолюбіемъ, безграничнымъ самомнѣніемъ, мечтою владычествовать надъ всею Церковію и надъ всѣмъ міромъ, быть всемірнымъ непогрѣшимымъ первосвященникомъ и всемірнымъ царемъ.

Когда же папы прозрѣютъ? и прозрѣютъ-ли они когда нибудь?

Тогда и прозрѣютъ, когда освободятся отъ этихъ своихъ духовныхъ страстей, отъ этихъ демоническихъ началъ, когда перестанутъ быть Нимродами и цезарями, а будутъ подражать Христу въ кротости и смиреніи.

Но можетъ-ли произойти съ ними такая перемѣна?

Трудна она, но *Богу все возможно* (Матѳ. 19, 26). Вѣка времени смываютъ съ лица земли гордыхъ и громкія дѣла ихъ; страшныя катастрофы разрушаютъ могущественныя царства; ростъ философскихъ, богословскихъ и науч-

ныхъ идей постепенно пересоздаетъ весь строй жизни, низвергаетъ одни кумиры и воздвигаетъ другіе; огромныя, сильныя и цвѣтущія царства разрушаются, а ничтожныя во всѣхъ отношеніяхъ владѣнія становятся всемірными царствами; въ особенности Промыслъ Божій можетъ воспользоваться всякими переворотами временъ для достиженія своихъ цѣлей. Теперь Латинская церковь обширна и еще могущественна; но, быть можетъ, придетъ время, когда отъ могущества ея останутся одни жалкіе остатки. Тогда папы по неволѣ смирятся. Теперь папы все еще не могутъ разстаться съ привычкою мыслить, жить и дѣйствовать такъ, какъ средневѣковые папы. Но, быть можетъ, когда нибудь обстоятельства заставятъ ихъ волею-неволею оставить эту привычку, да и время и строй жизни изгладятъ ее.

Это не пустыя фантазіи или совершенно не обоснованныя догадки; потому что уже и теперь папство не таково, какимъ оно было въ средніе вѣка. Въ средніе вѣка церковной власти папъ подчинена была вся Западная Европа, а теперь только половина ея. До нашихъ дней папы имѣли свою область, а теперь они владѣютъ только дворцомъ съ садами. Въ средніе вѣка они властно и деспотически распоряжались народами и королями, а теперь они вынуждены заискивать у тѣхъ и другихъ. Напр., Левъ XIII сначала противодѣйствовалъ республиканскому правительству, установившемуся во Франціи послѣ сверженія съ престола Наполеона III, и поддерживалъ монархическихъ претендентовъ на престолъ Франціи; но, убѣдившись въ прочности республиканскаго правленія въ этомъ государствѣ, онъ сталъ относиться къ республиканскому правительству примирительно, даже какъ бы заискивая у него; и это не смотря на то, что оно относилось да и теперь не перестало относиться враждебно и къ папѣ, и къ духовенству, и къ церкви, и даже къ самой религіи, нисколько не скрываетъ этой вражды, а явно и рѣзко обнаруживаетъ ее въ утѣсненіяхъ и даже гоненіи духовенства и церкви. Папа не разъ заявлялъ, что для церкви безразлично, какова бы ни была форма государственнаго правленія, и что должно подчиняться всякому законному правительству, какъ поставленному Самимъ Богомъ. Лѣтомъ 1895 г., при праздно-

ваніи пятнадцати-вѣковаго юбилея крещенія короля Кловиса въ Реймсѣ, папа хотѣлъ было даже окрестить республиканское правительство (?!) и тѣмъ какъ бы формально пріобщить его къ Латинской церкви; но одинъ французскій епископъ поѣхалъ въ Римъ, испросилъ аудіенцію у папы и успѣлъ уговорить его не допускать Латинскую церковь до такого униженія. Такое снисходительное, даже заискивающее отношеніе папы къ республиканскому правительству во Франціи, переполненному людьми невѣрующими и непріязненными къ папѣ и къ Латинскому духовенству, не нравится монархистамъ и строгимъ латинянамъ, а, съ другой стороны, мало ублаготворяетъ и правителей Франціи. Можно сказать, что оно не нравится и самому папѣ, но онъ вынужденъ держаться такой унизительной для него тактики. Цѣль та же, что и у средневѣковыхъ папъ—владычествовать надъ царями и народами; но между тѣмъ какъ средневѣковые папы достигали ее въ полной мѣрѣ и притомъ однимъ авторитетомъ своей власти и силы, теперешніе папы принуждены достигать ея, и притомъ безъ большаго успѣха, хитростью и ласкательствомъ, которыя обыкновенно составляютъ принадлежность не силы, а слабости.— Для той же цѣли удержанія ускользающей изъ рукъ папъ власти надъ народами Левъ XIII приказалъ духовенству принимать мѣры къ сближенію съ соціалистами. Патеры стали посѣщать соціалистическія сходки, не смотря на то, что ихъ тамъ встрѣчаютъ свистками и не скрываютъ своего презрѣнія къ нимъ. Опять и здѣсь папа является уже не прежнимъ самовластнымъ повелителемъ и грознымъ судіею, а какимъ-то прислужникомъ, заискивающимъ расположеніе у непріязненной ему толпы. Наконецъ, и въ самой разсматриваемой энцикликѣ есть указанія на упадокъ силы папства и на то, что папа чувствуетъ и сознаетъ ослабленіе своей власти. Онъ какъ бы слезливо и безпомощно жалуется на ненавистную ему, но не ослабѣвающую силу масонства, на явное и грубое противодѣйствіе ему и духовенству его со стороны гражданскихъ правительствъ, на недовѣріе и непріязнь къ Церкви многихъ людей изъ народа. И все это совершается среди тѣхъ народовъ, которые исповѣдуютъ латинскую вѣру. И папа не осмѣливается уже грозить проклятіемъ своимъ врагамъ, понимая, что на

безсильныя проклятія они отвѣтятъ насмѣшками, а кротко объясняетъ, что, противодѣйствуя Церкви, правительства и народы сами себѣ готовятъ погибель. И къ православнымъ народамъ Востока, которые онъ въ душѣ, безъ сомнѣнія, признаетъ схизматиками, онъ обращается съ доброжелательною, ласковою, даже льстивою рѣчью. Не упрекаетъ ихъ за схизму и нерасположеніе къ Латинской церкви, не упоминаетъ о недостаткахъ ихъ вѣры, а, напротивъ, восхваляетъ ихъ. Съ другой стороны, онъ совсѣмъ не упоминаетъ о своей непогрѣшимости и вообще не только не выставляетъ на видъ свое властное *я*, но даже какъ бы намѣренно устраняетъ его. Онъ приглашаетъ православные народы внять его призыву не потому, что этотъ призывъ исходитъ отъ него, папы Римскаго, главы Церкви; а предлагаетъ имъ самимъ обсудить его предложенія безпристрастно, по совѣсти, предъ Богомъ. Даже и къ протестантамъ папа обращается съ рѣчью примирительною и какъ бы доброжелательною. Быть можетъ, мягкій тонъ энциклики есть отчасти проявленіе дипломатическаго ума и хорошаго, выдержаннаго характера Льва XIII; но если бы теперь папство было въ такой же силѣ, какъ въ средніе вѣка, то тотъ же Левъ XIII и не подумалъ бы въ энцикликѣ расхваливать православные народы Востока и обращаться къ нимъ съ заискивающими мольбами. Пусть эта мягкость тона и это заискиваніе есть только маска, которою прикрыты стремленія къ захвату, къ расширенію папской власти; все-таки уже самая необходимость надѣть эту маску свидѣтельствуетъ объ упадкѣ силы папства.

Быть можетъ, папство находится уже на наклонной плоскости, и чѣмъ далѣе будетъ идти время, тѣмъ больше будетъ упадать сила папства. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мѣры возвысить упадающее во мнѣніи самихъ латинянъ значеніе папства уже исчерпаны: дальше ученія о непогрѣшимости папы идти уже некуда; а между тѣмъ фактически папство въ послѣднее время не возвысилось, а скорѣе упало. Провозглашеніе догмата о непогрѣшимости папы—крайнее, отчаянное средство воскресить угасающія силы папства, и мѣра эта оказалась недѣйствительною. Что еще предпримѣтъ папство для возстановленія своего ослабѣвшаго вліянія? Будетъ употреблять, какъ въ настоящее время, усилія

присоединить къ своей церкви и подчинить своей власти другія церкви, церковныя общества и исповѣданія? Но въ этихъ попыткахъ оно и впредь будетъ терпѣть неудачи, какъ испытало ихъ въ прошлые вѣка. Усилитъ пропаганду латинской вѣры среди христіанъ и не-христіанъ? На этомъ поприщѣ папы могутъ достигнуть гораздо бо̀льшихъ успѣховъ, нежели въ своихъ тщетныхъ усиліяхъ подчинить себѣ цѣлыя церкви; такъ, напр., въ послѣднее время латинская вѣра значительно распространилась въ Сѣверной Америкѣ и въ Даніи. Но умноженіе числа латинянъ едва-ли много увеличитъ силу папства. Притомъ же весьма возможно, что въ другихъ странахъ число латинянъ будетъ не возрастать, а убывать. Западная Европа и въ особенности населяющіе юго-западную окраину ея Романскіе народы не достигли-ли уже самаго цвѣтущаго возраста своего историческаго бытія и не наступаетъ-ли для нихъ періодъ медленнаго увяданія? Напротивъ, Православная Россія находится еще въ юномъ возрастѣ и, повидимому, еще далеко не достигла до полнаго разцвѣта своего политическаго могущества и полнаго развитія умственнаго и религіозно-нравственнаго. И вотъ когда перевѣсъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ окажется на сторонѣ православнаго Востока, тогда-то Западъ и въ частности латиняне, доселѣ свысока взирающіе на мертвенную, по ихъ мнѣнію, Православную Церковь, быть можетъ, преклонятся предъ нею, смиренною въ своемъ могуществѣ, чистою среди богатствъ міра. Упадокъ Запада образумитъ и смиритъ тамошніе народы; они вспомнятъ, что свѣтъ съ Востока, сознаютъ свои заблужденія, содѣйствовавшія ихъ паденію, и сдѣлаются воспріимчивы къ православной вѣрѣ.

Замѣчательно, что еще въ глубокой древности предсказывали, что власть и могущество перейдутъ опять на Востокъ,—предсказывали тогда, когда Римъ владѣлъ всѣмъ тогдашнимъ свѣтомъ, когда всѣ были глубоко убѣждены въ вѣчности Римской имперіи и назвали Римъ вѣчнымъ городомъ, и когда было даже не безопасно предсказывать о погибели этой имперіи. Именно, Сивиллы предсказали, что Римъ погибнетъ, и притомъ судомъ Божіимъ; потому что ненавидѣлъ имя Божіе и, враждуя противъ правды, умерщвлялъ людей, любящихъ правду. Имѣя въ виду явныя

предсказанія Сивиллъ и прикровенныя пророчества Священнаго Писанія, Лактанцій, латинскій писатель четвертаго вѣка, причиною тѣхъ бѣдствій, которыя будутъ удручать человѣческій родъ въ послѣднія времена, призналъ паденіе Рима. „Римское имя, говоритъ онъ, которое нынѣ управляетъ міромъ (боюсь говорить, но скажу, потому что это будетъ), истребится съ земли, монархія перейдетъ въ Азію, и опять Востокъ будетъ владычествовать, а Западъ будетъ находиться въ подчиненіи. И пусть никто не удивляется, что царство, съ такими трудами основанное, столькими и столь великими мужами расширенное, такими богатствами укрѣпленное, нѣкогда, однако, падетъ. Ибо нѣтъ ничего, созданнаго человѣческими руками, чего не могли бы человѣческія-же силы и разрушить: дѣла смертныхъ смертны. Подобнымъ образомъ и раньше другія царства долго процвѣтали, однако пали. Ибо извѣстно, что на землѣ владычествовали Египтяне, Персы, Греки, Ассиріяне; но всѣ они пали, и вся власть перешла къ Римлянамъ. Римское царство на сколько превосходитъ прочія царства, на столько и бо̀льшему паденію подвергнется; потому что больше склонности къ паденію имѣютъ тѣ, которые стоятъ выше другихъ“ [1]). Лактанцій говоритъ о паденіи собственно свѣтской Римской имперіи, которое дѣйствительно и произошло, и притомъ гораздо скорѣе, чѣмъ какъ ожидалъ этотъ писатель. Совершился тогда и переходъ власти съ Запада на Востокъ, изъ Рима въ Константинополь, но только отчасти и не на долго: Западъ всетаки остался независимымъ отъ Востока. Не слѣдуетъ-ли думать, что паденіе имперіи цезарей было только началомъ паденія Рима, и что нужно еще ожидать паденія духовнаго Рима, паденія папъ, которые во многомъ были преемниками цезарей? Исчезли съ лица земли всемірная власть и всемірное могущество Римскихъ цезарей: не рухнетъ-ли когда нибудь и власть папы надъ народами Запада? Если это совершится, то будетъ устранено главное препятствіе для возсоединенія латинянъ съ Православною Церковію, для освобожденія ихъ отъ папистическихъ заблужденій и для воспринятія и усвоенія ими православной вѣры, для возвращенія ихъ къ вѣрѣ древней все-

[1]) Institutionum divinarum liber VII, cap. 15.

ленской Церкви. А пока этого нѣтъ, нечего и думать о соединеніи Латинской церкви съ Православною.

Но если бы даже ничего этого не случилось, или даже случилось бы нѣчто противоположное; т. е. если въ грядущіе вѣка папство и Латинская церковь будутъ не ослабѣвать и умаляться, а возрастать и укрѣпляться, Православная же Церковь будетъ не расширяться, а сокращаться; то и въ такомъ случаѣ православные не должны ни смущаться, ни унывать, ни искать опоры себѣ въ могущественной Латинской церкви и во всесильномъ папствѣ, въ союзѣ съ ними. Нѣтъ, тогда больше, чѣмъ когда бы то ни было, они должны отгонять отъ себя искусительную мысль найти помощь и спасеніе въ союзѣ съ сильными, богатыми, славными, должны помнить, что Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ, ободрять себя словами истиннаго Главы Церкви: *Не бойся, малое стадо! ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ царство* (Лук. 12, 32)! Замѣчательно, что царство обѣщано не тѣмъ, которые добиваются владычества, а подражающимъ Христу въ смиреніи и пребывающимъ въ напастяхъ. Когда между учениками Христа былъ споръ изъ за первенства, тогда Онъ сказалъ имъ: *Цари господствуютъ надъ народами, и владѣющіе ими благодѣтелями называются, а вы не такъ: но кто изъ васъ большие, будь какъ меньшій, и начальствующій, какъ служащій. Ибо кто больше, возлежащій, или служащій? Не возлежащій-ли? Я посреди васъ, какъ служащій. Но вы пребыли со Мною въ напастяхъ Моихъ; и Я завѣщаю вамъ, какъ завѣщалъ Мнѣ Отецъ Мой, царство* (Лук. 22, 24—29). Такимъ малымъ стадомъ христіанская Церковь была во время земной жизни своего Основателя, и умаленнымъ же стадомъ будетъ она предъ вторымъ Его пришествіемъ, когда она скроется въ пустыню (Апок. 12, 14),—умаленнымъ до такой степени, что *Сынъ человѣческій, пришедши, найдетъ-ли вѣру на землѣ.* (Лук. 18, 8).

Какъ ни глубоко папа самообольщенъ мечтою, что если не онъ самъ, то по крайней мѣрѣ его преемники будутъ видѣть склоненнымъ къ подножію своего престола весь міръ,

однако онъ не можетъ не видѣть, что не легко завлечь православный Востокъ, а также и другіе христіанскіе народы въ унію съ Римомъ, а потому онъ старается прельстить ихъ и склонить къ уніи, перечисляя тѣ блага, которыя будто бы чрезъ унію выпадутъ на долю какъ всей Церкви, такъ въ частности и Церкви Восточной, и тѣ нестроенія и бѣдствія, которыя теперь угнетаютъ царства и церкви и которыя уніей будутъ устранены. Этому посвящена вся вторая половина энциклики о соединеніи церквей.

„Въ случаѣ возстановленія общенія съ нами, обращается папа къ христіанскимъ народамъ Востока, сколько бы ваши церкви выиграли въ достоинствѣ, сколько въ благоприличіи“.

Если Православная Церковь чрезъ соединеніе съ Латинскою церковію очень много выиграетъ въ достоинствѣ и благоприличіи, это значитъ, что теперь, пребывая въ разобщеніи съ Латинскою церковію, она не имѣетъ вовсе, или мало имѣетъ достоинства и благоприличія. Трудно сказать, что собственно разумѣетъ папа, высказывая эти эластичные намеки, эти дипломатическія фразы. Повидимому, этотъ вскользь брошенный намекъ папа поясняетъ ниже, утверждая, что соединенная Церковь заняла бы принадлежащій ей рангъ чести, стала бы свободною и уважаемою и, шествуя своимъ путемъ, распространяла бы вокругъ себя евангельскую истину и благодать, и это принесло бы благоденствіе государствамъ. Восточную Церковь на Западѣ обыкновенно обвиняютъ въ цезаро-папизмѣ, въ рабской зависимости ея отъ свѣтской власти и гражданскаго правительства. Повидимому, это именно и разумѣетъ папа утверждая, что теперь Восточная Церковь не имѣетъ достоинства и благоприличія и что чрезъ соединеніе съ Латинскою церковію она заняла бы болѣе почетное положеніе.

Что Церковь должна занимать принадлежащій ей рангъ чести и быть свободною и уважаемою, это правда. Но спрашивается, сама Латинская церковь занимаетъ-ли въ странахъ, искони исповѣдующихъ латинскую вѣру, подобающій ей рангъ чести? распространяетъ-ли она тамъ благодать и истину? приноситъ-ли она благоденствіе государствамъ? Она меньше пользуется уваженіемъ въ своихъ странахъ и меньше приноситъ благъ своимъ народамъ, нежели Православная

Церковь въ своихъ странахъ, среди своихъ народовъ. Если гдѣ, то именно въ странахъ, исповѣдующихъ латинскую вѣру, отношенія между Церковію и государствомъ, между духовною и свѣтскою властію наименѣе упорядочены, наиболѣе разстроены, а въ иныхъ царствахъ даже довсдены до непримиримой вражды и яростной борьбы. Виноваты въ этомъ и тамошнія правительства, но еще болѣе и прежде всего виновны въ разстройствѣ отношеній между Церковію и государствомъ папа, латинское духовенство, особенно іезуиты, а также весь строй Латинской церкви. Заявляя притязанія не только на духовное, но и на гражданское владычество, папа и латинское духовенство впутываются въ политическія и государственныя дѣла и въ гражданскую жизнь и отношенія семействъ, обществъ, государствъ. Разумѣется, эти неумѣстныя и незаконныя притязанія ихъ распоряжаться въ тѣхъ областяхъ жизни, которыя непосредственно имъ не подчинены, всегда и вездѣ вызывали сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны правительства, общества, литературы. Въ результатѣ получается не возвышеніе, а униженіе Церкви, не умноженіе ея чести и правъ, а умаленіе ихъ, не подъемъ ея духовнаго вліянія на народы, а упадокъ. Такъ какъ народы, принадлежащіе къ Латинской церкви, знаютъ христіанство только въ формѣ латинской вѣры, вѣры, проповѣдуемой тамъ людьми, которымъ не довѣряютъ, съ которыми борются, которыхъ не любятъ и даже ненавидятъ; то незамѣтно и неизбѣжно нерасположеніе и ненависть переносятся и на самую вѣру, на христіанство, на религію; и вотъ враги папы и латинскаго духовенства становятся врагами христіанства и религіи вообще, дѣлаются невѣрующими и безбожниками, или менѣе рѣшительные по крайней мѣрѣ становятся равнодушными къ Церкви и вѣрѣ. Не отрицаемъ, что вопросъ объ отношеніи Церкви къ государству очень сложенъ и труденъ для разрѣшенія; но именно Латинская церковь менѣе, чѣмъ какая другая, съумѣла рѣшить его. Твердая основа для правильнаго рѣшенія этого вопроса заключается въ словахъ Іисуса Христа: *Отдавайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу* (Матѳ. 22, 21). А Латинская церковь очень многое присвоиваетъ себѣ изъ того, что принадлежитъ Кесарю. Черезъ это и безъ того сложный вопросъ объ отношеніи Церкви къ государству она еще

болѣе усложнила, запутала, обострила и тѣмъ принесла и впредь будетъ приносить много вреда и себѣ самой и связаннымъ съ нею государствамъ. До какого невѣроятнаго разстройства дошли отношенія между свѣтскою и духовною властію въ государствахъ, принадлежащихъ къ Латинской церкви, это особенно наглядно показываетъ Италія, эта колыбель Римской церкви. Въ самомъ дѣлѣ, Итальянскій король, вся его семья, весь его родъ, весь его дворъ, все его правительство—всѣ они исповѣдуютъ не какую нибудь ненавистную папѣ, или враждебную латинской вѣрѣ религію; напротивъ, всѣ они принадлежатъ къ Латинской же церкви, исповѣдуютъ одну вѣру съ папою. Тѣмъ не менѣе между папою и его дворомъ и духовенствомъ съ одной стороны и между Итальянскимъ королемъ и его правительствомъ съ другой гораздо менѣе мира и гораздо болѣе вражды, чѣмъ, напр., между Турецкимъ Султаномъ и Константинопольскимъ патріархомъ. Не лучше, если не хуже, отношенія между церковію и государствомъ во Франціи, въ которой правительство изгоняетъ все церковное изъ школъ, высылаетъ монашескія ордена заграницу, ограничиваетъ права и преимущества духовенства. Могутъ-ли вражда и раздѣленіе идти дальше? Самъ папа въ энцикликѣ яркими красками описываетъ враждебное настроеніе правительствъ и народовъ противъ Церкви, нужно добавить, именно противъ Латинской церкви. „Многіе, говоритъ онъ, привыкли относиться къ Церкви съ подозрѣніемъ, съ презрѣніемъ, съ ненавистью и завистью; и, что еще печальнѣе, они прибѣгаютъ ко всякимъ способамъ и усиліямъ, чтобы сдѣлать ее рабой гражданскаго правительства. Отсюда отнятіе у нея имуществъ и стѣсненіе ея свободы, созданіе всякихъ затрудненій для кандидатовъ священства, чрезмѣрно суровые законы для духовенства, закрытіе и запрещеніе монашескихъ обществъ“. Но спрашивается, кто виноватъ, что „многіе привыкли относиться къ Церкви съ презрѣніемъ“ и другими непріязненными чувствами? Откуда взялась такая привычка? Папа говоритъ, что „ложныя идеи омрачили и даже во многихъ умахъ искоренили истинное понятіе о Церкви“; но почему же папа и его духовенство не воспрепятствовали распространенію этихъ ложныхъ идей? Корень зла въ томъ, что сама Латинская-то церковь не есть истин-

ная Христова Церковь. Народы Запада потому и утеряли истинное понятіе о Церкви, что въ живой дѣйствительности они видѣли и видятъ не истинную, а лжевѣрующую и неправо дѣйствующую церковь,—церковь, не воздающую Кесарево Кесарю. Вотъ почему Латинская церковь имѣетъ много враговъ даже среди такихъ людей, которые еще не совсѣмъ утратили вѣру въ Бога. Можетъ-ли она послѣ этого разсчитывать на какое нибудь уваженіе со стороны невѣрующихъ? Да и въ ужасномъ распространеніи безбожія на Западѣ не виновата-ли отчасти сама Латинская церковь, хотя и косвенно? Да и косвенно-ли только? Ни одинъ человѣкъ во всемъ мірѣ не принесъ столько вреда религіи и христіанству и не расплодилъ столько безбожниковъ, какъ Вольтеръ. А кто такое былъ Вольтеръ? Задавая этотъ вопросъ, мы не то хотимъ сказать, что онъ принадлежалъ Латинской церкви: вѣдь и среди сыновъ Православной Церкви были и есть безбожники [1]). Вольтеръ былъ крестнымъ и, какъ думаютъ, не однимъ крестнымъ сыномъ аббата Шатонефа, который былъ своимъ человѣкомъ, другомъ дома въ салонѣ легкомысленной матери Вольтера. И этотъ же невѣрующій аббатъ-эпикуреецъ, какихъ въ то время было много во Франціи, своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ религіи первый заронилъ въ сердце своего сына сѣмена насмѣшливаго отношенія къ Библіи, неуваженія къ христіанству и невѣрія. Упоминать-ли о томъ, что латинское духовенство своимъ упорнымъ отрицаніемъ научныхъ истинъ и научныхъ открытій и своимъ безразсуднымъ противодѣйствіемъ научному движенію вооружило противъ себя, противъ церкви и христіанства людей мысли и науки и чрезъ эту борьбу множество людей привело къ невѣрію и явному безбожію? И у папы достало духа указывать на недостатокъ достоинства и благоприличія въ Православной Церкви, въ которой, од-

---

1) Должно, впрочемъ, замѣтить, что безбожіе никогда не зарождалось въ Россіи, а проникало въ нее съ Запада. Такъ, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка безбожіе подъ названіемъ „вольтерьянства“ занесено и заносимо было въ Россію изъ Франціи, а матеріализмъ и невѣріе въ шестидесятыхъ годахъ были распространены въ Россіи чрезъ матеріалистическія сочиненія Фейербаха, Бюхнера, Фогта, Молешотта и другихъ нѣмецкихъ матеріалистовъ. Точно также и соціалистическое и анархическое движеніе семидесятыхъ годовъ было эхомъ такого же движенія на Западѣ.

нако, отношенія между свѣтскою и духовною властію никогда не доходили, да и не могутъ дойти, до такого ужаснаго разстройства, какъ въ странахъ съ латинскою вѣрою! Но, быть можетъ, отношенія между церковію и государствомъ на Востокѣ кажутся лучшими, чѣмъ на Западѣ, намъ самимъ; а по воззрѣнію папы они крайне не нормальны. Пусть такъ, но спрашивается, можно-ли разсчитывать на улучшеніе этихъ отношеній чрезъ соединеніе Православной Церкви съ Латинскою, когда именно въ Латинской-то церкви эти отношенія и доведены до крайняго разстройства и сдѣлались такими главнымъ образомъ вслѣдствіе незаконныхъ притязаній папъ на свѣтскую власть и незаконнаго вмѣшательства латинскаго духовенства въ гражданскія дѣла народовъ и правительствъ? Не смѣшно-ли, что папа сулитъ намъ дать такія блага, которыхъ не имѣетъ его собственная церковь и которыя онъ постоянно усиливается пріобрѣсть для нея, но безуспѣшно? Если въ странахъ, исповѣдующихъ латинскую вѣру, зло раздѣленія и разобщенія церкви отъ государства достигло наивысшей степени и сдѣлалось тяжкой и неисцѣльной язвой, отравляющей и Церковь и государства, если, притомъ, въ возникновеніи, укорененіи и распространеніи этого зла всего болѣе виновны сами же папы и латинское духовенство; то есть полное основаніе опасаться, что это зло привьется и къ православнымъ народамъ въ случаѣ соединенія ихъ съ Латинскою церковію. Не имѣя силъ уврачевать зло разобщенія между государствомъ и церковію въ своей собственной церкви, папа мечтаетъ исцѣлить это зло въ православныхъ церквахъ, хотя онѣ гораздо менѣе нуждаются въ лѣченіи, чѣмъ его собственная церковь. Да и могутъ-ли онѣ довѣриться такому врачу, который, какъ показалъ опытъ, даже и своихъ домашнихъ постоянно лѣчитъ, а вылѣчить не можетъ, лишь только растравляетъ ихъ язвы? Папа, повидимому, воображаетъ, что если Латинская церковь будетъ состоять не изъ двухъ-сотъ милліоновъ человѣкъ, какъ теперь, а изъ трехъ-сотъ милліоновъ, то она пріобрѣтетъ больше средствъ и лучшія средства противъ раздора между свѣтскою и духовною властію; а на самомъ дѣлѣ разница будетъ только та, что теперь отъ этого раздора страдаютъ пять-шесть царствъ, а тогда будутъ терпѣть это зло восемь или десять странъ.

Повидимому, въ намекѣ папы на недостатокъ достоинства и благоприличія Православной Церкви подразумѣваются бѣдность, приниженность и зависимое положеніе нашего русскаго духовенства. Если дѣйствительно такова мысль папы, то онъ совершенно правъ. Латинскіе патеры и прочіе клирики живутъ въ довольствѣ и съ достаткомъ, вполнѣ и хорошо обезпечены и не имѣютъ никакой надобности самимъ обезпечивать свое существованіе или дѣлать запасы на черный день. Сытые, довольные, раскормленные, латинскіе патеры чувствуютъ себя очень хорошо, благодушно; имъ нѣтъ надобности кому-нибудь кланяться, у когонибудь заискивать. Матеріально вполнѣ обезпеченные, подчиненные только своему духовному начальству, они чувствуютъ свою независимость, держатъ себя важно, съ достоинствомъ; они привыкли не подчиняться, а властвовать. Да и обезпечить ихъ ничего не стоитъ, потому что у нихъ нѣтъ ни женъ, ни дѣтей.

Совсѣмъ не таково матеріальное состояніе русскихъ православныхъ священниковъ, сельскихъ, а отчасти и городскихъ. Обремененные почти всегда большими семьями, они не только должны содержать себя и свои семейства, воспитывать своихъ дѣтей и давать имъ образованіе; но очень часто призрѣваютъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ, или воспитываютъ ихъ сиротъ; кромѣ того благоразуміе и предусмотрительность вынуждаютъ ихъ дѣлать еще запасы на будущее, такъ какъ въ случаѣ рановременной смерти священника семья его можетъ остаться въ безпомощномъ положеніи, а въ иныхъ случаяхъ самъ священникъ, дожившій до глубокой и дряхлой старости, можетъ тоже нуждаться, даже въ необходимомъ. Между тѣмъ грошовыя подачки отъ прихожанъ, доходы отъ церковной земли, плата за учительство—все это даетъ столь не высокую сумму, чтоея едва достаетъ на самыя насущныя нужды. Чтобы восполнить недостающее, священники вынуждены обработывать землю. И все-таки священниковъ, имѣющихъ достатокъ, мало. И это, не смотря на самый простой, неприхотливый образъ жизни, не смотря на самую тщательную бережливость и разсчетливость. Самый способъ собиранія доходовъ поставляетъ священника въ зависимость отъ прихожанъ и даже въ унизительное положеніе, и чтобы не лишиться

части своихъ скудныхъ доходовъ, священнику иногда приходится угождать своимъ прихожанамъ. Какъ бѣдно, черно и скудно жили священники даже въ самое послѣднее время, а отчасти и теперь, видно уже изъ того, что въ началѣ истекающаго столѣтія иные священники ходили въ лаптяхъ, а пахать, молотить и производить другія тяжелыя работы своими руками приходится нѣкоторымъ изъ нихъ и теперь [1]). Еще бѣднѣе, разумѣется, жили и живутъ діаконы и псаломщики, а по старому—дьячки и пономари, которые получали доходовъ меньше священниковъ втрое и даже вчетверо. Какъ мало цѣнили труды даже тѣхъ лицъ изъ духовенства, которые получили даже высшее образованіе, видно изъ того, что всего тридцать съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ профессоръ университета получалъ жалованья 1547 р., а профессоръ Духовной Академіи 850 р., учитель гимназіи—850 р., а законоучитель той же гимназіи—350 р., и профессоръ семинаріи отъ 429 р. до 251, смотритель уѣзднаго свѣтскаго училища — 500 р., а смотритель уѣзднаго духовнаго училища—отъ 214 р. до 150 р. Даже и въ настоящее время оклады и доходы профессоровъ университетовъ, и учителей гимназій, реальныхъ училищъ, кадетскихъ корпусовъ и другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній выше, нежели профессоровъ духовныхъ академій и преподавателей духовныхъ семинарій и духовныхъ училищъ, мужскихъ и женскихъ. Но особенно непріятно то, что духовныя лица латинскаго исповѣданія даже въ Россіи матеріально обезпечены гораздо больше, нежели лица православнаго духовенства. Такъ, митрополитъ Филаретъ въ 1862 г. писалъ: „Въ Саратовѣ на содержаніе ученика римско-католической семинаріи назначено 75 р., въ томъ же городѣ на содержаніе ученика православной семинаріи—32 р. Жалованья римско-католическому епископу въ Саратовѣ въ годъ 4480 руб., православному епископу тамъ же 700 р. Члены православныхъ консисторій, духовныхъ правленій, благочинные, проходили сіи должности безъ вознагражденія: не такъ

---

1) О художникахъ братьяхъ Васнецовыхъ недавно писали, что они, учась въ Вятской семинаріи, получали отъ отца своего, сельскаго священника, на пасхальныя удовольствія по 7 коп. на брата. Возможно, что 7 коп. означаютъ 7 коп. ассигнаціями, т. е., 2 копѣйки. Такихъ фактовъ изъ жизни духовенства можно бы привести множество.

должностныя лица римскаго исповѣданія въ Россіи. Многочисленныя сего рода сличенія способны подать поводъ, конечно, не къ тому, чтобы служащіе въ духовномъ вѣдомствѣ воскрилялись и поощрялись, а развѣ къ тому, чтобъ они чувствовали себя сравнительно униженными и менѣе пользующимися вниманіемъ власти“ [1]). А вотъ и еще краснорѣчивое свидѣтельство современника. Епископъ Енисейскій и Красноярскій Никодимъ писалъ въ 1866 г. профессору Платонову: „Намъ дарятъ нищету, полагая тѣмъ намъ услужить, а католичество каруютъ, назначая ксендзу вдвое противъ митрополита православнаго, или хоть столько же. Мнѣ дали въ полѣ за 30 верстъ 60 десятинъ для хозяйства. Ксендзу Красноярскому въ семъ году дали 150 десятинъ, предоставивъ ему выбрать такую землю, какую пожелаетъ, и гдѣ захочетъ. Меня не спросили“. И это было всего 30 лѣтъ тому назадъ. Въ другомъ письмѣ тотъ же епископъ пишетъ: „Только для православныхъ церквей и духовенства въ Россіи не достаетъ капитала, а напр. костеламъ, киркамъ, патерамъ католичества и лютеранства широкіе оклады, шире европейскихъ“ [2]).

Но этого мало: пастыри наши были стѣсняемы даже въ отправленіи своей прямой и важнѣйшей обязанности, въ дѣлѣ проповѣданія Слова Божія съ церковной каѳедры. Священники написанныя ими для произнесенія въ церкви проповѣди были обязаны представлять особому цензору, причемъ цензура проповѣдей большею частію была слишкомъ строгая, придирчивая и нисколько нещадившая авторскаго самолюбія. Безопаснѣе и спокойнѣе было совсѣмъ не говорить проповѣдей, и эту благую часть избирали, разумѣется, очень многіе. Если же епархіальное начальство требовало, чтобы каждый священникъ представлялъ цензору въ годъ не менѣе установленнаго числа проповѣдей, то безопаснѣе было писать и подавать проповѣди отвлеченныя, шаблонно-схоластическія. Такія и писали. За такъ называемыя „современныя проповѣди“ подвергались тайному надзору и нетайному преслѣдованію даже архипастыри [3]). „Свѣже пре-

[1]) Московскія Вѣдомости 1896 г. № 43.

[2]) Богословскій Вѣстникъ. 1896 г., февраль, стр. 307 и 310.

[3]) Нѣкоторые примѣры приведены въ посмертныхъ запискахъ Никанора, Архіепископа Херсонскаго, напечатанныхъ въ Русскомъ Обозрѣніи

данiе, а вѣрится съ трудомъ". Какую цѣну послѣ этого имѣютъ обвиненiя духовенства въ томъ, что оно не проповѣдуетъ, или говоритъ проповѣди безжизненныя и слишкомъ мудреныя!

Не удивительно, что православное русское духовенство, отягощаемое и подавляемое нуждою и бѣдностiю, встрѣчая съ разныхъ сторонъ, и отъ своихъ и отъ чужихъ, то невниманiе и неуваженiе, то презрѣнiе и недоброжелательство, то вражду и противодѣйствiе, стало какимъ-то убогимъ и приниженнымъ. И его же порицаютъ за мнимую косность и недостатокъ ревности! Безъ сомнѣнiя, такое положенiе духовенства не могло благопрiятствовать успѣху его дѣятельности, не могло не сопровождаться ослабленiемъ его влiянiя на народъ.

Но чтобы вывесть русское православное духовенство изъ нужды, чтобы возвысить его самосознанiе, чтобы усилить его влiятельность, для этого вовсе не требуется соединенiе церквей; всего этого можно достигнуть и безъ помощи папы. Чтобы исцѣлить эти недуги духовенства, нужно устранить причины ихъ. Причина бѣдности, приниженности и маловлiятельности русскаго духовенства заключается вовсе не въ томъ, что оно есть духовенство православное, а не латинское, и даже не въ бѣдности Россiи. Главная причина этихъ недостатковъ духовенства, въ которыхъ оно само не повинно, заключается, по нашему мнѣнiю, въ необразованности Россiи. По грамотности, образованности и учености наше духовенство всегда было, да и теперь еще продолжаетъ быть, передовымъ сословiемъ въ Россiи. Но образованные люди цѣнятся тѣмъ менѣе, чѣмъ ниже общiй уровень образованности въ странѣ. Конечно, мы разумѣемъ образованность истинную, а не одностороннюю ученость людей невѣрующихъ, или лжевѣрующихъ, которые ненавидятъ православное духовенство и всячески вредятъ ему. Отъ чего латинскiе епископы получаютъ въ Россiи оклады жалованья гораздо большiе въ сравненiи съ православными

подъ заглавiемъ: *Изъ исторiи ученаго монашества шестидесятыхъ годовъ* №№ 1—3 за 1896 г.; мартъ, стр. 27—31. А какiя утѣсненiя терпѣли православные архипастыри въ Прибалтiйскихъ губернiяхъ и въ Западномъ краѣ!

епископами? Отъ того, что Русскіе доселѣ преклонялись предъ иностранщиной,—преклонялись потому, что чувствовали превосходство предъ собою иностранцевъ. Дурно было не то, что подражали иностранцамъ: перенимать у чужихъ хорошее, перенимать и усвоивать хорошее разсудительно, въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго. Дурно было то, что Русскіе подражали иностранцамъ обезъянски, что, подобно дикарямъ, промѣнивающимъ свои дорогія произведенія на дешевыя, но блестящія бусы, они прельщались мишурою, наружнымъ блескомъ западной цивилизаціи. Напр., подражавшіе французамъ выучивались болтать по французски, но серьезныхъ произведеній французской литературы не читали и не знали, хотя, можетъ быть, и имѣли ихъ въ своихъ библіотекахъ въ роскошныхъ переплетахъ, выставленныхъ на показъ; одѣвались какъ французы и француженки, но не перенимали у нихъ ни наклонности къ бережливости, ни искусства въ обработкѣ земли; увлекались политическимъ и религіознымъ вольномысліемъ французскихъ писателей и были совершенно чужды ихъ гуманнымъ идеямъ. Точно также наши англоманы вводили чопорность въ домашнемъ обиходѣ и самые дома строили по образцу англійскихъ замковъ, но не подражали ни трудолюбію Англичанъ, ни ихъ настойчивости въ достиженіи цѣлей, ни ихъ привычкѣ относиться съ уваженіемъ къ личности и голосу человѣка, кто бы онъ ни былъ, и не изучали доведенныхъ у нихъ до совершенства техническихъ производствъ. Неразвитыхъ людей всего болѣе поражаетъ внѣшность, наружный блескъ; и вотъ наши аристократы и аристократки, уѣзжая въ Италію и разбрасывая тамъ русское золото, добытое тяжкими трудами ихъ крѣпостныхъ, прельщались пышностію тамошнихъ церковныхъ процессій, попадали въ сѣти ловкихъ прелатовъ и коварныхъ іезуитовъ, и не-князей величавшихъ княжескими титулами, и принимали латинскую вѣру, а иные, хотя и не рѣшались на такой шагъ, по крайней мѣрѣ отдавали явное предпочтеніе латинской вѣрѣ предъ православною. Блескъ и церемоніальность латинскаго Богослуженія нравились имъ больше, нежели величественная простота православнаго Богослуженія; и лживые, но за то выдержанные, ловкіе и льстивые латинскіе клирики и монахи въ ихъ глазахъ были несравненно выше, нежели

бѣдные, смиренные, кроткіе и простодушные сельскіе пастыри родной земли. Правда, обстановка нашего сельскаго храма большею частію слишкомъ скудна, и самое Богослуженіе въ немъ мало удовлетворяетъ эстетическій вкусъ молящихся. Но чего стоило помѣщикамъ завесть хотя маленькіе хоры въ своихъ приходскихъ церквахъ? Вѣдь создавали же они изъ крѣпостныхъ и дворовыхъ людей цѣлыя труппы для домашнихъ театровъ и цѣлые оркестры домашней музыки. И все это было такъ недавно, на глазахъ теперь еще живущихъ людей! Вѣдь не прошло и сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Россія сбросила съ себя ярмо крѣпостнаго права, лучше сказать, безправія! При господствѣ произвола и грубой силы могло-ли имѣть большую силу и оказывать большое вліяніе на общество сословіе, не имѣвшее связей ни съ аристократіей, ни съ бюрократіей? Но мало того, что православное русское духовенство не находило поддержки въ господствующихъ классахъ населенія: оно было, а отчасти остается и теперь, подъ гнетомъ и чужихъ и своихъ. Печальнѣе и обиднѣе всего то, что свои иногда угнетали его гораздо болѣе, чѣмъ чужіе. Въ средствахъ содержанія приходское духовенство зависѣло и зависитъ отъ прихожанъ и потому вынуждено угождать имъ; въ охраненіи своихъ правъ, даже въ отправленіи своихъ обязанностей и въ успѣхахъ по службѣ оно зависѣло не только отъ своего начальства, но часто и отъ начальства свѣтскаго, а иногда и отъ всякаго нѣсколько вліятельнаго человѣка. Мы не говоримъ уже о томъ, что русское духовенство ненавидятъ и презираютъ невѣрующіе, либералы и лжевѣрующіе, т. е. раскольники и сектанты: это и вездѣ такъ бываетъ и иначе быть не можетъ. Но въ Россіи духовенство бранили, презирали, угнетали и поставляли препоны его дѣятельности даже многіе изъ вѣрующихъ и православныхъ. Почему такъ относились къ духовенству? По разнымъ причинамъ и побужденіямъ: по невѣжеству и грубости нравовъ, по самодурству, изъ желанія властвовать и показать свою силу, по незнанію условій быта духовенства, по одностороннимъ взглядамъ на пользы Церкви, по зависимости отъ вліяній, чуждыхъ или даже непріязненныхъ Православной Церкви и т. п.

Если, тѣмъ не менѣе, въ истекающемъ столѣтіи и обра-

зованіе и матеріальное благосостояніе православнаго русскаго духовенства не падали, а даже возрастали, то этимъ духовенство обязано, во-первыхъ, тому, что на Руси никогда не было недостатка въ людяхъ, преданныхъ Православной Церкви и съ уваженіемъ относившихся къ ея служителямъ. Напр., многіе помѣщики и купцы не только возобновляли и украшали храмы, но и созидали новые, и вмѣстѣ съ тѣмъ давали обезпеченіе причтамъ. И изъ небогатыхъ людей одни, дѣйствительно, отягощаются необходимостію платить причту за требы; но другіе, напротивъ, считаютъ для себя за честь принять священника.

Во-вторыхъ, русское духовенство много сдѣлало и дѣлаетъ само для себя. Своимъ относительнымъ благосостояніемъ оно обязано той нравственной и умственной силѣ, которая хотя и кажется какъ бы дремлющей [1]), но которая глубоко и твердо заложена въ немъ, поддерживаетъ его въ самыхъ тяжкихъ невзгодахъ жизни, снабжаетъ его членовъ честнымъ кускомъ хлѣба при самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а болѣе способныхъ выдвигаетъ на высокіе посты службы безъ столь распространеннаго у насъ протекціонизма.

---

[1]) Вѣдь и весь Русскій народъ можно назвать соннымъ сравнительно съ народами Запада. Онъ—„богатырь, покойный на постелѣ“. Онъ менѣе дремлетъ, нежели народы Востока, но и менѣе дѣятеленъ, нежели народы Запада. Въ сонливости Русскаго народа отразилось вліяніе Востока. Въ особенности слаба въ этомъ народѣ способность къ почину, къ иниціативѣ, мало въ немъ предпріимчивости. Кто разработываетъ наши естественныя богатства, наживая на затраченные десятки тысячъ милліоны? Все пришлецы съ Запада. Недостатокъ иниціативы, быть можетъ, есть черта всего славянскаго племени, по характеру слишкомъ мягкаго и податливаго. А въ Русскомъ народѣ этотъ недостатокъ могъ усилиться еще отъ того, что онъ слишкомъ долго былъ въ рабствѣ, сначала у Монголовъ, потомъ одною частью у Поляковъ и, наконецъ, у помѣщиковъ, не говоря уже о культурной зависимости отъ Запада. И въ духовенствѣ нашемъ мало предпріимчивости. Но справедливо-ли упрекать его за недостатокъ, свойственный всему народу Русскому, врожденный въ немъ и поддержавный условіями его исторической жизни? Впрочемъ вопросъ еще, нужно-ли очень тужить о томъ, что Русскому народу доселѣ чужда та кипучая лихорадочная дѣятельность, которою объяты теперь народы Запада, отчасти по необходимости. Не угрожаетъ-ли такая дѣятельность народамъ Запада преждевременнымъ одряхлѣніемъ, подобно тому, какъ и человѣкъ, зарвавшійся въ трудѣ, скоро старѣетъ и подвергается опасности умереть рановременно?

Въ-третьихъ, и въ особенности, духовенство много обязано благотворительному вниманію къ его нуждамъ русскихъ государей и нѣкоторыхъ, хотя и немногихъ, лучшихъ государственныхъ людей. За послѣднія сто лѣтъ всѣ русскіе государи, сознавая, какое важное, даже первостепенное значеніе для государства имѣютъ Церковь, православная вѣра и служители Церкви, благосклонно относились къ православному русскому духовенству и предпринимали мѣры къ подъему его умственнаго развитія и къ улучшенію его матеріальнаго быта.

Такъ, императоръ Павелъ I издалъ нѣсколько законовъ, направленныхъ къ тому, чтобы возвысить въ народѣ уваженіе къ святости праздниковъ и почтеніе къ общественному Богослуженію и къ пастырямъ Церкви. Въ его же кратковременное царствованіе, по мысли и при содѣйствіи митрополита Платона, было улучшено преподаваніе богословскихъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ.

При императорѣ Александрѣ I, Благословенномъ, трудами графа Сперанскаго, были капитально преобразованы, почти вновь созданы и умножены въ Россіи духовныя мужскія училища—высшія, среднія и нисшія. Тогда именно былъ твердо установленъ типъ дѣленія духовныхъ школъ на высшія или академіи, среднія или семинаріи и нисшія или духовныя приходскія училища, который, не смотря на неоднократныя послѣдующія перестройки и преобразованія, удержался и доселѣ.

При императорѣ Николаѣ I положено было ежегодно отчислять изъ государственнаго казначейства нѣкоторую сумму въ жалованье бѣднѣйшимъ причтамъ, преимущественно на окраинахъ Россіи; но осуществленіе этой мѣры почему-то было пріостановлено.

При императорѣ Александрѣ II, Преобразователѣ, дѣти церковно-служителей были причислены къ званію личныхъ почетныхъ гражданъ, а дѣти священнослужителей—къ званію личныхъ дворянъ, чрезъ что тѣ и другіе были освобождены отъ тяжкой обязанности приписываться къ такъ называвшимся податнымъ сословіямъ. Были возвышены оклады жалованья служащихъ въ консисторіяхъ, и этимъ положено начало искорененію взяточничества въ этомъ учрежденіи, стяжавшемъ себѣ недобрую славу. Было узаконено выдавать

священникамъ за тридцати-пяти-лѣтнюю безпорочную службу пенсію, которая, какъ ни мала она, всетаки даетъ нѣкоторое обезпеченіе на время безпомощной старости. Въ то же время были преобразованы мужскія духовныя школы—высшія, среднія и нисшія, при чемъ и всегда существовавшая въ духовныхъ школахъ классическая система образованія была расширена, число преподавателей въ духовныхъ училищахъ и въ семинаріяхъ и профессоровъ въ духовныхъ академіяхъ увеличено и каждому изъ преподаваемыхъ предметовъ дано самостоятельное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтственно вздорожанію жизненныхъ припасовъ, прежніе убогіе оклады начальствующихъ, учащихъ и служащихъ въ академіяхъ, семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, а также и оклады на содержаніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ этихъ школъ, были увеличены втрое. Самыя зданія многихъ семинарій были или вновь выстроены или значительно расширены. Осуществить столь значительный подъемъ матеріальнаго благосостоянія духовныхъ школъ можно было только благодаря тому, что императоръ Александръ II повелѣлъ въ прибавокъ къ прежде ассигнованнымъ суммамъ отпускать изъ государственнаго казначейства на содержаніе этихъ школъ ежегодно 1,500,000 р. Въ свою очередь и само духовенство изыскивало средства на расширеніе духовныхъ школъ, открывая на свой счетъ при многолюдныхъ семинаріяхъ сверхъ-штатные классы, и на улучшеніе быта воспитанниковъ ихъ, устрояя дома для общежитія ихъ. Въ это же время во всѣхъ епархіяхъ были или вновь основаны, или совершенно преобразованы епархіальныя женскія училища и сравнены по курсу ученія и по правамъ съ женскими гимназіями свѣтскихъ вѣдомствъ. Постройка и содержаніе зданій для епархіальныхъ женскихъ училищъ, а равно и все содержаніе самыхъ училищъ производились и производятся исключительно на мѣстныя средства Церкви и духовенства, равно какъ на мѣстныя же церковныя средства содержатся отчасти и мужскія духовныя училища [1]). Епар-

[1]) Напр., въ послѣдніе годы царствованія Александра II точно изъ земли выросло въ Рязани превосходное обширное зданіе женскаго епархіальнаго училища, и это училище и числомъ учащихся и достоинствомъ преподаванія въ нѣсколько лѣтъ стало на такую высоту, что далеко опередило издавна существовавшую въ этомъ городѣ женскую гимназію. Затѣвая по-

хіальныя женскія училища имѣютъ весьма важное значеніе и для духовенства и для государства: онѣ даютъ возможность лицамъ духовнаго званія и сословія имѣть образованныхъ женъ и матерей, дочерямъ духовенства даютъ хорошее воспитаніе и образованіе, а сиротамъ и полусиротамъ его (къ сожалѣнію пока еще не всѣмъ)—даровые пріютъ, содержаніе, воспитаніе и образованіе и снабжаютъ ихъ духовнымъ капиталомъ, прибылью съ котораго онѣ могутъ содержать себя во всю жизнь; онѣ снабжаютъ народныя школы благонадежными учительницами [1]).

стройку, строители имѣли въ рукахъ, кажется, тысячъ двадцать, а чрезъ нѣсколько лѣтъ было воздвигнуто, безъ задолженности, зданіе, стоющее не одну сотню тысячъ рублей. Все это было достигнуто самоотверженною преданностію дѣлу просвѣщенія, неутомимыми трудами и необыкновенною энергіею одного человѣка, учителя семинаріи, священника Ѳ. А. Орлова при дѣятельной и сочувственной поддержкѣ со стороны мѣстнаго епископа Палладія (нынѣ Митрополитъ Санктпетербургскій). Мысль о постройкѣ хорошаго зданія въ хорошей мѣстности города принадлежала Ѳ. А., и онъ же осуществилъ ее, жертвуя свои средства, собирая деньги по подписнымъ листамъ, съ утра до вечера наблюдая за работами и т. п. А говорятъ еще, что у насъ нѣтъ людей. Странно говорить это о міровой державѣ, о стомилліонномъ православномъ Русскомъ народѣ. Но нужно умѣть отличать людей искренне-религіозныхъ, способныхъ, знающихъ дѣло и усердныхъ дѣятелей, которые обыкновенно къ наградамъ не пристрастны, молвы не любятъ, о своихъ подвигахъ не кричатъ, отъ людей съ противоположными свойствами, которые только показываютъ видъ, будто они заботятся объ общемъ благѣ и руководятся вызвышенными побужденіями.

[1]) Въ настоящее время правительство дѣятельно заботится объ умноженіи церковно-приходскихъ школъ; но умножніе ихъ было бы сильно затруднено, если бы не было епархіальныхъ женскихъ училищъ. Хорошихъ наблюдателей или надзирателей надъ школами найти легко, потому что на всю имперію ихъ требуется только нѣсколько сотъ, и они получаютъ хорошіе оклады; но приготовить нѣсколько десятковъ тысячъ хорошихъ учительницъ и удержать ихъ на службѣ за вознагражденіе, котораго едва достаетъ даже на скудное пропитаніе, это очень трудно. А между тѣмъ отъ хорошаго учителя или учительницы школы зависитъ все дѣло школы: у хорошаго учителя или учительницы она хороша, у плохаго плоха. Конечно, плохаго учителя или учительницу ничего не стоитъ удалить; но гораздо труднѣе замѣстить ихъ лучшими. Хорошій составъ учителей и учительницъ можно приготовить только въ теченіе долгаго времени. Недавно одна либеральная газета язвительно замѣтила, что для церковно-приходскихъ школъ не достаетъ людей. Мы, напротивъ, думаемъ, что если бы прекратился притокъ кандидатовъ на учительскія мѣста въ земскія и министерскія школы изъ училищъ духовнаго вѣдомства, и если бы находящіеся теперь на службѣ въ земскихъ и министерскихъ школахъ учители и учительницы духовнаго

Въ то же царствованіе были настежь открыты двери духовно-учебныхъ заведеній для дѣтей всѣхъ сословій, чтобы духовенство перестало быть кастою [1]), и чтобы дать возможность всѣмъ желающимъ и способнымъ служить Церкви подготовиться къ этому служенію. Мѣра эта, однако, мало оправдала соединявшіяся съ нею надежды. Вотъ уже прошло тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ духовно-учебныя заведенія принимаютъ въ свои стѣны иносословныхъ, принимаютъ радушно, оцѣниваютъ безпристрастно и даже снисходительно, даютъ имъ даже льготы, какихъ не удостоиваются свои люди; а между тѣмъ и доселѣ всѣ сословія, начиная дворянскимъ и кончая крестьянскимъ, дали столь мало истинно-хорошихъ дѣлателей на среду служенія Церкви, что ихъ можно пересчитать по пальцамъ. Особенно мало желающихъ занять скромный постъ сельскаго священника, почти даже никого нѣтъ.

званія всѣ перешли на службу въ церковно-приходскія школы; то крайній недостатокъ въ людяхъ оказался бы не въ церковно-приходскихъ, а въ земскихъ школахъ. Но, разумѣется, это могло бы быть лишь въ томъ случаѣ, если бы въ церковно-приходскихъ школахъ за тяжкій трудъ учительства давалось вознагражденіе не меньшее, нежели въ земскихъ школахъ; а ожидать, что люди, хотя бы они были и воспитанниками духовной школы, предпочтутъ скудное пропитаніе голодному столу, не возможно, даже не должно. Какъ бы то ни было, но тяжелый крестъ народнаго учительства— въ школахъ земской и грамотности на половину, а въ церковно-приходской полностію несутъ воспитанники и воспитанницы духовныхъ школъ.

[1]) Безпристрастіе и даже крайняя снисходительность, постоянно оказываемыя иносословнымъ, при пріемѣ ихъ въ духовно-учебныя заведенія и во время ученія ихъ тамъ, показываютъ несправедливость обвиненій духовенства въ кастической замкнутости. Духовенство всегда находилось въ близкомъ общеніи съ низшими сословіями, которыя сами не чуждались его: съ купцами, мелкими чиновниками, мѣщанами и крестьянами; а если оно не близко стоитъ къ высшимъ классамъ общества, то потому, что тѣ сами смотрятъ на него свысока и чуждаются его. Еще болѣе чуждается его, презираетъ и ненавидитъ либеральная интеллигенція, но иначе и быть не можетъ. Затѣмъ къ нему враждебно относятся раскольники и сектанты. Должно къ этому прибавить, что въ нѣкоторой мѣрѣ духовенство не можетъ не быть отчужденнымъ отъ общества. Напр., православное русское духовенство не бываетъ въ театрахъ, на общественныхъ балахъ, въ свѣтскихъ концертахъ, на народныхъ и другихъ общественныхъ гуляньяхъ, избѣгаетъ бывать на обѣдахъ въ постные дни. Но это такъ и должно быть, и этимъ православное русское духовенство выгодно отличается отъ духовенства латинскаго.

Наконецъ, въ цѣляхъ улучшенія матеріальнаго быта духовенства въ то время была принята мѣра неудачная, разумѣемъ сокращеніе состава причтовъ. Эта мѣра, если бы она была проведена послѣдовательно, чего, однако, не случилось, могла бы причинить ущербъ благолѣпію церковнаго Богослуженія. Кромѣ того, сокращать число членовъ того сословія, которое преимущественно предъ прочими живетъ не по плоти, а по духу, и которое ни одинъ безпристрастный человѣкъ не посмѣетъ обвинить въ тунеядствѣ, значитъ давать народу и государству только кажущееся облегченіе ихъ бремени, а на самомъ дѣлѣ вредить имъ.

Въ это же царствованіе оживилась богословская литература, которая почти вся полностію принадлежитъ перу духовенства. Почти во всѣхъ губерніяхъ были основаны епархіальныя вѣдомости, въ которыхъ есть очень цѣнныя описанія мѣстныхъ святынь, церковной старины и вообще мѣстной церковной жизни, прошедшей и настоящей. Кромѣ существовавшихъ прежде академическихъ журналовъ явилось нѣсколько частныхъ богословскихъ періодическихъ изданій. Стали выходить въ свѣтъ ученыя сочиненія по разнымъ отраслямъ богословскихъ наукъ. Постепенно были изготовлены учебники по предметамъ семинарскаго и училищнаго образованія, замѣнивши прежнія полуграмотныя записки. Въ столицахъ были основаны Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Какъ ни молода еще была тогда наша богословская литература (зрѣлою, полною и богатою она будетъ еще не скоро), однако напр. въ борьбѣ съ матеріализмомъ и раціонализмомъ она дала обществу не мало сочиненій, переводныхъ и самостоятельныхъ, и журнальныхъ статей, написанныхъ съ достоинствомъ, безъ самопревозношенія и задора, столь вредныхъ дѣлу полемики и столь неприличныхъ богословамъ [1]). Что богословская литература имѣла

---

[1]) Недостатокъ нашей апологетической литературы состоитъ въ запоздалости ея. Напр., книга Архимандрита Михаила, направленная противъ сочиненія Ренана „Жизнь Іисуса“ и противъ раціонализма вообще, явилась лѣтъ 7—8 послѣ появленія книги Ренана. Запаздывали и переводныя сочиненія противъ матеріализма, издававшіяся подъ редакціей Протоіерея Заркевича. Но въ молодой и скудной литературѣ, какова русская богословская литература, это—неизбѣжное зло. Ученыхъ богослововъ у насъ мало, средствъ на изданіе ихъ трудовъ тоже мало, спросъ на серьезныя книги

не малое число читателей, это видно изъ того, что, за исключеніемъ академическихъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей, была издаваема частными и притомъ небогатыми людьми на ихъ собственныя средства.

Ростъ богословской литературы продолжается и доселѣ, при чемъ въ послѣднее время часть ея, въ цѣляхъ болѣе широкаго распространенія ея въ народѣ, приняла практическое направленіе, стала популярной по содержанію и изложенію. Иные, повидимому, желали бы, чтобы и вся богословская литература стала практическою, забывая, что практика, не питаемая теоріею, мелѣетъ какъ рѣка, отъ которой отведенъ главный ея источникъ.

Но особенно живо было сознано важное значеніе Церкви и духовенства для государства въ царствованіе Александра III, Миротворца. Послѣ несчастнаго событія 1-го марта 1881 г., повергнувшаго всю Россію въ ужасъ и скорбь, поняли, что противъ разрушительнаго вліянія матеріализма, соціализма и выродка его анархизма успѣшно можно бороться только духовнымъ оружіемъ, и что это оружіе особенно прочно, надежно и дѣйственно только въ рукахъ Церкви и духовенства. Поэтому духовенству предоставили право наблюденія надъ дѣломъ народнаго образованія въ имперіи и самое широкое дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ. Далѣе, и правительство и само духовенство не покидали заботъ объ улучшеніи образованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и объ улучшеніи матеріальнаго быта учащихъ и учащихся въ нихъ: были вновь пересмотрѣны и нѣсколько измѣнены уставы духовно-учебныхъ заведеній, духовныя училища снабжены учителями съ академическимъ образованіемъ, возвышены оклады жалованья служащихъ и учащихъ въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ и пенсіи профессоровъ въ духовныхъ академіяхъ и оклады содержанія казеннокоштныхъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній. Оживилась миссіонерская дѣятельность, и епископъ Николай, основавшій въ Японіи Православную Церковь, въ которой теперь насчитывается около 23 т. человѣкъ, является до-

---

не великъ. Притомъ серьезное апологетическое сочиненіе нельзя написать скоро и легко; а небольшія легкія статейки не могутъ принесть существенной пользы; въ худшихъ случаяхъ онѣ могутъ быть даже вредны.

стойнымъ преемникомъ Иннокентія Веніаминова; а для цѣлей внутренней миссіи было умножено число монастырей и общинъ, церквей и приходовъ, обращено бдительное вниманіе на борьбу противъ раскола и сектантства и приняты дѣятельныя мѣры къ ограниченію и ослабленію раскола и сектантства; начавшееся въ царствованіе Александра II распространеніе въ народѣ книгъ Священнаго Писанія и религіозно-нравственнаго содержанія продолжается въ возрастающей степени и до настоящаго времени; какъ въ царствованіе Александра II, такъ и въ царствованіе Александра III было умножено число викарныхъ епископовъ и открыто нѣсколько самостоятельныхъ епархій.

Всѣ эти и другія мѣры направлены къ тому, чтобы и всегда свойственные Русскому народу вѣру въ Бога и страхъ Божій, почтеніе къ Церкви и уваженіе къ служителямъ ея, строгость жизни и добрые простые нравы, любовь къ отечеству и преданность царю, поддержать, укрѣпить и возвысить; чтобы предохранить народъ Русскій отъ злотворныхъ вѣяній невѣрія и лжевѣрія, матеріализма и соціализма; чтобы дать ему просвѣщеніе, проникнутое духомъ набожности, церковности, православія.

Наконецъ, нынѣ благополучно царствующій Императоръ Николай II, продолжая политику своего Родителя, повелѣлъ отпускать изъ казначейства ежегодно на церковно-приходскія школы 700,000 р. Этимъ положено твердое основаніе дѣлу распространенія грамотности въ народѣ, просвѣщенія его въ духѣ Церкви, дана возможность не скудно оплачивать трудъ дѣлателей, и открытъ для духовенства и его дѣтей новый источникъ заработка [1]).

Въ итогѣ за послѣднія 35 лѣтъ средства для матеріальнаго благосостоянія и, что гораздо важнѣе, для умственаго развитія и для облагороженія духовенства, равно какъ и богословская производительность его возвысились въ такой степени, какъ никогда прежде. Какая нибудь разорительная война, которая, повидимому, рано или поздно вспыхнетъ въ Европѣ, конечно, отвлечетъ капиталы совсѣмъ въ

[1]) Мы остановились на очеркѣ преобразовательной дѣятельности духовнаго вѣдомства въ Россіи за послѣднія 35 лѣтъ отчасти и для того, чтобы показать несправедливость мнѣнія Запада о неподвижности и мертвенности Православной Церкви.

другую сторону. Но если, не смотря на возможныя превратности временъ, и правительство и само духовенство не оставятъ и впредь заботъ о подъемѣ матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія духовенства, то послѣднее въ двадцатомъ столѣтіи, можно чаять, достигнетъ матеріальной обезпеченности, а его образованіе—достаточной полноты и высоты и плодъ послѣдняго—богословская литература—нѣкоторой зрѣлости. Помощь папы для этого нашему духовенству вовсе не нужна, да онъ и не можетъ оказать ее [1]).

При полной обезпеченности духовенство получитъ возможность всѣ свои силы посвящать пастырскому служенію; приниженности духовенства, уже значительно ослабѣвшей, не будетъ совсѣмъ; уваженіе къ нему народа, высокое и теперь, возвысится еще больше; вліяніе духовенства на народъ усилится. Впрочемъ и теперь высокое достоинство русскаго духовенства выражается въ томъ, что оно, не смотря на неблагопріятныя условія своего существованія, исполняетъ и прежде исполняло свой долгъ очень хорошо. И во всѣхъ классахъ общества, а въ духовенствѣ по преимуществу, самое важное и главнѣйшее есть внутренняя, духовная сила—религіозность, нравственность, таланты, развитіе, образованіе, трудолюбіе, ревностное исполненіе своихъ обязанностей и т. п. Но въ этихъ и прочихъ добрыхъ проявленіяхъ духа русское духовенство стоитъ частію не ниже, а частію и выше духовенства Латинской церкви. Въ религіозности православнаго русскаго духовенства нѣтъ ни фанатизма, ни лицемѣрія, между тѣмъ какъ тотъ и другой недостатокъ составляютъ не рѣдкое явленіе въ рядахъ латинскаго духовенства. Примѣры безрелигіозности въ православномъ русскомъ духовенствѣ— рѣдчайшее исключеніе, а въ латинскомъ

---

[1]) Говоря объ обезпеченіи духовенства, мы не желаемъ, чтобы оно было богато: богатство можетъ принесть ему больше вреда, чѣмъ даже скудость. Но священно-служители и церковно-служители должны быть обезпечены на столько, чтобы они могли имѣть достатокъ безъ постороннихъ ихъ служенію заработковъ и чтобы, въ случаѣ рановременной смерти ихъ, всѣ дѣти ихъ могли получить приличное ихъ званію воспитаніе и образованіе на государственныя или церковныя средства, такъ чтобы никто изъ священно- и церковно-служителей не трепеталъ отъ страха при мысли, что если онъ умретъ въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, то вдова и дѣти его окажутся въ самомъ тяжеломъ положеніи.

духовенствѣ она встрѣчается чаще. Нравственность православнаго русскаго духовенства выше нравственности латинскаго духовенства. По степени образованности православное русское духовенство едва-ли много уступаетъ латинскому. Факты на лице: духовныя мужскія школы—низшія, среднія и высшія и женскія среднія вообще не уступаютъ соотвѣтственнымъ училищамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ, не смотря на то, что онѣ обставлены бѣднѣе школъ прочихъ вѣдомствъ; духовныя школы не только наполнены, но и переполнены дѣтьми духовенства, не говоря о томъ, что множество дѣтей духовенства учится въ школахъ другихъ вѣдомствъ; среди духовенства не легко встрѣтить даже дьячиху, которая бы пожалѣла отдать послѣдніе гроши на образованіе своихъ дѣтей; не смотря на бѣдность, русское духовенство не только обучаетъ на свой счетъ большую часть своихъ дѣтей, но жертвуетъ свои средства и на устроеніе самыхъ школъ (духовныя училища, мужскія и женскія, и сверхъ-комплектные классы въ семинаріяхъ); русское духовенство исключительно изъ своей среды не только приготовляетъ людей для занятія всѣхъ мѣстъ своего вѣдомства, начиная съ высшаго сановника и кончая псаломщиками и миссіонерами, но и отпускаетъ въ другія вѣдомства большой избытокъ своихъ людей: дѣтей духовенства встрѣтите на всѣхъ поприщахъ государственной, общественной и частной службы, начиная съ писцовъ и кончая министрами, а особенно ихъ много среди профессоровъ, врачей, технологовъ, учителей всякихъ школъ всѣхъ вѣдомствъ, вообще на тѣхъ постахъ, гдѣ требуются трудъ, знаніе, образованіе, таланты. Такое сословіе не загинетъ, сколько бы ни стѣсняли его враждебные ему или непонимающіе его люди; не пропадетъ и народъ, ввѣренный его духовному водительству. Для поддержанія, расширенія и процвѣтанія своей дѣятельности русское духовенство не нуждается въ помощи папы и его духовенства. Русское православное духовенство меньше учитъ народъ перомъ и словомъ, на за то больше учитъ его примѣромъ своей доброй жизни; а такой способъ наставленія и труднѣе и дѣйственнѣе, чѣмъ ученіе словомъ, и свидѣтельствуетъ о высокомъ нравственномъ достоинствѣ духовенства. Писать благонамѣренныя книжки и статьи, громить невѣрующихъ и либераловъ, обличать всевозможные

пороки и нравственную распущенность, это не очень трудно. Но обличительная литература и проповѣдь только тогда идетъ въ прокъ, когда она искрення, когда обличенія изливаются изъ сердца, а не есть рѣчь резонера, хотя бы и искусная. Если писатель или проповѣдникъ глубоко убѣжденъ въ тѣхъ истинахъ, которыя онъ отстаиваетъ, если душа его отвращается отъ невѣрія, маловѣрія и безнравственности, если онъ болѣетъ своимъ сердцемъ о невѣрующихъ и безнравственныхъ, то слово его, и защитительное и обличительное, глубоко проникнетъ въ сердца читателей, или слушателей вѣрующихъ и не можетъ не оказать благотворнаго дѣйствія на самихъ невѣрующихъ и безнравственныхъ. Если, напротивъ, писатель, или проповѣдникъ самъ ни горячъ, ни холоденъ, то писаніе и слово его, какъ бы ни было оно составлено искусно, будетъ только чесать слухъ и цѣли своей никогда не достигнетъ. Если, наконецъ, писатель, или проповѣдникъ самъ—человѣкъ полувѣрующій, или даже невѣрующій, или безнравственный, а между тѣмъ для прикрытія свой порочности или ради карьеры надѣваетъ маску набожности и съ лицемѣрною ревностію изобличаетъ тѣ пороки, которымъ самъ подверженъ, и защищаетъ тѣ истины, въ которыя самъ не вѣритъ, или мало вѣритъ, то такое проповѣданіе есть *мерзость запустѣнія, стоящая на святомъ мѣстѣ,* и приноситъ плоды не менѣе ядовитые, чѣмъ открытая проповѣдь невѣрія. Вотъ такихъ-то бездушныхъ и лицемѣрныхъ ревнителей вѣры среди православнаго духовенства и среди дѣтей его почти нѣтъ [1]), а среди ла-

[1]) Личность Ракитки, семинариста-карьериста, который въ Бога не вѣруетъ, а своею благонамѣренною книжкою обманулъ преосвященнаго, изображенная Достоевскимъ въ его романѣ „Братья Карамазовы“, быть можетъ, взята изъ жизни, но среди дѣтей духовенства такіе люди—рѣдкое исключеніе. Русскій семинаристъ прямолинеенъ; роль Тартюфа ему не къ лицу, не подходитъ къ его характеру, и онъ никогда не съумѣетъ разыграть ее такъ искусно, какъ семинаристъ латинской семинаріи, патеръ, или аббатъ. Уже по этому Тартюфы изъ семинаристовъ—рѣдкость. Да и вообще среди простодушнаго славянскаго племени, воспитаннаго, притомъ, въ истинной православной вѣрѣ, Тартюфовъ мало. Чаще можно встрѣтить полулицемѣровъ, т. е., людей хотя и вѣрующихъ, но которые защищаютъ вѣру и обличаютъ лжеученія не по горячей любви къ истинѣ, а изъ своекорыстныхъ личныхъ разсчетовъ. Это—полу-Ракитки. Къ сожалѣнію, въ настоящее время число такихъ полу-Ракитокъ умножается, повидимому.

тинскаго духовенства ихъ не мало. Православные русскіе священники говорятъ проповѣди рѣже и не столь искусно, нежели латинскіе патеры; но за то у нихъ слово не расходится съ дѣломъ, съ жизнію, они искренни [1]). Что русскіе пастыри проповѣдуютъ меньше и рѣже латинскихъ патеровъ и протестантскихъ пасторовъ, это до насъ еще оправдывали тѣмъ, что наше православное Богослуженіе гораздо продолжительнѣе латинскихъ мессъ и протестантскихъ литургій и само по себѣ высоконазидательно. Какъ бы ни порицали русское православное духовенство и враги и друзья его за нерадѣніе о проповѣданіи Слова Божія и за другіе недостатки, высокое достоинство его свидѣтельствуется тѣмъ фактомъ, что оно, не смотря на бѣдность и другія тяжкія условія своего существованія и не смотря на многія препоны для его дѣятельности, и само сохранило въ чистотѣ православную вѣру и удержало русскій народъ въ этой вѣрѣ и даже значительно распространило ее среди другихъ народностей, живущихъ въ Россіи. Порицатели духовенства этого слона-то и не замѣчаютъ. Правда, много есть въ Россіи и раскольниковъ и сектантовъ; но развѣ не было ихъ въ первенствующей Церкви? Даже въ самый цвѣтущій, золотой вѣкъ христіанскаго просвѣщенія Церковь была обуреваема широко развившимися въ ней ересями — аріанскою, македоніанскою, несторіанскою и евтихіанскою. Между тѣмъ какъ русское духовенство и само сохранило чистую православную вѣру и оберегло ее въ огромной части народа, папы и его духовенство сами первые уклонились отъ чистой истины древней вселенской Церкви и ввели въ ересь

---

1) Путешествуя по разнымъ странамъ Западной Европы, мы не упускали случаевъ бывать въ костелахъ и киркахъ въ качествѣ наблюдателя тамошней церковной жизни, и намъ привелось выслушать не мало проповѣдей латинскихъ патеровъ и протестантскихъ пасторовъ. Иные изъ патеровъ по живости, выразительности и разнообразію тѣлеснаго краснорѣчія не уступали лучшему актеру; проповѣдь одного изъ нихъ была громовою. Но намъ казалось, что это воодушевленіе искуственное, напускное, въ словахъ не было внутренняго огня, и они были холодны. Пасторы жестикулируютъ гораздо меньше, говорятъ и держатъ себя на каѳедрѣ естественнѣе и обнаруживаютъ только немного болѣе живости, подвижности и развязности, нежели русскіе проповѣдники. Главное преимущество проповѣди патеровъ и пасторовъ предъ русскою проповѣдію въ томъ, что она есть живое слово, а не чтеніе по тетради.

и заблужденія и народы своей церкви. Чистота истинной вѣры въ народѣ, и въ особенности въ духовенствѣ, есть высшее благо и безцѣнное преимущество, съ которымъ не могутъ сравниться никакія другія достоинства. Поэтому папѣ вовсе не къ лицу упрекать Православную Церковь въ недостаткѣ достоинства и благоприличія; не православное, а латинское духовинство не имѣетъ истиннаго достоинства. Вмѣсто того, чтобы покивать главой на недостатки православнаго духовенства и обѣщать исправить его чрезъ подчиненіе его своей власти, папа лучше занялся бы исправленіемъ своего собственнаго духовенства, въ рядахъ котораго хотя есть люди достойные своего званія, но не мало есть патеровъ и монаховъ, которые въ распущенности и невѣріи не уступятъ отцу Вольтера [1]).

Но если бы даже православное духовенство было гораздо хуже, чѣмъ каково оно есть, и нуждалось бы въ преобразованіи и улучшеніи, не понятно, какимъ образомъ оно улучшилось бы чрезъ соединеніе Православной Церкви съ Латинскою. Быть можетъ, оно улучшилось бы чрезъ подражаніе духовенству Латинской церкви и уподобленіе ему? Но довольно съ насъ и того, что мы болѣе двухъ вѣковъ пересаживали съ Запада чуждое Русскому народу и православію безжизненное и слишкомъ формальное схоластическое богословіе и что мы, обезъяннически подражая Западу, наводнили нашу духовную школу и науку варварскою латынью, ненужною даже и самимъ латинянамъ, а намъ совсѣмъ чуждою и безполезною; какъ будто догматику и другія богословскія, а также словесныя и философскія науки можно лучше изложить и основательнѣе изучить на латинскомъ, а не на русскомъ языкѣ. Опытъ не одной Россіи,

---

[1]) Говоря о достоинствахъ и недостаткахъ русскаго православнаго духовенства, мы разумѣемъ собственно духовенство центральныхъ, чисто русскихъ губерній, которое мы знаемъ по личнымъ наблюденіямъ. Что касается до духовенства окраинъ, то мы знаемъ его мало, но по слухамъ матеріально оно обезпечено лучше, а въ религіозно-нравственномъ отношеніи стоитъ ниже, нежели духовенство центра Россіи. Это весьма возможно, потому что на окраинахъ и весь вообще народъ хуже, духовно-учебныя заведенія менѣе совершенны, требованія отъ кандидатовъ на священнослужительскія и церковнослужительскія мѣста менѣе строги и самый выборъ кандидатовъ, по недостаточному числу послѣднихъ, затруднительнѣе, нежели въ центральной или коренной Россіи.

а и другихъ народовъ показываетъ, что, заимствуя у иноземцевъ хорошее, народъ невольно перенимаетъ у нихъ и дурное, и даже дурное или пустое перенимаетъ чаще, чѣмъ хорошее и полезное. Притомъ, полезное одному народу, другому бываетъ не нужно, или и прямо вредно. Въ особенности мы Русскіе не умѣемъ соблюсти мѣру и тактъ въ переимчивости и легко впадаемъ въ крайности. Да и что бы могло православное духовенство заимствовать у духовенства Латинской церкви? Обязательное безбрачіе? Но оно не согласно съ словами Іисуса Христа: *Кто можетъ вмѣстити, да вмѣститъ* (Мато. 19, 12), было отвергнуто на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ, въ самой Римской церкви было узаконено только въ 11-мъ вѣкѣ, а въ Восточныхъ церквахъ оно никогда не существовало, и, какъ показалъ опытъ, болѣе благопріятствуетъ безнравственности духовенства, нежели пользамъ Церкви. А если и есть что хорошее въ латинскомъ духовенствѣ, какъ напр. ревность къ преподаванію Слова Божія и къ школьному учительству, то, чтобы возбудить духъ такой же ревности въ православномъ духовенствѣ, не требуется соединеніе церквей, а нужно поставить православное духовенство въ условія, болѣе благопріятныя для пастырской дѣятельности, а именно, дать ему возможность не терять своего времени на занятія, чуждыя пастырской дѣятельности, не стѣснять этой послѣдней, а, напротивъ, давать ей возможно большій просторъ и поощрять дѣлателей усердныхъ и способныхъ.

Между тѣмъ какъ на недостатки Православной Церкви, которые будто бы будутъ устранены уніей ея съ Латинскою церковію, папа только намекнулъ, о нестроеніяхъ политическихъ, государственныхъ и соціальныхъ онъ говоритъ прямо и опредѣленно. Политическія нестроенія выражаются всего болѣе въ теперешнемъ вооруженномъ мирѣ, который не легче войны, такъ какъ теперь вся Европа стоитъ подъ ружьемъ, а это сопровождается неисчислимыми потерями экономическими и наноситъ огромный вредъ и духовному развитію населенія; государственныя нестроенія обнаруживаются въ раздорѣ между волею народа и властію правительства; соціальныя—въ борьбѣ между трудомъ и капиталомъ, между рабочими и работодателями, между бѣдными и трудящимися классами населенія и капиталистами.

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что политическое положеніе европейскихъ государствъ крайне не нормально, затруднительно и тягостно въ настоящемъ и грозитъ опасностями въ будущемъ. Содержаніе и вооруженіе милліонныхъ армій, постройка крѣпостей и флотовъ, упражненія въ стрѣльбѣ поглощаютъ ежегодно милліарды рублей; мужское населеніе въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ отрывается отъ домашняго очага и отъ мирныхъ занятій; это содѣйствуетъ нравственному огрубѣнію населенія, причиняетъ ущербъ всѣмъ мирнымъ занятіямъ, задерживаетъ ростъ промышленности, торговли, наукъ и искусствъ; самое ожиданіе ужасной кровавой развязки этого вооруженнаго мира давитъ народы Европы тяжкимъ гнетомъ. Если этотъ вооруженный миръ протянется долго, то онъ можетъ привесть правительства къ банкротству, народы—къ разоренію и одичанію. Однимъ словомъ, теперешній вооруженный миръ—великое зло и угрожаетъ кончиться ужасною общеевропейскою войною.

Но какъ избавиться отъ этого зла?

Освободиться отъ этого вооруженнаго мира и достигнуть истиннаго мира, по мнѣнію папы, можно не иначе, какъ по милосердію Іисуса Христа.

Въ этомъ мы вполнѣ съ нимъ согласны. Но спрашивается, развѣ Православная Церковь меньше Латинской можетъ надѣяться получить дары милосердія Христова? Развѣ она менѣе Латинской церкви достойна и способна привлекать милосердіе Божіе на народы?

Папа, конечно, скажетъ: да, потому что онъ считаетъ Православную Церковь схизматическою, неистинною церковію. А мы, напротивъ, убѣждены, что Православная Церковь болѣе достойна милости Божіей, нежели Латинская церковь; потому что первая есть истинная Церковь, а послѣдняя есть церковь раскольническая.

По мнѣнію папы, погасить честолюбіе, алчность и соперничество, отъ которыхъ обыкновенно возгорается война, ничто не можетъ лучше, какъ христіанскія добродѣтели, въ особенности справедливость.

И въ этомъ мы согласны съ папою; но развѣ въ Православной Церкви менѣе процвѣтаютъ христіанскія добродѣтели, нежели въ Латинской? Не менѣе, а болѣе.

Поэтому и для привлеченія милосердія Христова къ удру-

ченнымъ гнетомъ военщины народамъ и для процвѣтанія среди нихъ христіанскихъ добродѣтелей не Православной Церкви нужно стать Латинскою церковію, а, наоборотъ, Латинской церкви должно принять православіе.

Папа вполнѣ справедливо говоритъ, что Церковь, сообразуясь съ переворотами временъ, умѣетъ наилучшимъ образомъ содѣйствовать общему благу, что она способна разрѣшать самые трудные вопросы, что она можетъ созидать царство права и справедливости, служащихъ твердыми основами общества, и доставлять благоденствіе царствамъ. Но, по нашему мнѣнію, благотворное вліяніе на царства и народы можетъ оказывать только истинная Церковь Христова, какова и есть Церковь Православная, а не Латинская. Что это и на самомъ дѣлѣ такъ, это подверждается отчасти военною исторіею. Возьмемъ въ примѣръ 19-е столѣтіе. Кто въ это столѣтіе возжигалъ войны? Прежде всего Наполеонъ I-й. А Наполеонъ I-й былъ сыномъ Латинской Церкви, былъ императоромъ народа, исповѣдующаго латинскую вѣру. Крымская война была начата опять-таки французскимъ императоромъ Наполеономъ III, и Франція была во главѣ коалиціи противъ Россіи. Польскій народъ, принадлежащій къ Латинской церкви, два раза поднималъ знамя бунта противъ православной Россіи. Хотя и не папистическая, но и не православная Пруссія троекратно возжигала войну, причемъ въ 1870 г. за одно съ нею противъ Франціи воевали Баварія и другія южно-германскія княжества, исповѣдующія латинскую вѣру. Пруссія намѣревалась было воевать и въ четвертый разъ, въ 1875 г., чтобы окончательно разгромить Францію, но была удержана Россіею. Латинская Австрія воевала противъ Латинской Италіи. Италія вмѣстѣ съ Франціей воевали противъ Папской Области. Донъ-Карлосъ окровавилъ Испанію междоусобицей, и въ этомъ дѣлѣ папа поддерживалъ его такъ же, какъ онъ чрезъ ксендзовъ сильно поддерживалъ польскихъ мятежниковъ противъ Россіи. Напротивъ, православная Россія хотя много разъ бралась за оружіе, но воевала она или противъ невѣрныхъ Турокъ, защищая христіанскіе народы, при чемъ въ 1877 г. она была вопреки желанію втравлена въ войну съ Турціею, или противъ невѣрныхъ и разбойническихъ народовъ на Кавказѣ и Средней Азіи, внося туда послѣ

завоеванія блага мира, законовъ и просвѣщенія, или помогая слабымъ христіанскимъ народамъ противъ завоевательнаго нашествія сильнаго, какъ это было въ 1805, въ 1807, въ 1813—1815 гг., или защищая монархическую власть противъ революціи, какъ въ Венгерскую компанію въ 1849 г., или, наконецъ, обороняясь отъ напавшихъ на нее враговъ, какъ это было во время славной отечественной войны и во время Крымской компаніи. Однимъ словомъ, Россія, не смотря на свою мощь, за послѣднее столѣтіе не была завоевательною державою; и если, тѣмъ не менѣе, ея владѣнія значительно увеличились за это время, то это было естественнымъ результатомъ войнъ, которыя не она первая начинала, на которыя она была вызываема и вынуждаема ея врагами. А въ послѣднія два царствованія она не только не держалась завоевательной политики, но даже тушила воинственный задоръ западныхъ народовъ. Императоръ Александръ III справедливо получилъ прозваніе „Миротворца“. Но и Императоръ Александръ II не менѣе заслужилъ это названіе. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ не желалъ вести войну съ Турціей, какія усилія онъ употреблялъ къ тому, чтобы уладить дѣло мирно. Его и Россію втянула тогда въ войну коварная политика Англіи, Германіи и Австріи. Кромѣ того и общественное мнѣніе въ самой Россіи, возбужденное горячими воззваніями славянофиловъ, требовало войны. Всѣмъ также извѣстно, что только благодаря безкорыстному заступничеству Александра II за Францію въ 1875 г. предотвращено было нашествіе Германіи на Францію. Напротивъ, всѣ другія великія державы Запада: Франція, Германія, Австрія, Англія, если только имѣли возможность и случаи, держались завоевательной политики. Такой контрастъ тѣмъ болѣе поразителенъ, что Россія слыветъ у иностранцевъ подъ именемъ варварской страны, да и дѣйствительно по грамотности и образованности она далеко отстала отъ всѣхъ народовъ Запада. Источникомъ такого безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ исторіи миролюбія Россіи можно признать мягкій характеръ, кротость и добродушіе славянъ, каковыя свойства принадлежатъ Германскимъ и Романскимъ народамъ въ меньшей мѣрѣ. Но несомнѣнно, что и православная вѣра, какъ вѣра истинная, смягчила нравъ Русскаго народа гораздо въ бо́льшей степени, нежели какъ этого

могла достигнуть латинская вѣра относительно исповѣдующихъ ее народовъ. Мало того: сами папы иногда бывали виновниками кровопролитія. Напр., при завоеваніи Папской области Итальянцы проливали кровь своихъ же собратьевъ, между тѣмъ какъ для предотвращенія безполезнаго кровопролитія папа долженъ былъ бы добровольно отдать свою область, тѣмъ болѣе, что вѣдь ни Апостолъ Петръ, ни другіе Апостолы никакихъ областей не имѣли и не желали имѣть. Что бы ни говорили про русское духовенство, но русскіе священники, памятуя, что они приносятъ безкровную жертву, и что ихъ обязанность не сражаться, а молиться, никогда не запятнали своихъ рукъ кровью враговъ, между тѣмъ какъ польскіе ксендзы стояли во главѣ повстанскихъ бандъ. Никогда русское духовенство не причиняло никакихъ утѣсненій или обидъ живущимъ въ Россіи латинянамъ; да и народъ русскій не утѣснялъ ихъ. Напротивъ, польское духовенство и папы нѣкогда гнали православіе и православныхъ, въ особенности православное духовенство, въ Литвѣ и въ Юго-Западной Россіи такъ, какъ въ первые вѣка христіанства язычники гнали христіанъ: кощунствовали, грабили, жгли, убивали. Такъ спрашивается, кто же болѣе способенъ низводить блага милосердія Христова на народы—Православная-ли Церковь, или Латинская? Кто способнѣе угашать возжигающія войну хищническія наклонности—Православная Церковь, или Латинская? Въ какихъ странахъ болѣе процвѣтаютъ добродѣтели человѣческаго миролюбія и христіанскаго миротворчества—въ православныхъ, или въ латинскихъ? Какое духовенство миролюбивѣе—православное, или латинское? Угнетаемая и разоряемая военщиной Европа отъ кого болѣе можетъ ожидать благодѣяній мира—отъ миролюбивыхъ-ли православныхъ народовъ Востока, или отъ воинственныхъ народовъ латинскаго Запада?

По мнѣнію папы, чрезъ соединеніе церквей произошло бы превосходное взаимообщеніе между народами.

Весьма возможно, что оно и произошло бы, но только при такомъ соединеніи церквей, которое состояло бы въ принятіи латинянами, протестантами и другими христіанскими церквами и обществами православія. Но вѣдь папа желаетъ не такого соединенія церквей, а иного, при которомъ бы всѣ

церкви и христіанскія общества имѣли одинаковую вѣру съ папою, вѣру латинскую. А исповѣданіе всѣми христіанскими народами латинской вѣры примирило-ли бы эти народы между собою? Опытъ показыкаетъ, что обѣщаемое папою примиреніе между народами не произошло бы. Что мы видимъ въ настоящее время? Австрія и Италія, принадлежащія къ Латинской церкви, дружатъ не съ единовѣрными Испаніей и Франціей, а съ протестантскою Пруссіей; союзъ Италіи съ Пруссіей направленъ прямо противъ Франціи, такъ что Итальянцы вотъ уже много лѣтъ состоятъ политическими друзьями протестантскаго народа и политическими врагами народа, исповѣдующаго латинскую вѣру. Не такъ давно Австрія воевала противъ Италіи. Съ другой стороны, подчиненная папѣ Франція дружитъ не съ Испаніей, или Италіей, и не съ Австріей, или Баваріей, а съ православною Россіей, и это не смотря на то, что во Франціи правленіе республиканское, а въ Россіи неограниченномонархическое. Такимъ образомъ въ настоящее время одинаковость, или разпость исповѣданія не оказываютъ почти никакого вліянія на образованіе политическихъ союзовъ; разновѣрные народы вступаютъ въ союзы, а единовѣрные, и въ частности исповѣдующіе латинскую вѣру, воюютъ другъ противъ друга, или по крайней мѣрѣ собираются воевать. Быть можетъ, папа полагаетъ, что если всѣ церкви соединятся, т. е., съ его точки зрѣнія, всѣ онѣ подчинятся ему, то онъ сдѣлается всемогущимъ главою всего христіанскаго міра, и тогда будетъ достаточно одного его слова, чтобы запретить христіанскимъ народамъ воевать другъ противъ друга и даже заставить ихъ расковать копья на серпы и мечи на орала. Но спрашивается, почему же папа теперь не прикажетъ Италіи, признающей его своимъ церковнымъ главою, не вооружаться противъ единовѣрной Франціи и не быть въ союзѣ съ еретическою Пруссіей? Если папа не имѣетъ власти и силы установить взаимный миръ между латинскими государствами, когда число латинянъ простирается до 200 милліоновъ, то легко-ли ему будетъ поддерживать дружбу между всѣми латинскими странами, когда число латинянъ возрастетъ до 400 милліоновъ? Привесть къ общему согласію десять народовъ гораздо труднѣе, чѣмъ уладить отношенія между четырьмя народами. Поэтому съ подчине-

ніемъ всѣхъ церквей папѣ осуществленіе популярной теперь мечты о всеобщемъ разоруженіи и международномъ мирѣ не подвинулось бы ни на волосъ. А если припомнить исторію папства, то можно ожидать, что подчиненіе всего христіанскаго міра папѣ, какъ церковному главѣ, не улучшитъ, а ухудшитъ международныя отношенія, принесетъ не блага мира, а ужасы кровопролитія; потому что папство само было тѣмъ троякимъ очагомъ, на которомъ, по словамъ Льва XIII, загорается война, ибо оно въ своихъ стремленіяхъ и дѣятельности не свободно ни отъ честолюбія, ни отъ своекорыстія и соперничества, ни, добавимъ, отъ властолюбія, этого четвертаго очага, возжигающаго войну.

Соединеніе церквей съ Латинскою церковію не окажетъ никакой помощи и рѣшенію вопросовъ государственнаго и соціальнаго. По мнѣнію папы, для мудраго и справедливаго рѣшенія ихъ имѣетъ первостепенное значеніе христіанская вѣра, пробуждающая чувство долга и дающая силу осуществлять его. Это безспорная истина; но при чемъ тутъ присоединеніе Православной Церкви къ Латинской? Неужели папа воображаетъ, будто православные не имѣютъ христіанской вѣры? Неужели этой вѣры, необходимой для благопріятнаго рѣшенія упомянутыхъ вопросовъ, у православныхъ христіанъ меньше, нежели у латинянъ? Не на Западѣ-ли, и въ частности не въ государствахъ-ли, исповѣдующихъ латинскую вѣру, государственныя и соціальныя нестроенія и бѣдствія достигли въ наши дни угрожающихъ размѣровъ? Не во Франціи-ли, Бельгіи, Италіи и Испаніи зародились соціализмъ и анархизмъ? Не тамъ-ли и не въ Германіи-ли, значительная часть которой исповѣдуетъ латинскую вѣру, соціализмъ и анархизмъ укоренились и распространились до такой степени, что угрожаютъ благосостоянію не только частныхъ лицъ, правителей и правительствъ, но заставляютъ даже опасаться, какъ бы они, усиливаясь все болѣе и болѣе, не подкопали всего современнаго строя европейской жизни и не разрушили достигнутыхъ многовѣковыми трудами благъ современной гражданственности европейскихъ народовъ? Какимъ образомъ превращеніе православнаго христіанства въ латинское можетъ устранить государственныя нестроенія и соціальныя бѣдствія, если теперешняя Латинская церковь во главѣ съ папою не могла ни предотвра-

тить ихъ возникновенія, ни воспрепятствовать ихъ росту и распространенію? Врачу, исцѣлися самъ, и тогда лѣчи другихъ! Пусть папа вкупѣ съ своею церковію возстановитъ нарушенное равновѣсіе между властію правительствъ и свободою народовъ, между капиталомъ и трудомъ, и тогда можно будетъ признать не пустыми фразами его обѣщанія наградить благами государственнаго и общественнаго порядка тѣ народы, которые онъ домогается подчинить своей церковной власти. Напомнимъ, впрочемъ, папѣ, что православные народы, по благости Божіей, уже наслаждаются этими благами; а отъ добра добра не ищутъ [1]).

Въ частности для рѣшенія вопроса государственнаго, по мнѣнію папы, особенно полезныя указанія можетъ дать христіанская философія. Допустимъ; но именно латинское духовенство всего менѣе благопріятствовало развитію христіанской философіи. Оно слишкомъ фанатично относилось, да и теперь не прекратило своей нетерпимости, къ проявленіямъ философской, богословской и вообще научной мысли. Каталоги запрещенныхъ книгъ (Indices librorum prohibitorum) получили всемірную извѣстность, какъ гасильники просвѣщенія. А главное, почему христіанская философія можетъ оказать пособіе при рѣшеніи государственнаго вопроса только въ Латинской церкви и въ тѣхъ церквахъ, которыя соединятся съ нею? Не то же-ли значеніе имѣетъ она въ Православной Церкви, хотя эта послѣдняя и не состоитъ въ союзѣ съ Латинскою церковію?

„Установивъ, говоритъ папа, одобренное съ общаго согласія положеніе, что, какова бы ни была форма государственнаго правленія, власть установлена отъ Бога, самый разумъ признаётъ, что однимъ болѣе принадлежитъ законное право повелѣвать, а другимъ—обязанность повиноваться". Такого соглашенія относительно положенія, что всякая власть установлена Богомъ, можно было бы достигнуть лишь при томъ условіи, чтобы всѣ люди были вѣрующіе, Но развѣ папѣ не извѣстно, что теперь есть много невѣрующихъ?

---

[1]) Вопросъ государственный, объ отношеніи между властію и свободою, недавно былъ обсуждаемъ на основаніи ученія Священнаго Писанія Архіепископомъ Амвросіемъ въ Словѣ на день тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. См. Вѣра и Разумъ 1896 г. № 14 и Церковныя Вѣдомости 1896 г. № 30.

Какъ онъ убѣдитъ ихъ признать источникомъ власти Бога, когда они и въ самое бытіе Бога не вѣруютъ? И опять таки невѣрующихъ гораздо болѣе среди латинянъ, нежели среди православныхъ, а потому папа не можетъ намъ дать блага, которымъ единовѣрные съ нимъ народы пользуются въ меньшей мѣрѣ, нежели православные. Но если бы даже и всѣ люди признали, что власть отъ Бога, и что поэтому ей должно повиноваться, это не значило бы, что и на самомъ дѣлѣ всѣ стали бы оказывать надлежащее повиновеніе власти. Страсти людей порочныхъ побуждаютъ ихъ сопротивляться власти и даже стремиться къ ниспроверженію ея, потому что это имъ выгодно; а такихъ людей вездѣ много, и едва-ли даже папа осмѣлится утверждать, что среди латинянъ ихъ меньше, нежели среди православныхъ, и что вслѣдствіе соединенія церквей съ Латинскою церковію число ихъ убавится.

Папа утверждаетъ, что Церковь можетъ очень много сдѣлать въ качествѣ примирительницы между народами и государями, помогая тѣмъ и другимъ своею властію и своими совѣтами. Эти слова справедливы, но только въ примѣненіи къ истинной Церкви. И въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, святители Русской Церкви „печаловались“ предъ царями за народъ и неправедно обиженныхъ. Но папы и латинское духовенство не столько устрояли миръ между государями и народами, сколько сѣяли раздоры. Непрошенное, вытекающее изъ властолюбія вмѣшательство папъ въ государственныя дѣла вызвало рѣзкое противодѣйствіе папамъ со стороны государственной власти. Напр., въ настоящее время, не смотря на высокія личныя качества папы Льва XIII, въ самой Италіи, въ самомъ Римѣ ни тамошній король, ни палата, ни даже народъ въ значительной своей части, не слушаютъ больше папы въ дѣлахъ государственныхъ, идутъ своею дорогою, не рѣдко дѣйствуютъ даже на перекоръ папѣ; а во Франціи республиканское правительство на столько непріязненно папѣ, и вліяніе папы и права духовенства тамъ на столько умалены и стѣснены, что папа, отчаявшись въ возможности ниспровергнуть республику и возстановить болѣе благосклонную къ нему монархію, самымъ положеніемъ вещей вынужденъ теперь сносить республику и даже заискивать у нея. Конечно, главною причиною про-

тиводѣйствія папѣ, духовенству и даже самой вѣрѣ христіанской служитъ безбожіе многихъ министровъ и членовъ палатъ. Но немаловажною причиною является также и способъ дѣйствія самихъ папъ и ихъ духовенства, которые дурно исполняютъ слова Христа: *отдавайте Кесарево Кесарю* (Матѳ. 22, 21), и уже совсѣмъ забываютъ другія слова Его: *Кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ* (Лук. 12, 14)?

Соціальный вопросъ былъ обсуждаемъ папою въ особой энцикликѣ, изданной нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и потому въ настоящей энцикликѣ папа только упоминаетъ о немъ. Въ настоящее время у насъ нѣтъ подъ руками той энциклики, но помнится, что въ ней дѣйствительно соціальный вопросъ обсуждается на началахъ евангельскихъ, человѣчныхъ и разумныхъ. Однако отъ разумнаго слова до согласнаго съ нимъ дѣла еще очень далеко. Мало-ли людей, которые превосходно разсуждаютъ, но ни сами не исполняютъ того, что проповѣдуютъ, ни другихъ не могутъ убѣдить и увлечь исполнять свои наставленія. Даже въ самихъ латинскихъ странахъ многіе столь мало довѣряютъ папѣ и духовенству, что даже и къ хорошимъ ихъ словамъ относятся равнодушно, съ недовѣріемъ, а то и прямо непріязненно. Соціальный вопросъ очень легко рѣшить на словахъ, но крайне трудно—на дѣлѣ. Если бы богачи щедро давали избытки своихъ богатствъ на воспитаніе сиротъ, на лѣченіе больныхъ, на прокормленіе голодающихъ, на призрѣніе дряхлыхъ стариковъ, на подъемъ разорившихся и т. п., а, съ другой стороны, если бы и бѣдные не завидовали богатымъ и довольствовались тѣмъ, что имѣютъ, то соціальнаго вопроса и совсѣмъ не было бы. Всѣ это знаютъ, но попробуйте убѣдить богачей раздавать свои имѣнія, а бѣдняковъ не роптать и увидите, что почти всѣ готовы признать ваши слова истинными и, тѣмъ не менѣе, почти никто не хочетъ согласно съ ними дѣйствовать. Соціальный вопросъ давнымъ-давно рѣшенъ въ Евангеліи; но въ настоящее время одни изъ людей не вѣрятъ въ божественность Евангелія и потому не придаютъ его словамъ значенія, или даже относятся враждебно къ Евангелію, а другіе хотя и вѣрятъ ему, но не имѣютъ силъ исполнить его возвышенныя требованія. Исторія папъ, латинскаго духовенства и Латинской церкви

не располагаетъ вѣрить, будто они могутъ рѣшить соціальный вопросъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ лучше, чѣмъ это доступно какой либо другой церкви. Напротивъ, папы не проявили даже постоянства и послѣдовательности въ своихъ отношеніяхъ къ разнымъ состояніямъ людей. Въ старину папы и латинское духовенство дружили съ аристократіей, потому что она была сильна; а въ настоящее время, когда аристократія потеряла прежнюю силу, а, напротивъ, усилилась демократія, папы и латинское духовенство стали сближаться съ народомъ и даже заискивать расположеніе соціалистовъ. Это совсѣмъ не евангельскій и не апостольскій способъ дѣйствованія—дружить съ сильными міра сего, и только потому дружить съ ними, что они сильны.

По мнѣнію папы, трудно даже и вообразить размѣры благъ и благосостоянія, которые были бы достигнуты чрезъ соединеніе церквей; въ частности, литература была бы благопріятствуема въ своемъ развитіи, а между земледѣльцами, рабочими и промышленниками основались бы новыя общества на указанныхъ имъ, папою, началахъ, вслѣдствіе чего хищническое ростовщичество было бы устранено, и поприще для полезныхъ трудовъ расширилось-бы.

Въ этихъ словахъ сказался весь папа, какъ мечтающій создать рай на землѣ, быть устроителемъ идеальнаго порядка въ мірѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ властелиномъ этого міра. Подобно нашему графу Толстому, папа мечтаетъ дать людямъ какъ бы новое евангеліе, основать какія-то идеальныя новыя общества на христіанскихъ началахъ, которыя онъ, папа, укажетъ. Но развѣ христіанскія начала не извѣстны всему христіанскому міру? Они были возвѣщены еще ветхозавѣтными пророками, начиная съ Моисея. Не въ полномъ и не въ чистомъ видѣ они были провозглашаемы даже и лучшими изъ язычниковъ: философами и основателями религій. Но во всей полнотѣ, несравненной чистотѣ и общедоступности они проповѣданы Христомъ. Они содержатся въ Евангеліи и во всей вообще Библіи, раскрыты Апостолами и другими святыми людьми. Въ разъясненіи христіанскихъ началъ и въ приложеніи ихъ къ современной жизни папа не больше можетъ сдѣлать, чѣмъ всякій другой христіанскій епископъ, равный ему по уму, нравственности, богословской учености и жизненной опытности. Не тысячи, а

милліоны людей проповѣдывали евангельскія истины и водворяли ихъ въ жизнь народовъ. Плоды этой проповѣди слова и дѣла на глазахъ у всего свѣта: христіанскіе народы лучше нехристіанскихъ народовъ рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе ни на всей землѣ, ни даже въ христіанскихъ странахъ рая нѣтъ, добро переплетено со зломъ, и часто послѣднее господствуетъ надъ первымъ. Зло на землѣ можно ослабить, но не искоренить. Евангельскія истины легко понять, но трудно осуществить ихъ каждому въ своей личной жизни и еще труднѣе вселить ихъ въ жизнь цѣлыхъ народовъ. Даже проповѣди Самого Іисуса Христа повѣрили и стали жить согласно съ Его ученіемъ весьма немногіе. Мало этого: Евангеліе, соединивши однихъ людей, раздѣлило другихъ. *Не думайте,* сказалъ Іисусъ Христосъ, *что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ я принести, но мечъ. Ибо Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея* (Матѳ. 10, 34. 35). А папа самообольщенно мечтаетъ умиротворить людей болѣе Самого Христа. Онъ говоритъ, что будутъ достигнуты величайшія блага, когда прочно утвердятся миръ и спокойствіе; но легко сказать: прочно утвердятся, да трудно этого достигнуть. Если бы даже случилось невозможное: всѣ церкви соединились бы съ Латинскою церковію, миръ на землѣ все-таки не утвердился бы. Латинская церковь тогда насчитывала бы полмилліарда членовъ, но она оказалась бы не болѣе способною водворить между ними миръ, устроить ихъ земное благополучіе и даровать имъ вѣчныя блага, нежели сколько она можетъ достигнуть этого теперь въ отношеніи двухъ-сотъ милліоновъ людей. Церковь въ апостольскія времена была очень мала и имѣла множество сильныхъ враговъ, и однако вѣрующіе во Христа жили столь единодушно, что имѣли все общее (Дѣян. 2, 42—47). Существуетъ-ли хотя бы тѣнь такого безпримѣрнаго единодушія между двумя стами милліоновъ латинянъ? Не прибавится мира и не убавится раздоровъ и въ томъ случаѣ, если всѣ церкви соединятся съ Латинскою церковію. Папа измѣряетъ значеніе и достоинства Церкви какъ-то количественно: чѣмъ больше Церковь, тѣмъ лучше. Это взглядъ плотской, мірской, неистинный. Онъ-то и показываетъ, что папа, даже и лишившись свѣт-

ской области и власти, въ душѣ остается по прежнему не смиреннымъ пастыремъ стада Христова, а политикомъ, государемъ, претендентомъ на всемірное владычество, наслѣдникомъ Римскихъ цезарей. Онъ считаетъ своихъ духовныхъ чадъ, какъ полководецъ—солдатъ своей арміи. Но даже и въ арміи главную силу составляетъ не количество штыковъ, а воодушевляющая армію нравственная сила. Папское единовластіе сообщаетъ церкви Латинской внѣшнее, формальное, дисциплинарное единство, но не можетъ вдохнуть въ нее внутренняго единства, которое создается свободнымъ единомысленнымъ исповѣданіемъ истины. Нравственное, святое единеніе между членами Латинской церкви менѣе возможно, нежели между православными. Съ одной стороны, въѣвшаяся въ систему папскаго управленія и въ латинское ученіе ложь служитъ разъединяющимъ началомъ, съ другой, незаконность присвояемыхъ себѣ папою правъ на главенство надъ Церковію и на непогрѣшимость, чрезмѣрный деспотизмъ и абсолютизмъ папскаго правленія вооружаютъ противъ себя тѣхъ, которые не желаютъ быть рабами папы. А такихъ людей вездѣ много. Въ результатѣ—вражда противъ папы, духовенства, церкви, дальнѣйшими послѣдствіями которой являются равнодушіе къ вѣрѣ, отпаденіе отъ Церкви и даже совершенное невѣріе. Религіозная вѣра насилія не выноситъ. Не насильственность-ли папистической власти почти цѣлую половину Латинской церкви превратила изъ друзей въ злѣйшихъ враговъ ея и создала исповѣданіе противоположное латинской вѣрѣ. Протестанты не только отложились отъ папы и отдѣлились отъ Латинской церкви, но, дѣйствуя на зло папѣ, измѣнили свое прежнее вѣроученіе и прежнюю церковную практику во многомъ въ противоположность. Такого рода протестъ есть безрасудство; но одно то, что такое безразсудство охватило умы десятковъ милліоновъ людей, показываетъ, какой страшный огонь злобы способно вызывать въ людяхъ папское единовластіе. И въ настоящее время сколько милліоновъ людей озлоблены противъ папы въ самой Латинской церкви! Какое же это единство? Какой миръ? Какое спокойствіе? Не самъ-ли папа съ горечью говоритъ: „Великая опасность для единства угрожаетъ отъ того общества людей, которое называется масонскимъ и мрачная сила котораго уже давно угнетаетъ

преимущественно народы католическіе". Но почему же, спрашивается, эта секта угнетаетъ именно эти народы? Опять приходится сказать: врачу исцѣлися самъ! Есть-ли какое нибудь основаніе разсчитывать, что съ присоединеніемъ Православной Церкви къ Латинской папѣ легче будетъ справиться съ этою сектою, нежели теперь? Внѣшняя связь безъ внутренняго единенія не прочна, не надежна. Сможетъ-ли папа влить духъ внутренняго единства въ Церковь, которая будетъ состоять изъ полмилліарда членовъ, если онъ не имѣетъ силъ вдохнуть его въ теперешнюю двухъ-сотъ-милліонную свою церковь? Чего же достигнетъ папа, чего могутъ ждать народы, если даже весь христіанскій міръ соединится внѣшнимъ образомъ подъ его главенствомъ, но въ немъ распространится равнодушіе къ религіи, глухое недовольство Церковію и ея главою будетъ подкапывать фундаментъ этого огромного зданія, разольется безбожіе, язычествующія въ родѣ масонскаго общества и секты будутъ раздирать эту обширную по размѣрамъ, но не имѣющую внутренняго единства Церковь? Не мира и прочихъ благъ, а еще горшихъ золъ для человѣчества нужно ждать отъ такой всемірной папистической церкви.

Наконецъ, папа указываетъ и еще одно благо отъ соединенія церквей, благо для народовъ необразованныхъ, языческихъ, которые тогда скорѣе просвѣтились бы свѣтомъ христіанской вѣры.

Не отрицаемъ, что если бы всѣ церкви и общества соединились въ одну Церковь, то миссіонерство пошло бы успѣшнѣе. Но желательно распространеніе среди язычниковъ истинной христіанской вѣры, именно православной, а не извращенныхъ христіанскихъ вѣръ, какова латинская вѣра. Поэтому миссіонерство достигло бы наилучшихъ результатовъ лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ церкви сдѣлались православными. Напротивъ, соединеніе Православной Церкви съ Латинскою нанесло бы тяжкій ударъ миссіонерству, потому что тогда прекратилось бы совершенно распространеніе между язычниками истинной христіанской вѣры, а была бы распространяема вѣра неправославная. Папа, признающій истинною вѣрою только свою, разумѣется, желаетъ, чтобы она только одна и была распространяема среди язычниковъ; но можетъ-ли желать этого человѣкъ

православный? Если при оцѣнкѣ миссіонерства мы будемъ принимать въ разсчетъ пользу язычниковъ и разсуждать такъ, что лучше имъ сдѣлаться латинянами, чѣмъ оставаться язычниками, то и съ этой точки зрѣнія миссіонерство едва-ли пріобрѣло бы очень много чрезъ соединеніе церквей. Раздѣленіе церквей имѣетъ въ этомъ отношеніи даже нѣкоторое преимущество, такъ какъ латиняне, лютеране, реформаты и англикане, соперничая другъ съ другомъ, ведутъ миссіонерское дѣло съ особенною ревностію, между тѣмъ какъ соединеніе церквей уничтожило бы ту немалую долю миссіонерской ревности, которая возжигается соперничествомъ. При существующемъ раздѣленіи христіанскаго міра миссіонерская проповѣдь среди язычниковъ теряетъ много оттого, что миссіонеры разныхъ исповѣданій не ограничиваются тѣмъ благороднымъ и полезнымъ соревнованіемъ, какое существуетъ напр. между хорошими учениками въ школѣ. Многіе миссіонеры подражаютъ не тѣмъ лучшимъ ученикамъ, которые прилагаютъ труды къ трудамъ, чтобы пріобрѣсть какъ можно болѣе познаній, и не тѣмъ, которые ревностнымъ изученіемъ наукъ стараются превзойти своихъ товарищей, а тѣмъ жалкимъ и безнравственнымъ ученикамъ, которые домогаются занять высшее мѣсто какимъ нибудь непозволительнымъ способомъ. И какіе миссіонеры всего чаще прибѣгаютъ къ непозволительнымъ средствамъ въ соперничествѣ съ миссіями другихъ исповѣданій? Именно латинскіе. Они подкапываются подъ протестантскихъ миссіонеровъ; разумѣется, и тѣ не остаются у нихъ въ долгу. И это причиняетъ большой уронъ какъ латинскому, такъ и протестантскому проповѣданію Евангелія среди невѣрныхъ. Такого совсѣмъ не апостольскаго образа дѣйствія держатся латинскіе миссіонеры и въ отношеніи православныхъ миссіонеровъ въ тѣхъ, немногихъ, впрочемъ, странахъ, гдѣ тѣ и другіе трудятся на одномъ полѣ, какъ напр. въ Японіи. Напротивъ, о православныхъ миссіонерахъ не слыхать, чтобы они копали ямы миссіонерамъ латинскимъ и протестантскимъ, и въ этомъ нельзя не видѣть доказательства того, что православіе есть христіанство истинное, исполненное духа мира, любви, кротости и доброжелательства. Пусть папа прикажетъ своимъ миссіонерамъ не интриговать противъ миссіонеровъ другихъ исповѣданій, и тогда

можно еще будетъ повѣрить, что ему дорого распространеніе между невѣрными христіанства, а не своего владычества. Если бы онъ издалъ такой приказъ, то распространеніе христіанства между язычниками пошло бы гораздо успѣшнѣе и при существующемъ раздѣленіи церквей.

Курьезно то, что папа чрезъ соединеніе церквей мечтаетъ исцѣлить зло и устранить безпорядки, господствующіе именно на Западѣ, а не на Востокѣ, хочетъ осчастливить Востокъ благами, которыми Западъ обладаетъ меньше, чѣмъ Востокъ, обѣщаетъ дать чужому Востоку то, чего не въ силахъ дать своему родному Западу. Гдѣ начались и доведены до крайности вооруженія и превращеніе цѣлыхъ народовъ въ арміи, цѣлыхъ странъ въ укрѣпленные лагери? На Западѣ. Гдѣ возникъ и принялъ угрожающіе размѣры соціализмъ и анархизмъ? На Западѣ. Гдѣ явилось и усилилось масонство? На Западѣ. Гдѣ идетъ открытая и ожесточенная борьба между правительствомъ свѣтскимъ и духовнымъ? Опять на Западѣ, и притомъ именно въ латинскихъ государствахъ. Гдѣ безбожіе охватило не только высшіе классы, но и разлилось въ простонародьѣ? Опять таки на Западѣ. Это показываетъ, что въ настоящее время и для устраненія бѣдствій народныхъ и безпорядковъ государственныхъ, и для обновленія нравственнаго, и для возрожденія религіознаго не Востокъ нуждается въ Западѣ, а Западъ въ Востокѣ. Отсюда слѣдуетъ, что, во-первыхъ, не Западъ имѣетъ право диктовать условія церковнаго соединенія Востоку, а Востокъ—Западу и что, во-вторыхъ, отъ соединенія церквей, если бы даже и сбылись мечты папы относительно великой благотворности его, выигралъ бы одинъ Западъ, а Востокъ даже не мало потерялъ бы. И при церковномъ раздѣленіи между Западомъ и Востокомъ къ намъ проникли съ Запада и безбожіе, и масонство, и недовѣріе къ духовенству у свѣтски-образованныхъ людей, и соціализмъ; а соединеніе церквей откроетъ настежь ворота для еще большаго наплыва къ намъ съ Запада тамошнихъ золъ и неурядицъ. А что есть на Западѣ хорошаго и полезнаго намъ, это мы можемъ заимствовать оттуда и теперь.

Въ концѣ энциклики папа самъ вынужденъ сознаться, что его ожиданія могутъ показаться несбыточными мечтами.

Именно такъ, скажемъ мы ему.

Но, заключаетъ папа, всѣ надежды свои мы возлагаемъ на Спасителя человѣческаго рода, зная, что совершено было въ древности безумiемъ Креста и его проповѣди предъ лицемъ смущенной и пораженной мудрости міра сего. И затѣмъ папа выражаетъ увѣренность, что желаемый имъ порядокъ вещей возникнетъ, хотя для достиженія этого потребуются долгіе и тяжелые труды; а начало дѣла соединенія церквей онъ надѣется увидѣть своими глазами и проситъ государей и правителей посодѣйствовать осуществленію его плановъ.

Папа въ примѣръ указываетъ на времена апостольскія, но едва-ли это примѣръ подходящій. Безъ сомнѣнія, и теперь сила Креста Христова можетъ произвесть такой же переворотъ, какъ и въ первые вѣка христіанства; но для этого нужно, чтобы и папа и всѣ христіане жили, страдали и учили такъ, какъ Апостолы и первенствующіе христіане. А развѣ папа во всемъ подражаетъ Іисусу Христу и Апостоламъ? Іисусъ Христосъ и Апостолы совершенно пренебрегали и всѣмъ внушали пренебрегать земными благами, какъ мимолетными, тлѣнными и для дѣла спасенія души не безвредными, заповѣдывали искать прежде всего царствія Божія и правды его, обѣщали своимъ послѣдователямъ не сладкую, а горькую чашу жизни, учили пещись о вѣчномъ спасеніи души и проповѣдывали, что душа дороже цѣлаго міра и всѣхъ благъ его. Папа, совсѣмъ напротивъ, точно Бисмаркъ или Карлъ Марксъ, сулитъ почти только одни временныя блага въ награду за подчиненіе всѣхъ христіанъ его власти и почти совсѣмъ не говоритъ о томъ, что составляетъ главнѣйшую цѣль истинной Церкви,— о вѣчномъ спасеніи людей. Величаетъ онъ себя преемникомъ Петра, намѣстникомъ Христа на землѣ, главою Церкви; а между тѣмъ даже въ окружномъ посланіи, названномъ имъ посланіемъ апостольскимъ и обсуждающемъ вопросъ о соединеніи церквей, онъ говоритъ совсѣмъ не такъ, какъ учили Іисусъ Христосъ и Апостолы. О томъ, что должно бы составлять главный предметъ его рѣчи: о догматахъ, о чистотѣ вѣры, о Богослуженіи, о молитвѣ, о святости Церкви, о сущности и условіяхъ ея единства, о спасеніи людей и о средствахъ къ достиженію его, выражаясь простонародно,

о „божественномъ“, онъ говоритъ мало, вскользь, какъ бы для приличія, а о земныхъ благахъ, которыя будто бы получатъ народы чрезъ соединеніе церквей съ Латинскою церковію, онъ говоритъ пространно. Это рѣчь Бисмарка или Биконсфильда, а не святителя. И замѣчательно, что содѣйствія своимъ планамъ онъ проситъ у государей и свѣтскихъ правительствъ, а не у епископовъ, между тѣмъ какъ дѣло соединенія церквей есть дѣло церковное и должно быть обсуждаемо церковною властію, а свѣтская власть можетъ и должна принять участіе въ немъ только по соприкосновенности Церкви съ государствомъ. До такой степени папу обуялъ духъ міра сего, и такъ чуждо ему безуміе Креста Христова!

Папа увѣренъ, что рано или поздно, но непремѣнно всѣ церкви соединятся въ одну подъ властію папъ, и тогда прекратятся государственные безпорядки и общественныя бѣдствія, а вмѣсто того наступятъ миръ и всеобщее благоденствіе. Но развѣ ему не извѣстны предсказанія Іисуса Христа и Апостоловъ о томъ, что въ послѣднія времена беззаконія умножатся, любовь охладѣетъ, безбожіе распространится, раздоры усилятся, войны разгорятся по всей землѣ, физическія бѣдствія обрушатся на несчастное человѣчество, и малочисленная Церковь убѣжитъ въ пустыню отъ своихъ гонителей?

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ результатѣ соединенія церквей съ Латинскою церковію оказалось бы слѣдующее: международный разладъ, тяжкій вооруженный миръ и всякія другія государственныя и народныя бѣдствія не устранятся и не ослабѣютъ, равно какъ не осуществятся и сулимыя папою блага; само это соединеніе церквей подъ главенствомъ папы будетъ чисто внѣшнее и формальное, а не внутреннее и нравственное, не настоящее единство, и потому оно будетъ безсильно, безплодно и чревато бѣдствіями, горшими теперешнихъ; подчиненіе церквей папѣ и латинизація ихъ убьютъ ихъ свободу и самостоятельность и, не сообщивши имъ ничего добраго, привьютъ только къ нимъ недостатки папской системы управленія и всего строя Латинской церкви, какъ то: еретичество, юридическій формализмъ и фанатизмъ въ вѣрѣ, духовный деспотизмъ и духовное рабство и лицемѣріе въ нравственности, вражду между свѣтскою и

духовною властію въ управленіи народами, чрезмѣрное угнетеніе свободы мысли въ наукѣ и въ литературѣ.

Если отъ соединенія съ Латинскою церковію даже неправославныхъ церквей нельзя ожидать хорошихъ плодовъ въ церковной и гражданской жизни народовъ, то для Православной Церкви и для православныхъ народовъ соединеніе ея съ Латинской церковію было бы положительно гибельно. Она утратила бы вѣру православную, истинную и взамѣнъ ея приняла бы вѣру латинскую, еретическую. Что чрезъ соединеніе съ Латинскою церковію Православная Церковь утратила бы свою вѣру и была бы вынуждена принять вѣру, образъ управленія и обряды Латинской церкви, однимъ словомъ, олатинилась бы, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Соединеніе Православной Церкви съ Латинскою не можетъ и состояться безъ принятія первою догматовъ послѣдней, какъ папа и заявляетъ, что соединеніе должно быть единствомъ въ вѣрѣ. И если папа въ то же время говоритъ, что между Православною и Латинскою церковію нѣтъ почти и различія въ вѣрѣ, то онъ только противорѣчитъ самому себѣ. Итакъ въ вѣроученіи Православная Церковь въ случаѣ соединенія съ Латинскою церковію перешла бы отъ лучшаго къ худшему, отъ истинной, чистой православной вѣры— къ извращенной и еретической. Неизбѣжно должна бы была Православная Церковь принять и способъ управленія, существующій въ Латинской церкви, какъ этого папа прямо и требуетъ, т. е., принуждена бы была признать папу своимъ главою, и притомъ непогрѣшимымъ главою, и совершенно подчиниться ему. И въ этомъ отношеніи она опять таки промѣняла бы свой теперешній лучшій способъ управленія на худшій: потеряла бы свою независимость и подчинилась бы чуждому ей главѣ, свою свободу промѣняла бы на рабство деспоту, потеряла бы устройство управленія, согласное съ обычаями древней вселенской Церкви и съ правилами Соборовъ ея, и приняла бы способъ управленія, чуждый духу и строю ея. Если не сразу, то по крайней мѣрѣ впослѣдствіи папы принудили бы Православную Церковь мало по малу принять даже и обряды Латинской церкви. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія тѣхъ народовъ, которые, какъ, напр., Бѣлоруссы и Литовцы, имѣли несчастіе соединиться съ Латинскою церковію на правахъ

уніи. Чтобы завлечь ихъ въ союзъ съ Латинскою церковію, имъ сначала дозволяли держаться своихъ обрядовъ и церковныхъ обычаевъ, а потомъ утѣсненіями, насиліемъ и гоненіемъ искореняли православные обряды и обычаи и вынуждали принимать обряды и обычаи Латинской церкви. И въ перемѣнѣ своихъ обрядовъ и обычаевъ на латинскіе Православная Церковь перешла бы отъ лучшаго къ худшему, промѣняла-бы свое родное, дорогое и истинное на чуждое ей и не свободное отъ извращеній.

Правда, папа говоритъ, что ни онъ, ни его преемники не ограничатъ правъ, патріаршихъ привилегій и обрядовыхъ установленій каждой Православной Церкви, которая соединилась бы съ Латинскою церковію. Но это только одна льстивая приманка. Исторія Бѣлоруссіи, Литвы, Галиціи и другихъ странъ совершенно опровергаетъ слова папы, будто въ Латинской церкви всегда было и постоянно будетъ правиломъ признавать полное значеніе за отличительными нравами и обычаями каждаго народа. Да и можетъ-ли Левъ XIII ручаться за своихъ преемниковъ? Развѣ они будутъ обязаны руководствоваться его взглядами? Каждый папа признаетъ себя непогрѣшимымъ и воленъ поступать такъ, какъ ему заблагоразсудится. Если папы безцеремонно вводятъ новые никогда неслыханные догматы и нарушаютъ опредѣленія и правила вселенскихъ соборовъ, то постѣснятся-ли они въ подвластныхъ имъ церквахъ Востока измѣнить обряды, церковные обычаи и порядки, если это имъ будетъ желательно и выгодно? Всегдашняя тактика папъ и латинскаго духовенства такова, чтобы христіанъ другихъ исповѣданій сначала склонять къ уніи съ Латинскою церковію, а потомъ они принимаютъ мѣры превращать уніатовъ въ латинянъ. И такъ, что потеряла бы и что получила бы Православная Церковь чрезъ соединеніе съ Латинскою церковію?

Потеряла бы чистую, истинную православную вѣру, правильное церковное устройство и управленіе, освященные древностію обычаи и обряды; а получила бы извращенное, еретическое вѣроученіе, незаконный способъ управленія и устройства, несогласные съ практикою древней вселенской Церкви и чужіе обряды.

Если теперь за такую измѣну себѣ самой, Церкви апос-

тольской и древне-вселенской и ученію Самого Христа она пріобрѣла бы даже всѣ блага міра, то и въ такомъ случаѣ она не должна была бы даже и думать о такой измѣнѣ. *Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, и душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою* (Матѳ. 16, 26; Марк. 8, 36, 37; Лук. 9, 25)?

Да и самая надежда на то, что соединеніе Православной Церкви съ Латинскою уврачуетъ современные недуги европейскихъ народовъ и осчастливитъ ихъ благами мира, порядка и цвѣтущаго развитія, не есть ли надежда напрасная, совершенно несбыточная, пустая мечта, если это соединеніе есть ничто иное, какъ превращеніе Православной Церкви въ Латинскую, превращеніе правовѣрующей Церкви въ лжевѣрующую, истинной вѣры въ еретическую? Умаленіе числа правовѣрующихъ и умноженіе еретиковъ развѣ можетъ уврачевать народныя язвы, облегчить общественные недуги, умалить бѣдствія, умножить и распространить среди народовъ блага? Нѣтъ, такое соединеніе Православной Церкви съ Латинскою еще болѣе усилитъ существующія соперничество и непріязнь между народами и вызываемое ими чуть не поголовное вооруженіе; усилитъ оно и разладъ между Церковію и государствомъ, а также между народами и правительствами; не упорядочитъ оно и отношеній между имущими и трудящимися классами населенія, если только не разстроитъ болѣе прежняго.

Конечно, папа съ своей точки зрѣнія признаетъ Латинскую вѣру, и только ее одну, истинною и правою христіанскою вѣрою, а потому и отъ распространенія ея ожидаетъ не умноженія, а умаленія золъ и бѣдствій. Однако наличность этихъ золъ и бѣдствій въ обширныхъ размѣрахъ у народовъ, исповѣдующихъ его вѣру, должна бы ему напомнить о тщетности его надеждъ уврачевать зло, устранить бѣдствія и осчастливить народы посредствомъ распространенія латинской вѣры, чрезъ подчиненіе всѣхъ христіанъ его власти, которое онъ громко называетъ *соединеніемъ* церквей.

Столь ясно и безспорно положеніе, что въ настоящее время у православныхъ христіанъ не должно быть и мысли о соединеніи Православной Церкви съ Латинскою, что объ этомъ, повидимому, не зачѣмъ и распространяться много.

Но на самомъ дѣлѣ объ этомъ нужно писать и писать, особенно въ виду папскихъ энцикликъ, которыя сбиваютъ съ толку и отуманиваютъ мысль людей малоопытныхъ и легкомысленныхъ. Не говоря о свѣтскихъ людяхъ, изъ которыхъ одни,—къ счастію, весьма немногіе,—питаютъ явное сочувствіе къ латинской вѣрѣ, а другіе не имѣютъ достаточныхъ свѣдѣній для твердаго и правильнаго рѣшенія вопроса о томъ, можно-ли, должно-ли и полезно-ли Православной Церкви въ настоящее время отозваться сочувственно и благосклонно на папскіе призывы о соединеніи съ его церковію, или же нужно ихъ рѣшительно опровергать и отвергать,—даже и въ нашей богословской періодической печати проскальзывали мысли либо о необходимости, либо о пользѣ благосклоннаго отклика на призывъ папы къ соединенію церквей. Конечно, эти мысли были высказаны не спеціалистами по Обличительному Богословію, высказаны въ легкихъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, которыя часто пишутся спѣшно и безъ знанія предмета, высказаны какъ бы мимоходомъ. Въ подобныхъ случаяхъ пишущіе иногда даже не отдаютъ себѣ яснаго отчета о томъ, что они пишутъ, и еще чаще слишкомъ мало знаютъ то, о чемъ пишутъ. Поэтому эти летучія мнѣнія едва-ли можно признать выраженіемъ твердаго убѣжденія ихъ авторовъ. Но во всякомъ случаѣ самое появленіе ихъ въ печати свидѣтельствуетъ о томъ, что у насъ даже изъ людей занимающихся богословіемъ не всѣ ясно сознаютъ и твердо убѣждены въ томъ, что на приглашенія папы къ соединенію съ его церковію у православныхъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: отказъ. Вотъ почему полезно и необходимо разъяснять, что въ настоящее время на вопросъ о соединеніи Православной Церкви съ Латинскою можетъ быть только одинъ отвѣтъ—отрицательный и что даже на приглашеніе папы вступить съ нимъ въ подготовительные переговоры нужно отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ, потому что даже и такого рода переговоры, которые, конечно, ни къ чему не обязываютъ, пользы намъ никакой не принесутъ, а вредъ причинить могутъ, напр., могутъ для многихъ православныхъ показаться соблазнительными, а латинянамъ дать поводъ коварно воспользоваться ими въ цѣляхъ пропаганды своей вѣры.

Не разъ писали въ нашей печати, что въ настоящее

время слишкомъ усилилось и распространилось безбожіе, и что поэтому всѣ силы христіанскаго міра должны быть направлены на борьбу съ нимъ; а чтобы эта борьба была успѣшнѣе, христіанамъ всѣхъ исповѣданій нужно оставить взаимную непріязнь и раздоры и дружно соединиться въ борьбѣ противъ общаго врага, равно угрожающаго всѣмъ церквамъ, всѣмъ исповѣданіямъ. Говорятъ, что теперь богословы всѣхъ исповѣданій должны употребить всѣ силы своего ума и учености на защиту основныхъ истинъ религіи и христіанской вѣры, отвергаемыхъ и колеблемыхъ атеистами, раціоналистами, агностиками, эволюціонистами, каковы: истина бытія Божія, возможности богопознанія, Божества Іисуса Христа, дѣйствительности чудесъ и въ частности чудесъ Боговоплощенія и искупленія, существеннаго отличія человѣка отъ животныхъ по происхожденію, природѣ и назначенію, безсмертія его души и воскресенія его тѣла и проч., и что современнымъ богословамъ не слѣдуетъ будто бы тратить время на полемику противъ инославныхъ исповѣданій, такъ какъ, съ одной стороны, полемика цѣли не достигаетъ, а съ другой, разности между исповѣданіями не на столько существенны, чтобы стоило придавать имъ серьезное значеніе теперь, когда настоитъ нужда защищать самыя основы религіи и христіанства; не бороться, говорятъ, нужно теперь противъ инославныхъ исповѣданій, а искать сближенія съ ними, чтобы совмѣстно дѣйствовать противъ невѣрія.

Папа въ своей энцикликѣ не приводитъ этого довода въ пользу если не дѣйствительнаго соединенія, то по крайней мѣрѣ сближенія и примиренія разныхъ церквей и исповѣданій между собою. Этотъ доводъ не основателенъ. Раздѣленіе церквей нисколько не препятствуетъ вести борьбу противъ невѣрія и защищать основныя истины религіи и христіанства, какъ и есть на самомъ дѣлѣ: очень многіе православные, латиняне и протестанты усердно и талантливо несутъ на своихъ плечахъ трудъ этой защиты и тяжесть этой борьбы. Если не у насъ въ Россіи, гдѣ ученыхъ силъ мало, то по крайней мѣрѣ на Западѣ нѣтъ надобности въ томъ, чтобы не нѣкоторые, а чуть не всѣ богословы посвятили свое время на писаніе апологетическихъ сочиненій. Не видно, какимъ образомъ соединеніе церквей

усилитъ средства защиты религіи и христіанства и улучшитъ способы борьбы противъ невѣрія. Каждая церковь, каждое религіозное общество, каждый даже человѣкъ, могутъ и теперь примѣнять выработанные опытомъ способы и средства для защиты религіи и христіанства и для борьбы съ невѣріемъ, равно какъ изобрѣтать и новые. Все хорошее, что сдѣлано для осуществленія этихъ двухъ задачъ въ одной церкви, можетъ быть заимствовано и усвоено другою церковію. Поэтому соединеніе нѣсколькихъ неправовѣрующихъ церквей и исповѣданій въ одну церковь, безъ обращенія ихъ въ православіе, едва-ли можетъ оказать существенныя услуги въ Апологетикѣ и не уменьшитъ невѣрія.

А что касается до соединенія Православной Церкви съ Латинскою на условіяхъ, предлагаемыхъ папою, то если бы оно состоялось, было бы положительно вредно и даже гибельно для христіанства. Главнѣйшая сила, которая въ настоящее время сдерживаетъ еще разливъ безбожія между образованными народами, есть истинное, правовѣрующее христіанство, христіанство православное. Но чрезъ соединеніе Православной Церкви съ Латинскою прекратилось бы существованіе православія—этого твердаго оплота противъ напора безбожія и лжевѣрія. Православная Церковь утратила бы истинное христіанство, а потому она уже не могла бы защищать основы его съ такою силою и успѣхомъ и оказывать такое могущественное противодѣйствіе невѣрію, какъ она способна дѣлать то и другое теперь. Правовѣрующій и добродѣтельный христіанинъ уже самымъ правовѣріемъ своимъ и добродѣтельностію даетъ лучшую опору религіи и христіанству и сильнѣйшій отпоръ невѣрію. Въ защитѣ христіанства и въ борьбѣ съ невѣріемъ нѣтъ силы, болѣе могущественной и дѣйственной, нежели истинное православное христіанство. Поэтому религія и христіанство дѣйствительно утвердились бы, а безбожіе ослабѣло бы чрезъ соединеніе церквей, но только чрезъ такое соединеніе, при которомъ неправовѣрующія церкви и общества сдѣлались бы православными. Напротивъ, желаемое папою соединеніе Православной Церкви съ Латинскою, сущность котораго состоитъ въ превращеніи православія въ латинскую вѣру, не укрѣпитъ, а потрясетъ основы религіи и христіанства и усилитъ невѣріе.

Ни мало не можетъ укрѣпить основы христіанства и ослабить силу безбожія и формально—внѣшній союзъ между Православною и Латинскою церковію, при которомъ каждая изъ обѣихъ церквей осталась бы безъ перемѣны, но обѣ онѣ обязались бы помогать одна другой въ борьбѣ противъ невѣрія и другихъ золъ и бѣдствій, удручающихъ современное человѣчество. Можетъ-ли оказать Православной Церкви помощь въ такомъ дѣлѣ союзъ съ неправославною церковію? Впрочемъ такой союзъ даже и не осуществимъ, такъ какъ Латинская церковь не согласится помогать Православной въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, пока послѣдняя остается православною и не приметъ латинской вѣры.

По поводу энциклики папы кѣмъ-то была высказана мысль, что не мѣшаетъ на призывъ папы откликнуться благоволительно, а иначе папа прибѣгнетъ къ другимъ мѣрамъ привлеченія къ себѣ Востока, вреднымъ для православія.

Эта мысль, очевидно, вызвана страхомъ предъ тѣми непозволительными средствами, которыя не рѣдко примѣняютъ пропагандисты латинской вѣры, особенно іезуиты. Этотъ страхъ не безосновательнъ. Но противъ пропаганды латинской вѣры среди православныхъ нужно принимать соотвѣтственныя мѣры. А переговоры съ папою о соединеніи церквей или благоволительное отношеніе къ его предложеніямъ о соединеніи церквей развѣ могутъ быть причислены къ такимъ мѣрамъ? Папу и латинянъ не отклонишь отъ пропаганды ихъ вѣры въ православныхъ странахъ переговорами о соединеніи церквей, которые въ концѣ концовъ кончатся ничѣмъ, или даже могутъ усилить взаимную непріязнь между латинянами и православными.

Не слѣдуетъ притомъ забывать, что распространеніе латинской вѣры среди православныхъ съ точки зрѣнія папы и латинянъ есть благо для православныхъ, а не зло. Они распространяютъ свою вѣру среди православныхъ не по злобѣ на нихъ, а изъ желанія дать спасеніе людямъ, которыхъ они считаютъ схизматиками и которые, по ихъ мнѣнію, не спасутся, если не сдѣлаются латинянами. Поэтому сколько бы мы ни ублаготворяли папу и латинянъ, они не перестанутъ распространять свою вѣру среди православныхъ, гдѣ только возможно. Наша сговорчивость и податливость могутъ даже усилить ихъ энергію къ пропагандѣ своей вѣры.

Не оставятъ они и непозволительныхъ средствъ при распространеніи своей вѣры, потому что они мнятъ этимъ *службу приносити Богу*.

Кромѣ тѣхъ, которые не безусловно-отрицательно относятся къ приглашеніямъ папы соединиться съ его церковію только по недоразумѣнію, по недостатку основательнаго знанія дѣла и возможныхъ его послѣдствій, въ Россіи есть еще люди, которые прямо желаютъ, чтобы Православная Церковь соединилась съ Латинскою.

Одни изъ таковыхъ людей молитву нашей Церкви о соединеніи церквей легкомысленно понимаютъ какъ обязательство для насъ искать союза съ Латинскою церковію и вступить въ него, между тѣмъ какъ въ этой молитвѣ выражается только желаніе и прошеніе, чтобы Богъ устроилъ соединеніе церквей, такое, притомъ, соединеніе, при которомъ бы всѣ церкви сдѣлались православными. Эту мысль, будто наше церковное молитвенное прошеніе о соединеніи церквей обязываетъ насъ благопріятно отнестись къ предложеніямъ папы и осудитъ насъ, если мы откажемся принять ихъ, высказываетъ и папа въ своей энцикликѣ. Нечего и говорить о томъ, что это прошеніе вовсе не обязываетъ насъ вступать въ союзъ съ еретиками, или самимъ стать еретиками ради соединенія съ латинянами.

Другіе, сбитые съ толку іезуитами и не имѣя достаточныхъ свѣдѣній ни о православіи, ни о латинской вѣрѣ, считаютъ возможнымъ соединеніе Православной Церкви съ Латинскою потому, что считаютъ православіе очень похожимъ на латинскую вѣру и латинскую вѣру на православіе. Это—наивные люди. Но курьезнѣе всего то, что даже человѣкъ съ такимъ выдающимся умомъ, какъ Левъ XIII, повторяетъ и даже доказываетъ эту фабулу, пущенную Львомъ Аллаціемъ, будто между православіемъ и латинскою вѣрою нѣтъ важныхъ различій. А впрочемъ въ этомъ-то, пожалуй, особенно и обнаруживается хитрость и коварство латинскаго ума. Левъ XIII знаетъ, что на свѣтѣ легкомысленныхъ людей много, и что если не попадется на закинутую съ предательскою приманкою удочку одинъ, такъ попадется другой, если не попадется другой, такъ уже навѣрное клюнетъ третій.

Если можно еще снисходительно относиться къ тѣмъ, ко-

торые въ церковномъ прошеніи о соединеніи церквей неразумно находятъ основаніе для того, чтобы Православная Церковь искала сближенія съ Римомъ; если можно удержаться отъ негодованія и на тѣхъ, которые благоволительно смотрятъ на папу и на латинскую вѣру вслѣдствіе ложнаго убѣжденія въ полномъ почти сходствѣ ея съ вѣрою православною и не находятъ важныхъ препятствій для соединенія Православной Церкви съ Латинскою, — удержаться отъ негодованія потому, что они сами не знаютъ, что думаютъ и что говорятъ: то уже нельзя придумать ни малѣйшаго извиненія для тѣхъ, къ счастію, весьма немногихъ, составляющихъ исключеніе, Русскихъ, которые отдаютъ предпочтеніе латинской вѣрѣ предъ своею родною, русскою, православною вѣрою. Одни изъ таковыхъ даже совсѣмъ отступились отъ православной вѣры и отъ Православной Церкви и перешли въ Латинскую церковь, какъ, напр., князь Гагаринъ, сдѣлавшійся даже іезуитомъ. Къ счастію, такихъ такъ мало, что ихъ можно всѣхъ пересчитать по пальцамъ. Другіе не имѣютъ рѣшимости оффиціально порвать связь съ православною вѣрою и Церковію, но, тѣмъ не менѣе, сердце ихъ находится не столько въ Православной Россіи, сколько въ Римѣ, въ Ватиканѣ. Это по истинѣ жалкіе въ своей религіозной раздвоенности люди. Таковыхъ, и явныхъ и скрытыхъ, измѣнниковъ своей родной православной вѣрѣ, готовыхъ съ благоговѣніемъ лизать туфлю папы, нельзя назвать иначе, какъ выродками благороднаго, благочестиваго и православнаго Русскаго народа. На нихъ оправдывается пословица: „во всякомъ родѣ не безъ урода“. Мало такихъ уродовъ среди Русскихъ, а всетаки грустно, что они есть.

Вѣроятно, перу одного изъ такихъ выродковъ земли Русской и отщепенцевъ отъ Православной Церкви принадлежитъ статья въ декабрьской книжкѣ журнала *Revue des deux mondes* 1894 г., въ которой неизвѣстный авторъ, разсуждая о соединеніи церквей съ Римскою церковію, говоритъ, что если бы духовное и свѣтское правительство въ Россіи дало позволеніе всѣмъ открыто и свободно высказаться по вопросу о соединеніи церквей, то сколько епископовъ и священниковъ высказались бы за соединеніе съ Римомъ! Видно, что этотъ писака, если чему и научился у латинянъ,

такъ только наглой лжи. Обратитесь-ка къ нашему народу съ предложеніемъ принять папежскую вѣру, и сразу поймете, какъ безумны мечты нашихъ доморощенныхъ папистовъ, будто Россіи не трудно склониться къ подножію папскаго престола. Хотя нашъ народъ не знаетъ, чѣмъ отличается латинская вѣра отъ православной, но онъ такъ твердо убѣжденъ въ истинности этой послѣдней, что ни одинъ ревнитель латинской вѣры, если только онъ не совсѣмъ лишился разсудка, не рѣшится обратиться къ народу съ проповѣдію отступиться отъ своей православной вѣры и принять вѣру папежскую.

Конечно, правительства восточныхъ православныхъ царствъ могутъ и теперь дружить съ папою, быть съ нимъ въ мирныхъ отношеніяхъ, даже заключать съ нимъ союзы. Но это будутъ только дипломатическія сдѣлки, политическіе союзы, похожіе на тѣ, которые заключаются между правительствами государствъ. Въ частности наше русское правительство можетъ, если это найдетъ выгоднымъ, находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ папою и даже заключать съ нимъ договоры, при чемъ каждая договаривающаяся сторона приметъ на себя нѣкоторыя обязательства въ отношеніи къ другой сторонѣ. Напр., наше правительство можетъ обѣщать папѣ ни въ чемъ не стѣснять живущихъ въ Россіи Поляковъ, а папа обяжется не вести пропаганды латинской вѣры въ Болгаріи и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Очевидно это будетъ чисто внѣшній миръ, чистая дипломатическая сдѣлка, хотя она и касается предметовъ вѣры; это—политическій договоръ, который, съ перемѣною обстоятельствъ, во всякое время можетъ быть измѣненъ и даже совсѣмъ отмѣненъ. Между такою сдѣлкою, устанавливающею временный modus vivendi, въ видахъ соблюденія взаимныхъ интересовъ, и соединеніемъ церквей нѣтъ ничего общаго. Такого рода сдѣлки нашего правительства съ папою не должны быть считаемы даже и подходомъ къ дѣлу соединенія церквей, или однимъ изъ благопріятныхъ условій для начатія и осуществленія этого дѣла. Политическій договоръ—дѣло чисто правительственное: народъ въ заключеніи такихъ договоровъ совсѣмъ не участвуетъ и даже не знаетъ о нихъ; а соединеніе церквей есть дѣло Церкви, слѣдовательно всего народа, руководимаго церков-

ною и правительственною властію. Что одно правительство, не только гражданское, но и вмѣстѣ съ церковною властію, безъ участія и согласія народа, ничего не можетъ достигнуть въ дѣлѣ соединенія церквей, это наглядно показали примѣры Ліонской и Ферраро-Флорентійской уніи. Греческое правительство и часть греческаго духовенства дали согласіе на унію съ Римомъ въ цѣляхъ политическихъ; но народъ Греческой церкви не участвовалъ въ уніи и не далъ согласія на нее, а потому она и осталась на бумагѣ. Считаемъ нужнымъ сказать это особенно потому, что самъ папа въ нѣкоторомъ сближеніи съ нимъ Русскаго правительства, начавшемся въ недавнее время, склоненъ видѣть „приглашеніе къ возстановленію мира“, т. е., церковнаго союза. „Въ настоящее время, говоритъ онъ, мы замѣчаемъ на Востокѣ гораздо болѣе снисходительное отношеніе къ католикамъ и даже нѣкоторую наклонность къ благоволенію. Нашимъ приверженцамъ были тамъ оказываемы добрыя услуги, со всѣми признаками человѣколюбія и дружбы“. И это внушило папѣ мысль, что настоящій моментъ особенно благопріятенъ для начатія дѣла соединенія церквей, и надежду, что послѣднее скоро состоится. Но если папа думаетъ и говоритъ это искренно, то онъ глубоко заблуждается. Если наши свѣтскія и даже духовныя лица принимали его приверженцевъ радушно, то это въ характерѣ Русскаго народа, добросердечнаго, немстительнаго и гостепріимнаго. Но угощая приверженцевъ папы вкусными блюдами и привѣтливыми рѣчами, Русскіе вовсе не думаютъ показать этимъ, что они въ настоящее время болѣе склонны къ соединенію съ Латинскою церковію, чѣмъ двадцать, или двѣсти лѣтъ тому назадъ. Точно также, если наше правительство въ послѣдніе годы обнаружило склонность къ нѣкоторому сближенію съ Ватиканомъ, то это не даетъ папѣ ни малѣйшаго основанія полагать, будто Русское правительство въ настоящее время болѣе, чѣмъ прежде, расположено къ начатію переговоровъ о соединеніи церквей.

Но даже и при заключеніи чисто политическихъ соглашеній съ теперешнимъ, или съ какимъ другимъ папою нужно быть крайне осторожнымъ. Для православнаго царства, каково Русское царство, союзъ съ папою менѣе надеженъ, безопасенъ и проченъ, чѣмъ съ инымъ свѣтскимъ прави-

тельствомъ. У государствъ и свѣтскихъ правительствъ есть всетаки традиціи въ политикѣ; и если онѣ основаны на интересахъ народовъ и царствъ, то въ такомъ случаѣ традиціонная дружба между двумя правительствами и народами бываетъ довольно продолжительной, надежной и полезною. Напр., кто бы ни былъ президентомъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, Россіи нѣтъ основанія опасаться, что произойдетъ разрывъ дружественныхъ отношеній ея къ этому государству, непрерывно продолжающихся цѣлое столѣтіе. Напротивъ, съ папами заключать союзы не надежно уже потому, что обязательства, принятыя однимъ папою, не признаетъ его преемникъ. Правда, у папской куріи есть традиціи, и даже прочныя и самыя постоянныя; но онѣ такого рода, что правительства православныхъ странъ должны усугубить осторожность и предусмотрительность при заключеніи какихъ бы то ни было договоровъ съ Ватиканомъ. Держась этихъ традицій, даже и хорошій папа не можетъ питать или, по крайней мѣрѣ, проявлять искренняго доброжелательства къ царствамъ и народамъ православнымъ. Православные народы для него—схизматики; онъ—врагъ ихъ вѣры; его долгъ, который онъ считаетъ священнымъ,—искоренить эту вѣру и замѣнить ее латинскою вѣрою. Въ то же время онъ отлично знаетъ, что и эти народы въ свою очередь не питаютъ ни расположенія къ его вѣрѣ, ни довѣрія къ его словамъ и дѣйствіямъ. Между тѣмъ какъ папы считаютъ своимъ священнымъ долгомъ олатинить православные народы, и къ достиженію этой цѣли направлена вся ихъ политика въ отношеніи этихъ народовъ, послѣдніе, напротивъ, должны принимать всевозможныя мѣры для противодѣйствія папамъ въ этой ихъ якобы миссіонерской дѣятельности. Ясно, что такъ какъ интересы, съ одной стороны, папъ, а, съ другой, правительствъ православныхъ народовъ и самихъ этихъ народовъ совершенно противоположны, то къ взаимнымъ сдѣлкамъ нужно прибѣгать только въ крайности, для избѣжанія большаго зла, при заключеніи ихъ наблюдать крайнюю осторожность и по заключеніи не покидать бдительности. Дружа съ недругомъ, всегда нужно держать на готовѣ камень за пазухою. Но не одни только теоретическія соображенія, а и историческій опытъ даетъ многочисленныя подтвержденія той истины, что православнымъ на-

родамъ слѣдуетъ держаться подальше отъ папы, іезуитовъ и прочихъ пропагандистовъ латинской вѣры или уніи съ Римомъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли указать хотя одинъ историческій примѣръ, что бы папы и его приверженцы оказали помощь или добро какому нибудь православному народу или царству, оказали ихъ безкорыстно, по христіанскому братолюбію, а не въ цѣляхъ пропаганды среди нихъ своей вѣры? Напротивъ, назойливо вторгаясь въ среду православныхъ народовъ съ своею непрошенною, ненужною и вредною этимъ народамъ пропагандою латинской вѣры и уніи съ Римомъ, латиняне причинили имъ матеріальныхъ потерь и духовнаго страданія и зла не меньше, чѣмъ невѣрные. Чего нибудь лучшаго едва-ли могутъ ожидать отъ папъ православные народы и въ настоящее время, равно какъ и въ будущемъ. Папа всегда остается папою, т. е., недругомъ православія. Въ зависимости отъ личнаго характера папъ и окружающихъ ихъ людей, а также отъ обстоятельствъ времени могутъ измѣняться тонъ папъ въ ихъ отношеніяхъ къ православнымъ народамъ и способы дѣйствованія, но для каждаго папы православные—схизматики, и каждый папа считаетъ своимъ религіознымъ долгомъ такъ или иначе подчинить ихъ себѣ чрезъ унію, или путемъ обращенія въ латинскую вѣру. Напр., папа Пій IX не скрывалъ своей непріязни къ Православной Церкви: напротивъ, Левъ XIII склоненъ заискивать у православныхъ народовъ, онъ хвалитъ ихъ и изъявляетъ готовность сдѣлать всяческія уступки, имъ; но это только показываетъ, что онъ — политикъ гораздо болѣе искусный и дальновидный, нежели его предшественникъ. Но тѣмъ онъ опаснѣе. Лесть, похвалы, уступки, вовсе не свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ къ православнымъ народамъ питаетъ больше любви, чѣмъ Пій IX, а говорятъ только о томъ, что онъ прибѣгаетъ къ инымъ, болѣе тонкимъ и дѣйствительнымъ, средствамъ для достиженія своихъ цѣлей, нежели его предшественникъ. Левъ XIII заискиваетъ и у французскаго республиканскаго правительства, состоящаго частію изъ масоновъ, частію изъ атеистовъ, а вообще изъ людей, не расположенныхъ къ папѣ и къ церкви; заискиваетъ онъ и у соціалистовъ, враждебныхъ и религіи, и Церкви, и духовенству. Значитъ-ли это, что папа благоволитъ къ французскому республикан-

скому правительству, или къ соціалистамъ? Это—тонкая политика, вынужденная обстоятельствами времени. А цѣль грубой-ли, тонкой-ли политики папъ всегда одна и та-же—подчиненіе своей власти людей, къ какой бы вѣрѣ они ни принадлежали.

Спрашивается, какія-же блага получитъ Православная Церковь чрезъ соединеніе съ Латинскою церковію?

Никакихъ. Безъ сомнѣнія, Латинская церковь можетъ дать Православной Церкви только то, чѣмъ она сама владѣетъ въ настоящее время. А что она теперь имѣетъ? Въ незавидномъ положеніи находятся ея духовныя и матеріальныя блага.

Высшее и ни съ чемъ несравнимое благо каждой церкви есть ея вѣра. Латинская церковь имѣетъ, правда, вѣру христіанскую, но извращенную, не строго апостольскую. Напротивъ, Православная Церковь, по милости Божіей, имѣетъ истинную, правую христіанскую вѣру. И такъ, чрезъ присоединеніе Православной Церкви къ Латинской послѣдняя дала бы ей вмѣсто ея правой вѣры вѣру неправую.

Церковь Латинская имѣетъ законную іерархію, которая и управляетъ ею. Но незаконное и безразсудное преувеличеніе правъ и преимуществъ папы Римскаго, признаваемаго непогрѣшимымъ и главою всего христіанскаго міра, и неограниченность его власти надъ пастырями и пасомыми въ корнѣ подорвали весь строй того соборнаго управленія, которое существовало въ древней Церкви, и нарушило существовавшія въ послѣдней нормальныя отношенія между паствою и пастырями, и между пастырями и верховною церковною властію. Напротивъ, въ Православной Церкви весь составъ и строй іерархіи, сущность и характеръ отношеній іерархіи къ паствѣ и все управленіе Церковію остаются такими, какими они были въ древней вселенской Церкви. И такъ чрезъ присоединеніе Православной Церкви къ Латинской первая вынуждена будетъ свое нормальное управленіе замѣнить незаконнымъ и извращеннымъ.

Если бы теперь папа могъ дать Православной Церкви за присоединеніе ея къ его церкви, т. е., за подчиненіе ея ему, даже всѣ блага міра, подобно тому, какъ діаволъ за поклонъ ему Христа обѣщалъ дать послѣднему *всѣ*

царства міра и славу ихъ (Матѳ. 4, 9); то и въ такомъ случаѣ она не должна была бы даже и помышлять о томъ, чтобы промѣнять ради благъ всего міра свою правую вѣру на неправую, свое нормальное управленіе на извращенное, а должна сказать: *отойди отъ Меня*, искуситель! *ибо написано: Господу Богу твоему покланяйся, и Ему одному служи* (Второз. 6, 13; Матѳ. 4, 10).

Но на самомъ дѣлѣ ни папа, ни Латинская его церковь не могутъ дать Православной Церкви никакихъ благъ, а, совершенно напротивъ, чрезъ присоединеніе къ Латинской церкви Православной эта послѣдняя неизбѣжно, въ большей или меньшей мѣрѣ, заразится недугами первой.

Теперь православныя восточныя церкви пользуются независимостію, какъ это и должно быть: съ присоединеніемъ къ Латинской церкви онѣ всѣ независимость свою потеряютъ. И чѣмъ папа вознаградитъ ихъ за эту потерю? Деспотизмомъ своей власти? Но онъ тяжекъ и невыносимъ даже и для тѣхъ народовъ, которые издавна ему подчинялись и которые связаны съ папою и единствомъ вѣры, и преданіями, и взаимными услугами, и другими многочисленными родственными отношеніями.

Папа намекаетъ, что чрезъ соединеніе съ Латинскою церковію Православная Церковь освободится отъ подчиненія свѣтской власти и вслѣдствіе этого увеличатся ея достоинство, сила и вліятельность. Правда, въ Латинской церкви духовная власть меньше зависитъ отъ свѣтской, чѣмъ въ восточныхъ церквахъ; но за то въ Латинской церкви гораздо менѣе мира между этими двумя властями. Блага независимости церковной власти отъ свѣтской въ Латинской церкви уничтожаются тою явною и скрытою враждою и борьбою, какую оказываютъ на Западѣ свѣтскія правительства духовной власти. То отношеніе между властію духовною и свѣтскою, о которомъ говоритъ папа въ своей энцикликѣ и при которомъ независимость ихъ другъ отъ друга соединяется съ полнымъ миромъ и взаимопомощію, есть идеалъ, къ которому Латинская церковь приблизилась гораздо меньше, чѣмъ Церковь Православная. И такъ, какимъ образомъ папа и Латинская церковь могутъ дать Православной Церкви то благо, которымъ они сами обладаютъ меньше, чѣмъ эта послѣдняя?

Если папа не имѣетъ власти надъ свѣтскими правительствами теперь, то пріобрѣтетъ-ли онъ ее тогда, когда Православная Церковь соединится съ его церковію? Нѣтъ никакихъ основаній ожидать этого. А если это такъ, то надежды папы достигнуть чрезъ соединеніе церквей мира между царствами, между правительствами и народами, между капиталистами и рабочими—пустыя мечты. Пусть папа заставитъ Итальянцевъ дружить не съ протестантскими Пруссаками, а съ единовѣрными Французами, пусть онъ уничтожитъ революціонное броженіе въ преданной ему Испаніи, пусть онъ уравновѣситъ и умиротворитъ отношенія между имущими и трудящимися классами населенія въ государствахъ, исповѣдующихъ латинскую вѣру, и тогда мы повѣримъ, что чрезъ соединеніе Православной и другихъ церквей съ Латинскою церковію достижимо наилучшее рѣшеніе вопросовъ политическаго, государственнаго и соціальнаго. Но на самомъ дѣлѣ въ настоящее время для удовлетворительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ Православный Востокъ обнаружилъ гораздо болѣе способности и средствъ, нежели Латинскій Западъ. Итакъ, какимъ же образомъ папа и Латинская церковь дадутъ православнымъ народамъ чрезъ соединеніе ихъ съ этою церковію блага политическаго, государственнаго и соціальнаго мира, если она сама въ настоящее время обладаетъ ими гораздо въ меньшей степени, нежели народы православные? Не слѣдуетъ-ли, напротивъ, ожидать, что олатиненіе православныхъ народовъ распространитъ среди нихъ политическія, государственныя и соціальныя неурядицы, отъ которыхъ страдаетъ теперь инославный Западъ? Что у православныхъ народовъ больше христіанскаго миролюбія, соединеннаго съ благороднымъ мужествомъ, а латинскіе народы, напротивъ, изъ за низкихъ своекорыстныхъ разсчетовъ и ради удовлетворенія своихъ страстей съ легкимъ сердцемъ и безъ надобности начинаютъ воевать противъ христіанскаго народа, это ясно показываетъ теперешняя война Италіи съ Абиссиніей [1]).

---

[1]) Какъ благородно и истинно по-христіански вели себя Абиссинцы и какъ, напротивъ, не по-христіански и вѣроломно поступали Итальянцы! Итальянцы, пользуясь незнаніемъ Абиссинцами итальянскаго языка, безцеремонно обманули ихъ при заключеніи Учіальскаго договора. Узнавши объ этомъ послѣ, Менеликъ имѣлъ основаніе и право первый начать войну, не

Что еще могутъ дать папы и Латинская церковь Православной въ случаѣ соединенія послѣдней съ первою?

Ревность къ распространенію христіанской вѣры? Но Православная Церковь счастлива тѣмъ, что она не причастна той фанатической ревности въ пропагандѣ вѣры, которая свойственна іезуитамъ, а отчасти и всему латинскому духовенству. И желательна-ли ревность къ распространенію вѣры, если самая вѣра перестанетъ быть истинною вѣрою? А такова именно и будетъ вѣра Восточной Церкви, если она соединится съ Латинскою церковію.

Или, можетъ быть, чрезъ соединеніе Православной Церкви съ Латинскою Восточныя церкви будутъ успѣшнѣе распространять христіанство среди язычниковъ, мухаммеданъ и іудеевъ? Пусть такъ. Но для человѣчества гораздо лучше, что Православная Церковь теперь обращаетъ ежегодно въ православную вѣру 4 тысячи иновѣрцевъ, нежели если она станетъ ежегодно обращать 40 или 400 тысячъ невѣрныхъ въ латинскую вѣру.

Или, можетъ быть, чрезъ присоединеніе православныхъ народовъ къ Латинской церкви возвысится нравственный

смотря на то, что онъ даже прямо уклонялся отъ войны и предлагалъ имъ миръ. Цѣль ихъ нападенія на Абиссинію—хищническій захватъ новыхъ земель, на которыя они не имѣютъ никакого права. Не смотря на это, какое, однако, благородство обнаружилъ Менеликъ во время войны! Овладѣвши крѣпостцой Макалле, онъ весь гарнизонъ ея съ подполковникомъ Гальяно отпустилъ домой, между тѣмъ какъ на его мѣстѣ любой европейскій полководецъ взялъ бы ихъ въ плѣнъ, а послѣ войны взялъ бы за нихъ выкупъ. Чѣмъ же отплатили Итальянцы за такое безпримѣрное даже въ европейскихъ войнахъ великодушіе? По общепринятымъ правиламъ Гальяно съ своимъ отрядомъ уже не имѣлъ права сражаться съ Менеликомъ; кромѣ того Итальянцы поклялись на Евангеліи, что впредь они не поднимутъ руки на Абиссинцевъ, послѣ чего они и были освобождены и отпущены къ генералу Баратьери. Но отпущенные нарушили правила честной войны, долгъ признательности къ Абиссинцамъ и самую клятву: они сражались при Адуѣ и опять попались въ плѣнъ въ числѣ 32-хъ человѣкъ, среди коихъ оказался и Гальяно. Тогда плѣнные за клятвопреступленіе были подвергнуты смертной казни.—Затѣмъ, не смотря на блестящія побѣды надъ врагами своего отечества, Менеликъ охотно принялъ предложенія ихъ заключить миръ и соглашался помириться на условіяхъ, не тяжкихъ и не унизительныхъ для Италіи, но Итальянцы предпочли продолжать войну, войну такую, которая составляетъ позоръ для образованнаго христіанскаго народа. Не забудемъ, что между тѣмъ какъ Итальянцы—народъ образованный, Абиссинцы—народъ патріархальный.

уровень ихъ? Но уровень нравственности въ православной Россіи не ниже, а выше, чѣмъ въ латинскихъ странахъ. Какимъ образомъ папы, латинское духовенство и народы Латинской церкви будутъ способствовать возвышенію нравственности среди православныхъ народовъ, если они сами нуждаются въ нравственномъ возрожденіи не меньше, или и больше этихъ послѣднихъ?

Или, можетъ быть, латинскіе народы усилятъ въ присоединившихся къ нимъ православныхъ народахъ религіозность? Но въ послѣднее время она оскудѣла у нихъ самихъ въ такой сильной степени, что для возгрѣванія набожности не православнымъ народамъ нужно идти на Западъ, а скорѣе западнымъ народамъ обратиться къ Востоку. Послѣ соединенія Православной Церкви съ Латинскою невѣріе и индифферентизмъ полились бы на Востокъ съ Запада гораздо болѣе широкою рѣкою, нежели какой они текли къ намъ оттуда доселѣ.

Точно также не ослабѣли-бы, а, напротивъ, чрезмѣрно усилились бы секты среди православныхъ народовъ, если бы они присоединились къ Латинской церкви. Множество людей, которые теперь принадлежатъ къ Церкви, но отчасти сочувствуютъ и старообрядству (говоримъ собственно о Россіи), каковы единовѣрцы и немалое число православныхъ, сдѣлались бы настоящими раскольниками; а теперешніе раскольники еще болѣе, и не безъ основанія, отдалились бы отъ Церкви. Нѣтъ также основанія надѣяться на ослабленіе въ Россіи сектъ раціоналистическихъ и мистическихъ. Почти всѣ секты были занесены къ намъ съ Запада: оттуда занесены были къ намъ молоканство, шведенборгіанство, анабаптизмъ, штундизмъ, масонство и т. п. Можетъ-ли Латинская церковь исцѣлить язвы, причиняемыя нашему народу этими сектами, когда именно на Западѣ онѣ зародились, оттуда къ намъ были занесены и тамъ онѣ и доселѣ не искоренены, а иныя даже усиливаются, напр., методизмъ въ Италіи?

Или, можетъ быть, папа и латиняне замышляютъ просвѣтить насъ-варваровъ науками? Но пусть папа и его духовенство сначала просвѣтятъ невѣжественныхъ Ирландцевъ, Испанцевъ и Итальянцевъ, и тогда мы повѣримъ, что они, домогаясь присоединить къ своей церкви Востокъ, имѣютъ отчасти и просвѣтительныя цѣли. Да и годится-ли

намъ ихъ просвѣщеніе? И нужна-ли намъ ихъ просвѣтительная помощь? Въ Россіи просвѣщеніе сдѣлало уже столь значительные успѣхи, что дальнѣйшее поступательное движеніе его вполнѣ обезпечено, и не нужно быть пророкомъ, чтобы сказать, что, быть можетъ, не очень далеко то время, когда Россія догонитъ народы Запада въ просвѣщеніи. А православная богословская наука теперь имѣетъ и всегда имѣла то великое преимущество предъ богословіемъ Западнымъ, что она свободна отъ раціонализма и огромной примѣси лживыхъ человѣческихъ мнѣній, которыми заполонено и отравлено не одно протестантское, но и латинское богословіе.

Въ результатѣ никакихъ благъ, ни духовныхъ, ни матеріальныхъ, Православная Церковь отъ Латинской чрезъ соединеніе съ послѣднею не получитъ, и даже потерпитъ огромный духовный и матеріальный уронъ, и на голову ея и принадлежащихъ къ ней народовъ падутъ величайшія несчастія. Это доказала несчастная Брестская унія.

Окончивши разборъ энциклики Льва XIII о соединеніи церквей, обсудивши вопросы о возможности и пользѣ соединенія Православной Церкви съ Латинскою, давши безусловно-отрицательные отвѣты на нихъ, въ заключеніе не можемъ не выразить горестнаго чувства, которое невольно зарождается при мысли о превратныхъ судьбахъ Латинской церкви. Колыбелью этой церкви былъ древній Римъ, резиденція цезарей, столица всего древняго міра, названный „вѣчнымъ городомъ“, и этотъ же городъ, хотя упавшій и изветшавшій, всегда оставался и доселѣ остается центромъ этой церкви и резиденціей ея главы—папы; эта церковь была основана при Апостолахъ, укрѣплена проповѣдью и личнымъ руководствомъ первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и запечатлѣна ихъ мученически пролитою кровію; подобно другимъ апостольскимъ церквамъ она прославлена цѣлымъ сонмомъ мучениковъ, пострадавшихъ за имя Христа; на престолѣ ея въ древнія времена были и такіе мужи, какъ Св. Ипполитъ, Св. Левъ I, Великій, Св. Григорій Великій, которые лучами своей святости, глубокой мудрости, возвышеннаго богопознанія и изобильной богословской ученности освѣщали весь Западъ, озаряя и Востокъ; было въ

ней много и другихъ мужей, прославившихся то мудростію церковнаго управленія, то иноческими подвигами, то непорочностію и святостію жизни, то богословскими учеными трудами, то блестящимъ краснорѣчіемъ, то апостольскими трудами по распространенію христіанской вѣры среди язычниковъ; по значенію древняя Римская Церковь была первою, важнѣйшею и центральною церковію среди всѣхъ церквей Запада, а по преимуществамъ чести она была первою среди церквей всего міра. Но постепенно предстоятелями этой славной церкви, называвшимися сначала епископами, а потомъ первосвященниками, папами и святѣйшими отцами, сталъ овладѣвать духъ честолюбія и властолюбія. Сначала они присвоили себѣ власть надъ непринадлежащими имъ церквами Запада и усиливались, хотя и безуспѣшно, подчинить себѣ и восточныя церкви, а потомъ они стали присвоивать себѣ и свѣтскую или мірскую власть,—власть не только надъ полученною ими въ даръ небольшою областію, окружавшею Римъ, но и надъ всѣми христіанскими императорами, королями, герцогами, князьями, надъ ихъ правительствами и подвластными имъ народами, вообще надъ всѣмъ христіанскимъ, а если возможно, то и надъ нехристіанскимъ міромъ. Въ средніе вѣка, особенно во вторую половину ихъ, когда церковная и свѣтская власть папъ достигла наивысшаго могущества и наибольшаго распространенія, владычество ихъ простиралось отъ Атлантическаго Океана до Финскаго залива, Западной Двины, Днѣпра, Кавказа, Малой Азіи и Палестины, и отъ сѣверныхъ окраинъ Норвегіи до песчаныхъ Африканскихъ степей, а на зарѣ Новаго времени власть папъ простерлась еще и на новооткрытую часть свѣта, на Среднюю и Южную Америку. Но по мѣрѣ того, какъ усиливались церковная власть и свѣтское могущество папъ, болѣе и болѣе овладѣвали ими мірскія заботы, земные интересы, человѣческія страсти, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ папахъ и ихъ духовенствѣ стали тускнѣть и теряться понятія о существѣ и главной цѣли Церкви и о задачѣ ихъ служенія—вести людей къ Небесному Отцу, возникли неправильные взгляды на способы руководствованія людей къ небесной жизни, затьмилось представленіе о сущности истиннаго христіанства, вкрались заблужденія въ вѣроученіе, далеко уклонилось отъ нормы цер-

ковное устройство и управленіе, утратилась духовная связь съ древнею вселенскою Церковію и послѣдовало формальное отдѣленіе Латинской церкви отъ православнаго Востока. Уклонившись отъ чистоты евангельской истины, отъ апостольскаго ученія и преданія, отъ ученія и практики древней вселенской Церкви, отдѣлившись отъ Церкви Православной, папы и духовенство Латинской церкви своими руками выкопали себѣ яму, и не спасло отъ разгрома Латинской церкви міровое могущество папъ. Внутри ихъ собственной церкви возгорѣлась ужасная междоусобица; цѣлая половина церквей отложилась отъ нихъ и доселѣ враждуетъ противъ нихъ. Не смотря на этотъ страшный разгромъ Латинской церкви, не смотря на разъѣдающія ее масонство и атеизмъ и на ожесточенное и упорное противодѣйствіе папамъ и ихъ духовенству свѣтской власти, политическая сила папы все еще значительна, и церковная власть его если не во всей, то въ большей части его церкви сильна. Эта церковь и доселѣ есть самая многолюдная изъ всѣхъ церквей; и теперь въ ней есть много самоотверженныхъ миссіонеровъ, мудрыхъ государственныхъ людей, полезныхъ общественныхъ дѣятелей, ученыхъ богослововъ, благочестивыхъ подвижниковъ и проч. Но тѣмъ тяжелѣе становится при мысли, что эта церковь, существующая почти 19 вѣковъ, знаменитая въ древности, обладавшая всемірнымъ могуществомъ въ средніе вѣка, сохранившая отчасти могущество и обширность и до настоящаго времени, пережившая и свѣтлыя и темныя времена, боровшаяся и страдавшая, побѣждаемая и побѣждавшая, много жившая и много испытавшая, лѣтописями о своихъ дѣяніяхъ занявшая важное и широкое мѣсто во всемірной исторіи, питающая и доселѣ широкіе замыслы и свѣтлыя, даже радужныя надежды на лучшее, блестящее будущее,—эта церковь, говоримъ, уже много вѣковъ состоитъ въ расколѣ съ Православною Церковію, питаетъ къ ней затаенную непріязнь, чужда истинной православной вѣрѣ, заражена ересями. Еще грустнѣе сознавать, что не видно и конца, когда она отступится отъ своихъ заблужденій, обратится къ истинной вѣрѣ и соединится съ Православною Церковію, что въ настоящее время нельзя изыскать никакихъ дѣйствительныхъ способовъ къ ея обращенію, и почти трудно питать надежду на ея исправленіе

въ будущемъ, что даже въ ней замѣтно умноженіе ересей и все большее и большее удаленіе ея отъ православной истины, и что поэтому можно опасаться печальнаго исхода ея долгой жизни. Не зная, что случится, но зная, что паденіе исполина можетъ грозить опасностями и для окружающихъ его, мы, православные, ничего пока не можемъ, какъ только препятствовать пропагандѣ латинской вѣры среди православныхъ народовъ, ревностнѣе распространять православную вѣру среди нехристіанскихъ народовъ и усерднѣе молить Бога, чтобы Онъ внялъ нашему церковному прошенію о соединеніи церквей, которое должно состоять въ принятіи инославными церквами, исповѣданіями, церковными обществами и сектами истинной, православной вѣры, такъ чтобы на землѣ было одно стадо, т. е., одна Православная Церковь, и одинъ Пастырь ея, т. е., Іисусъ Христосъ, Глава Церкви, Которому да будетъ слава, честь и поклоненіе во всемъ мірѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Вмѣсто Введенія историческая справка о томъ, принесла-ли кому либо пользу Брестская унія	I—XII.
Современное движеніе къ единенію	1— 8
Призывъ папы Льва XIII къ соединенію съ Латинскою церковію всѣхъ людей	8— 11
Поводъ къ изданію энциклики о соединеніи церквей	11— 13
Содержаніе энциклики	13— 27
Характеръ энциклики	27— 30
Предметъ ея—вопросъ о соединеніи церквей	30— 31
Важность этого вопроса	31— 32
Особенное значеніе его для латинянъ, какъ одного изъ способовъ пропаганды ихъ вѣры	32— 41
Миссіонерство у православныхъ и латинянъ	41— 50
Доводы латинянъ въ пользу соединенія церквей съ ихъ церковію и опроверженіе ихъ	50— 63
Латинская церковь—раскольническая и еретическая церковь	63— 71
Первовиновники неправовѣрія и раскола Латинской церкви—папы и іерархія	71— 72
Заблужденія латинянъ въ ученіи объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына, о евхаристіи и другія	73— 79
Латинскій догматъ о непорочномъ зачатіи Богоматери и теорія развитія догматовъ	79— 82
Латинскій догматъ о непогрѣшимости папы	82— 84
Латинскій догматъ о главенствѣ папы	84—118
Общій взглядъ на заблужденія Латинской церкви	118—123
Взаимныя отношенія между Латинскою и Православною Церковію	123—130
Соединеніе Православной Церкви съ Латинскою въ настоящее время не возможно	130—147
Догадки о будущности Латинской церкви	147—159
Безполезность соединенія съ Латинскою церковію Православной Церкви для возвеличенія достоинства послѣдней,	159—184
для устраненія неурядицъ международныхъ, государственныхъ и соціальныхъ,	184—194
для достиженія прочихъ благъ, обѣщаемыхъ папою,	194—204
для пріобрѣтенія выгодъ, ожидаемыхъ нѣкоторыми православными	204—211
О политическихъ отношеніяхъ между православными народами и папою	211—215
Полная безполезность и вредъ для православныхъ народовъ соединенія ихъ съ Латинскою церковію	215—220
Общій взглядъ на славныя и печальныя судьбы Латинской церкви	220—223

